
Андрей ИГНАТЬЕВ

МЕЧТАЯ ОБ АМЕРИКЕ

Роман-травелог

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Хэллоу, Америка!

Толстая латиноамериканка с головой, похожей на кремовую розу, смотрела то в монитор, то в мой паспорт, в конце концов перевела глаза на меня и сказала:

— На ваше имя ничего нет.

— Не может быть, — не согласился я, — номер забронирован компанией Хаттимил. Проверьте еще раз.

Она снова нырнула в экран, через минуту вынырнула и заявила окончательно:

— Ничего нет! Простите.

Холодный молоток постукивал за грудной клеткой.

— Хорошо, — сказал я, — я возьму другой номер, сколько это будет стоить?

— Мест нет, — ответила женщина.

«Спокойно, — сказал я себе, — в крайнем случае смогу переночевать на вокзале».

— Не сможете, — разубедила латиноамериканка, когда я поделился с ней своей идеей, — это вокзал, там нельзя ночевать.

И набухшая от прозябания рука протянула паспорт с первой, единственной визой. Я забрал его, развернулся и побрел к выходу.

«Мда, — подумал я, — все-таки нужно было сразу решить вопрос с жильем, а не шататься по улицам, мотая головой по сторонам и расплескивая взволнованные восторги: его высотное величество Нью-Йорк! Вереницы желтых кэбов в пробках, причудливая друза небоскребов, бесконечно идущие люди... А я один, в чужой стране... что теперь будет?»

Я достал из кармана инструкцию из агентства, развернул ее и все перепроверил. Дата заезда: двадцатое мая, имя и фамилия — совпадают. Так какого же черта?

Офис Хаттимил размещался в этом же здании, только с другой стороны. Инструкция предписывала обращаться туда, если будут проблемы.

Выцветшая бумажка с оттопыренным уголком, приклеенная к деревянной двери одного из кабинетов, подтверждала, что я в нужном месте. Только дверь была заперта.

— Извините, — обратился я к мрачному негру-уборщику, орудующему шваброй неподалеку, — не подскажете, как они работают?

— Ни разу не видел, чтобы туда вообще заходили люди, — сухо пробормотал он, продолжая надраивать лестничную площадку.

Андрей Николаевич Игнатьев родился в 1985 году в г. Ижевске. Окончил Ижевский государственный технический университет. Принимал участие в Форумах молодых писателей РФ, стран СНГ и зарубежья, стипендиат Министерства культуры РФ. Публиковался в сборниках «Новые писатели» (М.: Фонд СЭИП, 2015, 2017), литературных журналах «Традиция & авангард», «Сибирские огни», финалист российско-итальянской премии «Радуга» (2019). Живет в г. Снежинске.

«Меня кинули, — первое, что пришло на ум, — деньги забрали, отправили. А жилья нет и работы тоже — сколько таких историй?» Тревога, зародившаяся где-то внутри, мгновенно расплзлась по всему телу и достигла кончиков пальцев. Меня бросило в жар, я приложил ко лбу ладонь, она была ледяной и взмокшей. Все. Допрыгался. Приплыли.

Я выскочил на улицу. Дорога шумела, люди шли, город кипел. Смеркалось. Местные гопники подозрительно косились. Здесь они поменяли стрижку, одежду, походку, даже цвет кожи, но взгляд все тот же, он-то их и выдавал. Я прокрался к парадному входу и прошмыгнул в холл.

— Что мне делать? — пристал к худошавому парню, одному из сотрудников негостеприимного отеля.

— Найдите другое место, — сказал он.

— Как?

Он посмотрел на меня рассеянно и обреченно. Отвернулся и зашагал прочь.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — я увязался следом. — Я первый раз в этой стране, мне очень нужна помощь!

Мы дошагали до стойки неподалеку от администратора, парень протянул листок.

— Вот, — сказал он, — по любому из этих адресов вас могут разместить на ночь.

— Хорошо, — кивнул я, изучая распечатку со списком нью-йоркских гостиниц. — Но на улице уже вечер, я дойду до первого адреса, там тоже не будет свободных мест, потом до второго, и там не будет — так и ночь наступит! — иностранные предложения давались мне все легче.

— Вон там у нас телефон для постояльцев, позвоните и узнайте, примут ли вас.

Я бросил взгляд в сторону таксофона. Он был недалеко, висел на стене, свободный. Я сбегал до него, но через секунду вернулся.

— Вот, — трясущейся рукой передал парню телефонную карточку, — на ней пять минут, связаться с родителями и сообщить: у меня все в порядке. Я готов потратить это время, но не пойму, как им воспользоваться.

Парень пожал плечами.

— Пожалуйста, — умолял я, — позвоните, узнайте.

Он позвонил. Обвел ручкой название Ost Harlem Hostel на распечатке, сказал, что мне туда, что ночь будет стоить тридцать долларов и добраться можно пешком (шариковая ручка провела на листке торопливую неровную схему).

— Спасибо, — сказал я ему, — спасибо.

И отправился на поиски.

За первым же поворотом со мной поравнялась полицейская машина и стала пристально ползти сбоку. Неприятное чувство. Померещилось, что они за мной. Я хотел прибавить шаг, но потом прикинул: «А что, переночевать в участке — тоже вариант!» Только копы, как будто прочитав мои мысли, поддали газу и вскоре сгинули.

Ost Harlem Hostel действительно был недалеко, и добрался я быстро. Администратор — мужчина успокоительно интеллигентного вида (средних лет, в очках, с усами) — благополучно обменял мои тридцать баксов на ключ от номера в третьем этаже. Поднимаясь по лестнице, я старался отогнать неприятные мысли о том, как только что остался без половины имеющихся у меня денег. Вместо этого я воображал, как еще немного — и приземлюсь в просторную мягкую кровать, включу ящик, попью пива из мини-бара, посплю, наконец. А уж потом все хорошенько обдумаю.

Я возился с ключом, который никак не хотел попасть в замочную скважину. Вдруг послышались звуки приближающихся шагов... из моего номера. Ручка опустилась вниз, дверь распахнулась. Передо мной возник человек:

— Хай, — сказал щетинистый старичок, обдав меня волной перегара.

— Хай, — вывалилось из меня.

Мужчина отошел, я шагнул внутрь. В небольшой темной комнате вдоль голых стен были расставлены двухъярусные нары. Из маленького окошка под потолком еле сочился свет. На полу были разбросаны чьи-то вещи.

— Кажется, там свободно, — указал старик на одну из верхних коек.

— Спасибо.

Я закинул на матрас рюкзак, сумку, поднялся сам, подобрал под голову подушку и зажмурился что было силы. Прележал минуты две, наверное. Старичок так и стоял внизу, смотрел с немым любопытством. Я спустился, завязалась беседа:

— Откуда ты? Ого! Мой дед был из Беларуси! Кажется, это где-то у вас? Тут спят англичане, там — студент из Японии. Они сейчас на бейсбольном матче...

Позже я разведал на этаже телефонный аппарат, позвонил домой и Лине — оказалось, сделать это совсем несложно. Сказал, что все у меня хорошо, сходил в душ, потом лег спать. Ночью я слышал, как возвращались соседи, как кашляла какая-то женщина за стеной, а когда увидел, что за окном светает, сдал ключи и покинул ночлежку.

Первые русские

На улице было свежо и на удивление пустынно, дружелюбно шелестели деревья. По красной кирпичной стене с белой оплеткой углов карабкалась упитанная серая белка. Утренний Нью-Йорк навевал умиротворение. «Так, — сказал я себе, — с сегодняшнего дня все пойдет как надо!» — и твердой поступью двинулся по тротуару. Через некоторое время очутился на перекрестке, по которому рассекали многочисленные такси. Я поднял руку, и одна из машин молниеносно примкнула к обочине. Чернокожий шофер живо покидал мое добро в багажник (отрабатывает чаевые — понял я) и поинтересовался:

— Куда?

— Центральный автовокзал.

Мы сели и поехали. На водителе была большая клетчатая кепка поверх коротко стриженной головы, черная кожа блестела. Остановившись на светофоре, он барабанил пальцами по рулю, иногда пригибался вперед или смотрел по сторонам и протяжно бормотал оттопыренными губами:

— O'key... What's wrong?... Go on, buddy...

Из динамиков звучала песня, за окнами потягивался Нью-Йорк. Но вчерашнее любопытство покинуло меня, и я все чаще обнаруживал свой взгляд блуждающим по строчкам памятки Хаттимил, плотно прижатой к коленям.

Вокзал был грандиозный многоуровневый комплекс, с выходом к метро, с паноптикумом ресторанчиков и торговых лавок, потолок и стены светились электронными табло. Мне как можно скорее следовало связаться с работодателем, поставить того в известность, что ближайшим рейсом выезжаю. Вдруг я представил, что никакого работодателя нет, и скоро я останусь один на один со своими проблемами в этом муравейнике, за десять тысяч километров от дома. Сгинуть здесь ничего не стоит, просто пропасть, стать незначущей частичкой в броуновском хаосе. К счастью, моего звонка ждали. Приободренный мужской голос пообещал, что встретят в Футтауне.

Насилу отыскав кассы, я купил билет. Автобусы отходили прямо отсюда, из самого здания вокзала. Пассажиры ожидали на скамьях у раздвижных дверей, до поры до времени наглухо закрытых. Я нашел gates, номер которых совпадал с указанным в моем билете, и уселся на скамейку ждать. Все люди вокруг что-нибудь жевали: гамбургеры, хот-доги, пиццу. Я только сейчас ощутил, как сильно проголодался — желудок стянуло в тугую спираль. Часы показывали шесть сорок — перекусить успею. Я сходил до ближайшей лавки, купил пакетик чипсов и бутылку колы. Разорвал надутую упаковку и разом всыпал в себя все ломтики хрустящей картошки, но этим не утолил голод, а, на-

оборот, лишь раззадорил. В желудке клацал пустой капкан, требуя непременно жертвы. Я открыл газировку, сделал первый глоток и уже не смог оторваться, пока не опустошил всю. Во рту поселился вязкий привкус, который хотелось поскорее запить. Эх, надо было быть умнее и брать обычную воду. Хоть она и стоила чуть дороже, а я уже потратился на такси, сколько там у меня осталось? Как быстро улетучиваются деньги...

Пока я сводил в уме ведомость расходов, у ворот возникли две женщины. В причудливых дачных одеждах, с набухшими полипропиленовыми сумками, они беспокойно семенили по площадке, озабоченно охали и растерянно озирались. Когда я услышал, что они говорят по-русски, люди, звуки вдруг стали размытым фоном с едва различимыми деталями. «Вот это да, — подумал я, — второй день в Нью-Йорке, и уже встретил русских!»

Вскоре одна из пришелиц зашагала в мою сторону, с шумом ухнула на скамью набитый баул и громогласно произнесла:

— Ты посмотри — расселся! Как будто один тут!

Я поспешил подвинуться, уступая место. Подроспела вторая. Сумку переставили на пол. С хлопотами обе устроились рядом.

— Простите, — обратился я к ним, все еще пребывая в каком-то робком восторге, — а вы из России?

Женщины посмотрели на меня:

— Да.

— А что вы тут делаете?

— Живем, — явно удивленные таким вопросом, ответили они.

— На Брайтоне?

— Нет.

— Странно...

— Почему?

— Я думал, что большинство русских живет там.

— Не-е-е-т, милый мой, — снисходительно улыбнулась старшая, — там сплошь одесские евреи. Просто они — русскоговорящие.

Женщины, мать и дочь, жили в Америке уже семь лет. Сейчас ехали в Монтиселло — большая часть их маршрута совпадала с моим. Они собирались подыскать место для отдыха всей семьей. Я рассказал, что направляюсь в детский лагерь, буду там maintenance. Они ответили — это чудесно, что студенты из России могут вот так легко прилетать в Америку поработать на лето. Ворота распахнулись, подали автобус — торжественный, огромный, блестящий. Мы расселись небольшой диаспорой в первых рядах. Женщины жаловались, что все в Америке безумно дорого и продолжает дорожать и что в России жизнь, конечно же, проще.

— У нас говорят, что рубль скоро станет дороже доллара! — сказала одна из спутниц.

— Да, — подтвердила другая, — все благодаря нефти!

— Не слышал о таком, — признался я. — До нас, наверное, еще не дошло.

Женщины называли американцев «они», сообщили, что русских в Штатах — про-рва, что я смелый человек, раз решился на такое приключение. К сожалению, в Монтиселло нам пришлось распрощаться, женщины направились в город, а я пересел на другой автобус.

«Склон Кэсинка»

Сошел в Футтауне. Здесь, вдали от пыльного Нью-Йорка, было облачно и накрапывал мелкий дождь. На остановке стояла женщина средних лет.

— Ха-ай! — поздоровалась она. — Андрей?

— Да, — ответил я, — здравствуйте!

— Очень приятно, я — Бекка. Как добрался? Были проблемы?

— Нет, добрался хорошо, спасибо.

Бекка Кларк была дочерью владельцев лагеря. Она занималась организационными вопросами и переписывалась с будущим персоналом по электронной почте. Не то чтобы я рисовал ее голливудской звездой, просто не такой: бесформенной и пресной. Немолодое лицо с россыпью бледных веснушек, растрепанные рыжеватые волосы. Прядки покачивались на ветру, колыхалась незастегнутыми полами желтая дождевая куртка.

— Это весь твой багаж? — спросила Бекка, разглядывая мою сумку.

— Да.

— Да ты путешествуешь налегке! Ну что, поедem? — она немного развернулась, направив открытую ладонь в сторону припаркованного неподалеку автомобиля — красного пикапа, по лакированному кузову которого сползали наискосок прозрачные улитки.

— Да, — сказал я, — конечно.

Мы сели в автомобиль, дождавшись, когда я пристегну ремень, Бекка запустила двигатель.

Вскоре Футтаун растворился позади — крохотный провинциальный городок с аккуратными домами, словно вырезанными из цветного картона. Впереди возвышались горы, укутанные в зеленый лес, почти сплошной, только изредка к дороге прорубались частные дворы и сельскохозяйственные угодья. Лес был сказочен и жив. В ветвях деревьев перелетали необычные птицы, на окраинах встречались табунки косуль — они паслись недалеко от трассы, ничуть не пугаясь шума автомобилей.

— У вас чудесная природа, — сказал я.

Бекка легко засмеялась, как будто шутке. То ли я ляпнул что-то не то, то ли она меня не поняла — не знаю. С хайвея свернули где-то через четверть часа, метров двести прокатились по грунтовке. Остановились. Бекка вышла, и я счел нужным последовать ее примеру.

— Добро пожаловать в лагерь «Склон Кэсинка»! — отчеканила она приветствие, начертанное на щите, укрепленном рядом с дорогой. Обвела счастливым взглядом окрестность и глубоко вдохнула, так, будто тысячу лет не бывала в этих местах.

Вот я и достиг цели. В воздухе почему-то пахло навозом.

Впереди, на холме, высился дом, слева и справа от него тянулись полосы лиственного леса. На покатой, открытой местности перед ними, посреди ровно остриженной травы, были расставлены однотипные коричневые домики с синими крышами. Бросилось в глаза, что они возведены не на фундаментах, а на деревянных сваях и несколько возвышаются над землей. Тут же взгляд выхватил еще более поразительную картину — загон, в котором прогуливались страусы. Страусы в детском лагере — вот это да! Черные, длинношеие, они грациозно вышагивали вдоль забора. Вдруг из левого перелеска выкатилась необычная машинка цвета хаки.

— Эй, ребята! — закричала Бекка в ее сторону и начала семафорить руками.

Машинка свернула и довольно резво добралась до нас. Внутри сидели два парня.

— Это Спенсер, — Бекка показала на бугая в надетой задом наперед бейсболке, сидевшего за рулем. Из-под туго натянутой кепки выбивались черные завитки. На широко сосредоточенном лице хмурились хвойные брови. — Он из Канады. А это Робби, — представила Бекка пассажира, головной убор которому заменяла копна длинных рыжих волос — спутавшаяся обмотка соленоида, не иначе. — Не волнуйся, если не будешь понимать его первое время, мы и сами не понимаем половины того, что он говорит: Робби — шотландец.

Робби что-то завершал с невообразимым фыркающе-шипящим акцентом — треск старого радиоприемника, который никак не может настроиться на нужную волну. Бекка добродушно рассмеялась:

— Я же говорю!

— Приятно познакомиться, — сказал я парням.

Оба были в водонепроницаемых штормовках и резиновых сапогах с комьями налипшей грязи: почва была влажной, шли долгие дожди или снег сошел не так давно?

— Эти двое здесь уже неделю, — сказала Бекка, когда мы усаживались в пикап, — а завтра приедут девочки: Сьюзан и Хезер, они из Канады и обе уже работали у нас, Сьюзан прошлым летом, а Хезер два года назад.

— Должно быть, они хорошо провели здесь время, раз решили вернуться?

— О, да! Пролетным летом Хезер была вожатой в другом лагере, и на этот раз ей было из чего выбирать. Она, конечно же, выбрала «Склон Кэсинка»!

Мы остановились около особняка, перед опущенными ставнями гаражных ворот. Рядом были припаркованы два японских внедорожника, совсем новых. «На машинах они не экономят, — подумал я, — наверное, это к лучшему, что у них водятся деньги». Выйдя из пикапа, мы поднялись на террасу, увешанную цветущими горшками. Стены дома были обшиты гладкими дощечками, уложенными внахлест, однотонно окрашенными в светло-серый. Бекка потянула за дверь, и та, звякнув колокольчиком, отворилась.

Гостиная была просторна и хорошо обставлена. В центре зала стоял кожаный диван с уложенными на краях подушками, к нему придвинут деревянный стол с бронзовой статуэткой оленя и желтой вазой, в которой покоился букет засохших цветов. На придиванном столике высилась массивная белая лампа. Вдоль стен расставлены кресла с бордовой обивкой. Справа уходила вверх широкая лестница. На окнах висели тюль и узкие полоски ламбрекенов вместо штор. Но все равно было довольно сумрачно. Гостиная вообще имела вид необжитой, музейный, как будто здесь нечасто появлялись люди. Вот и сейчас никого не было.

Мы проследовали на кухню и там застали мистера и миссис Кларк — Джона и Марту. Марта невысокого роста, дебелия, с короткой мальчишеской прической. Джон — директор лагеря — наоборот, рослый, подтянутый, с опрятной бородкой, с частыми переборками морщин на загорелом лице и совершенно седыми волосами.

— Рады, что ты прибыл! — сказал Джон. — Хорошо добрался?

— Да, — ответил я.

— Хочешь поспать?

— Нет.

— Перекусить?

— Нет, спасибо.

— Хорошо. Скоро обед, поедим все вместе. Сейчас можешь оставить свои вещи и переодеться — осмотрим лагерь.

— Хорошо, — согласился я.

Бекка повела меня на второй этаж. Коридор был темным, длинным, тихим. Я с облегчением подумал, что вот наконец-то мои приключения и окончились, все становится более-менее определенным. Бекка приоткрыла одну из дверей и сказала:

— Здесь вы и будете жить с ребятами, пока не откроется лагерь. — И оставила меня одного, чтобы я переоделся.

Крыша дома Кларков была причудливой формы, которую создавали несколько выдающихся мансард. В одной из них нас и поселили. Под косым потолком небольшой комнаты были расставлены четыре кровати, две из них заняли Спенсер и Робби, о чем недвусмысленно сообщали небрежно заправленные покрывала и сгрудившиеся под по-

стелями кучи скомканной одежды. В дальней стене белела дверь, за которой недлинный коридор вел на балкончик с металлической лестницей, спускающейся вниз. Когда все лягут спать, по ней можно незаметно прокрасться на улицу и изучать этот далекий мир, пропитанный ночью. Только дверь была заперта. Может быть, поэтому рождались такие мысли?

Из свободных полуторок я выбрал ту, что располагалась ближе к окну. Сбросил на нее свой рюкзак, быстро переоделся и снова вышел к Бекке. В прихожей мы отыскиали для меня оранжевый, люминесцентно-яркий дождевик, пропахший кэсинковским воздухом, и резиновые сапоги.

Джон уже ждал снаружи. Убедившись, что я полностью экипирован, он позвал меня в очередную машину, на этот раз почти однотонную, синюю.

— У тебя есть водительское удостоверение? — спросил он, когда мы тронулись.

— Нет.

Он немного помолчал, потом сказал:

— Большинство ребят, приезжающих сюда, водят машины, но для этой, — Джон ударил ребром ладони по ободку руля, — права не нужны. Мы зовем ее рейнджер. Вы, maintenance, будете ездить на рейнджерах, поэтому позже я расскажу тебе, как ими пользоваться — это несложно. Всего вас будет четверо. И это будет поистине интернациональная команда! Кроме тебя, в нее войдут парень из Мексики, парень из Канады и парень из Голландии — Макс, он уже работал у нас вожатым, но теперь мы предложили ему стать начальником maintenance, и он не отказался.

Джон говорил очень медленно, явно делая скидку на то, что я из другой страны.

— А как же Спенсер с Робби? — спросил я.

— Ты их уже видел? Они не maintenance, они — вожатые и приступят к своим обязанностям, как только появятся дети. Сейчас они участвуют в благоустройстве лагеря лишь потому, что у них была возможность приехать заранее, ведь работы так много! И поэтому мы очень рады, что ты тоже смог присоединиться к нам уже сейчас.

— Видишь тот дом дальше? — спросил Джон, указывая в сторону второго особняка, расположенного ближе к подножию гор.

— Да.

— Там живет мой сын Ллойд со своей семьей — женой Иден и сынишкой Кодди.

— Вот как? О'кей, — понимающе кивнул я.

Мы проехали какие-то склады, гаражи для техники, здания, где размещались секции для детей. Самая большая постройка объединяла под своей зеленой крышей конюшни, мастерскую и, если я правильно понял, сеновал. «Склон Кэсинка» занимал огромную территорию. В лагере были бассейн, средних размеров озеро, теннисные корты, баскетбольная площадка и футбольные поля, картинг, башня для скалолазания и еще много чего!

— У вас так много страусов, — сказал я, когда мы миновали один из загонов, — должно быть, дети их очень любят?

— О, да, — сказал Джон горделиво, — мы разводим их ради яиц. Мы продаем их в рестораны соседних городов. Я же рассказывал тебе об этом, когда мы созванивались?

— Наверное, — сказал я неуверенно. Я помнил лишь одно упоминание о местной фауне в нашем телефонном разговоре — Джон предупреждал, что «Склон Кэсинка» окружен лесом, в котором обитает множество диких животных: скунсы, койоты, однажды заходил медведь... «Ничего, ничего, — отвечал я, — я очень люблю животных», — помню, тогда я здорово повеселил Джона.

В конце осмотра он остановился у домика, на крыльце которого Робби со Спенсером перекрашивали белой краской деревянные кресла.

— Найдется еще одна кисточка? — спросил Джон.

- Конечно! — ответил Спенсер.
- Хорошо. Андрей, ты можешь к ним присоединиться.
- О'кей.

Я спрыгнул с рейнджера. Взмахнул крыльцо по хлипким ступеням. Спенсер протянул мне широкую кисть. Я взял ее, посмотрел на Джона. Он улыбнулся и кивнул. Уехал.

- Не лучшая погодка для покраски, а? — спросил я Робби, малявившего рядом.
- Пожалуй, — ответил он.
- Красите прямо поверх старой краски, не счищаете ее?
- Нет нужды.
- Понятно. Так ты из Шотландии?
- Ага.
- А из какого города?
- Из Глазго.
- Болееешь за «Селтик» или «Рейнджерс»?
- Ни за кого не болею, не увлекаюсь футболом. А ты, стало быть, из России?
- Ну да.
- Агент КГБ?
- Конечно, — сказал я со смущенной ухмылкой.

Во время работы Спенсер и Робби больше болтали между собой. Сначала я прислушивался к ним, но они говорили слишком быстро — все слова были размазанные, речь казалась какой-то нечленораздельной. Поэтому я сосредоточился на работе. Кисточка легко следовала движениям руки. Я ходил вокруг кресла, закрашивая новые и новые участки. Вдруг крупная капля сорвалась вниз и расплылась ярким пятном по коричневому полу. Я невольно выругался:

— Вот черт! — и эта короткая фраза, произнесенная на русском языке, странным образом резанула слух, собственный голос показался чужим, металлическим, незнакомым. Я тут же почувствовал, что мир вокруг опять деформируется, как тогда на вокзале — очень необычное ощущение. Все вдруг стало ненастоящим, мощный поток пронес меня по коридору времени и бережно усадил на мягкий диван в знакомой старой квартире. Все, что секунду назад составляло мою действительность, стало лишь картинкой на горящем выпуклом экране телевизора.

Эффект продлился несколько секунд, и вскоре все вернулось обратно. Но трюк мне понравился, поэтому, выждав какое-то время, я чертыхнулся опять — все повторилось: одно мгновение, и ты — лишь сторонний наблюдатель своих заграничных походов. Но на третий раз фокус не сработал, магия развеялась, да и парни стали коситься то ли с любопытством, то ли с подозрением.

Оттерев пятно, я подумал, что надо быть аккуратнее, и снова взялся за работу. Когда история видавшего виды кресла была переписана набело, я заглянул в домик.

На покрытом пылью полу валялся мусор, забытый, видимо, последней сменой: бумаги, фантики, колпачки от ручек. Помещение было с минимумом комфорта: узкие двухъярусные кровати, сколоченные, кажется, во времена первых переселенцев, матрасы в ржавых разводах, небольшие темно-зеленые стеллажи. Потолок был лишь над туалетом и душем, образуя там маленький чердак. Туалет отгораживался от жилой части простой деревянно-стружечной плитой. Оконные рамы нуждались в ремонте. В них сквозил ветер, и выгоревшие занавески мерно дышали. Шторка душевой кабины была покрыта грибком. С трудом верилось, что в таких спартанских условиях будут жить люди, тем более дети.

- Андрей, — окликнул меня Спенсер, — идем обедать.
- Иду.

— Мы не начинаем обедать, пока все не соберутся за столом, — сказал Джон, обращаясь ко мне, — таково правило. Обещал подойти Ллойд, но предупредил, что задержится, и сам попросил его не ждать. Поэтому, — теперь он всех обвел приглашающим взглядом и вскинул вилку с ножом, — желаю всем приятного аппетита!

— Спасибо, — дружно ответили присутствующие и принялись есть.

На обед была стручковая фасоль, малюсенький — с указательный палец — початок вареной кукурузы, ростбиф и упаковка чипсов для каждого. На столе стояли ваза с фруктами, два кувшина — один с чаем, другой с соком, оба со льдом, — корзиночка с хлебом, баночка с джемом, желтая бутылочка с горчицей, майонез, кетчуп и еще изрядно неопознанных баночек и бутылочек.

Лежащий рядом с тарелкой нож ввел меня в ступор — когда же я им пользовался последний раз? Пришлось подглядывать, как выкручиваются остальные, и только после этого взяться за нож самому. К счастью, я быстро приноровился, ели без хлеба, и этим как раз освобождалась одна рука. Вот только не покидала скованность от ощущения, что за моими действиями наблюдают. Едва я разделался с ростбифом, Джон спросил:

— Еще мяса?

— Нет, спасибо, — отказался я и посмотрел на Спенсера, тот давно умял добавку, а теперь взял баночку с джемом и толстым слоем намазывал его на тост.

Почему-то у меня совершенно не было аппетита, и свою порцию я осилил с трудом, но рассудив, что, если больше ни к чему не прикоснусь, это будет выглядеть невежливо, я попросил:

— Можно и мне кусочек хлеба?

— Можно и мне кусочек хлеба, *пожалуйста*, — поправила Бекка и объяснила: — Дети во всем будут брать с нас пример: с того, как мы говорим, с наших манер, с наших поступков, — она протянула корзинку.

— Извиняюсь, — сказал я и попробовал взять ломтик.

— Нет-нет! — взвилась она. — Не руками! Используй щипцы!

Я повиновался, подумал: «Какой же я дикарь» — и, кажется, покраснел.

В кухню ворвался мужчина. Он на ходу сорвал крышку с миски, наполовину заполненной мясом, хапнул один из кусков своими исполинскими пальцами и в два счета разделался с ним. Потом уселся на свободный стул.

— О, привет! — сказал он, только теперь заметив меня. — Так ты Андрей?

— Да, — сказал я, — добрый день.

— Я Ллойд, — представился он.

От отца Ллойд унаследовал строевой рост, но некрепкое телосложение: лишний вес был налицо.

— Слушай, — сказал Ллойд, обильно поливая томатным соусом следующий шмат мяса.

— Да?

— А в России едят кетчуп?

— Конечно.

— И как же вы его называете?

— Кетчуп, — ответил я.

— Да нет, — он постучал пальцем по бутылке с соусом, — как он называется по-русски?

— Кетчуп, — повторил я.

— Я знаю, что это кетчуп, — начиная отчаиваться, заявил Ллойд, — но как это будет по-русски?

— Кет-чуп, — медленно выговорил я.

— О, — понял Ллойд, — хорошо. Тогда как по-русски «майонез»?

— Майонез.

— Майонез?

— Ну да.

— Ого! — воскликнул он. — Да я говорю по-русски!

Все прыснули.

— Андрей сказал, что он агент КГБ, — выдал меня Робби.

— Теперь ты слишком много знаешь, — сказал я.

Скотт расхохотался.

— Придется тебя убрать.

Скотт замолчал. Все замолчали.

У ветки дерева за окном зависла в воздухе крохотная птица. С длинным клювом и переливающимся изумрудным оперением, она часто махала игрушечными крыльями, чтобы удержаться на месте. «Неужели колибри? — подумал я. — Да ладно, откуда они здесь?»

Нам не было дано ни минуты свободного времени после того, как обед закончился. Джон сразу собрал нас и с серьезным видом, подбоченившись, выслушал рапорт Спенсера о том, как продвигаются дела с покраской. Потом мы отправились доделывать оставшиеся кресла. Провозились с ними часа полтора, а когда прибирали инструмент в мастерской, подъехал Ллойд.

— Освободились? — спросил он.

— Да, — ответил Спенсер.

— Что ж, придется мне вас разделить, ребята. Без возражений?

Мы поехали к одному из загонов выправлять покосившиеся столбики изгороди.

Наступил ужин. К картофельному гарниру подали жареные куриные крылышки. Их все ели руками. Спенсер с Робби пытались вести себя непринужденно и постоянно шутили, Джон хотел произвести впечатление своего в доску парня и смеялся над их шутками. И Бекка была на подхвате. Веселье казалось наигранным, я с напряженным утомлением ждал, когда все это закончится.

После ужина мы убрали со стола: посуду отправили в посудомоечную машину, остатки еды закрыли пищевой пленкой и спрятали в холодильник. Потом я пошел на веранду, ее называли Staff Room, комната отдыха персонала, там были компьютер с выходом в Интернет и телефон. Я проверил почту и отправил письмо Лине. Интернет оказался неожиданно медленным.

21 мая

Отправитель: Бедин Андрей

Получатель: Кравцова Лина

Привет, Лина! Я уже в лагере! Добрался нормально, только деньги за дорогу мне пока не вернули, попросить, конечно, стесняюсь. Звонки домой тоже платные, а у меня на карточке время закончилось, так что звонить буду нечасто, к сожалению. Вот. С английским проблемы — не всегда понимаю, что говорят, а когда они общаются между собой, вообще ничего не понимаю! Надеюсь, скоро адаптируюсь. Ребята вроде веселые.

Мне, кстати, в Нью-Йорке Хаттимил не забронировал отель, пришлось искать другой. Так что свяжись с ними, чтобы, когда приедешь, у тебя таких проблем не было. И передай им, пусть возвращают деньги за номер, где я не ночевал, и за купон на завтрак, которого я не ел :) Люблю, целую, обнимаю и скучаю. Пока!

21 мая

Отправитель: Кравцова Лина

Получатель: Бедин Андрей

Привет! Я тут без тебя с ума схожу, скучаю очень! Сегодня целый день не выходила никуда, ждала твоего звонка... ну, ладно хоть написал! Жду не дождусь, когда

уюду уже, плохо мне без тебя, учить ничего не могу, вот! Ну, ладно. Пока. Ты только пиши и думай обо мне. Люблю тебя, так хочу это говорить, а не писать...

Сьюзан и Хезер

Утром противно заверещал будильник. Я открыл глаза, окинул комнату непронувшимся взглядом и невольно подумал: «Боже, что я здесь делаю?» Циферблат часов показывал половину седьмого. Ночь выдалась холодной, к утру я совсем озяб. Без лишних приветствий мы втроем поднялись, оделись, по очереди умылись и спустились вниз.

— Доброе, доброе утро! — проскандировал Джон, увидев нас.

На столе уже ждали кукурузные хлопья, наполненный доверху молочник, жареные яйца с беконом и апельсиновый сок.

Джон не выглядел сонным, напротив, он был собран и бодр, держался так, словно его всего только что обдали тонизирующим лосьоном. Отточенными движениями он разрезал яичницу на куски, метко закидывал в рот и пережевывал круговыми движениями. Марты не было — она поехала в Нью-Йорк уладить какие-то дела и заодно забрать в аэропорту Сьюзан и Хезер — мне бы так подфартило!

После завтрака, когда все необходимые манипуляции с грязной посудой и остатками пищи были совершены, мистер Кларк бравым тоном вступил:

— Итак, джентльмены, сегодня, ближе к вечеру, придут леди! А значит, с этого дня нам заживется еще веселей! Так как вы думаете, должны ли мы сделать что-нибудь грандиозное перед таким событием?

— Вне всякого сомнения! — по-солдатски четко ответил Спенсер.

— Абсолютно! — счастливо гаркнул Робби.

Джон указал на меня пальцем, прищурился и спросил:

— А ты, парень, хочешь сегодня хорошенько поработать?!

— Не очень, — признался я.

На лице Джона, таком близком и таком уверенном всего секунду назад, появилось легкое замешательство. К счастью, Спенсер и Роб поняли, что я шучу, и вовремя разразились смехом.

Мы топали к мастерской. Там канадец заложил в один из рейнджеров грабли и совковые лопаты. Робби спустился к конюшне и принес пару глубоких пластмассовых тазов.

— Так ты понял, чем мы будем сегодня заниматься? — спросил меня Спенсер.

— Не совсем.

— Мы будем убирать дерьмо страусов!

— Чего?

— Да-да.

Работа действительно предстояла грандиозная. Двое из нас сгребали помет в кучи, третий загружал его в тазы и увозил. Спенсер и Робби скрашивали нудность процесса, как могли: дурачились, пели. Страусы все время находились неподалеку, поглядывая на нас с интересом, будто по ящику передавали репортаж о нелегких буднях американских гастарбайтеров. Вместе с тем в их глубоко удовлетворенных жизнью глазах мы не находили ни жалости, ни сопереживания. Они спокойно клевали корм и одновременно с этим гадко и бессовестно добавляли нам новой работы. С этого дня страусы перестали казаться мне милыми существами.

Из рекламных брошюр турагентства следовало, что я буду в лагере кем-то наподобие универсального ремонтника: немного плотником, немного маляром, немного

сантехником. Именно этим занимались молодые люди со счастливыми физиономиями в рекламных проспектах от Хаттимил. Не было ни одной иллюстрации, ни одного слова о том, что они убирали дерьмо. В любом случае, даже будь там такой абзац, в эту поездку было вложено столько надежд, мы так хотели в Америку, что согласились бы, кажется, на все.

Погода в этих местах менялась быстро. Накануне было пасмурно, сегодня уже ясно и сухо. Спозаранку было прохладно, к полудню установилась настоящая жара. Палящее солнце ярким, подожженным перекасти-полем, описывало медленную дугу с востока на запад. И мы, уподобляясь священным египетским скарабеем, покорно следовали за ним.

Не считая нескольких загонov, на откуп страусам были отведены по-настоящему обширные территории, где их ничто не стесняло, и они могли чувствовать себя как на свободе. По соседству привольно устроились и прочие обитатели лагеря. В кронах деревьев и по земле шныряли белки, воробьи, такие же нахальные, как и во всем другом мире, не стесняясь хозяев, клевали остатки корма из корыт. В одном загоне мы нашли барсучью нору и долго караулили хозяина у крыльца, но то ли он крепко спал, то ли его не было дома — никто оттуда не вышел. Высоко в небе, иногда отдаляясь, иногда вновь возникая над нами, парил, царственно раскинув крылья, символ Америки — великолепный белоголовый орлан.

Было около четырех вечера, когда мы, наконец управившись, складывали инструмент. К дому Джона подъехал серый фургон. «Сколько же у них машин?» — подумал я, разглядывая серебристый «мерседес». С водительского места выбралась Марта, вслед за ней из фургона вышли две девушки.

— Толстуха твоя, — разочарованно сказал Спенсер Робу, глядя в сторону пассажиров.

— Увидим, — ответил тот. — Андрей, надеюсь, девушка, которая приедет из России, будет Анной Курниковой?

— Мы все на это надеемся, — раздался бас Ллойда.

— Hi!

— Hi!

— I'm Suzanne!

— I'm Heather!

Обе были в футболках, джинсах, кроссовках. Толстушку с рыжими волосами и набрякшими бледными щеками звали Хезер, ту, что стройнее — Сьюзан. У нее были маленькие глаза и крупный нос. Едва ли и ее можно было назвать симпатичной, но удачно оттеняющий фон придавал ей, как это бывает у девушек, уверенность, с которой она поочередно стреляла глазками то в сторону Спенсера, то Робби. Оба сразу начали заигрывать с ней. Самой Сьюзан внимание парней льстило, по крайней мере, она принимала его с веселыми повизгиваниями. Хезер держалась в стороне.

Когда я загребал очередную охапку листьев, то заметил притаившуюся на плоском булыжнике змею. Джон говорил, что в этих местах водится много змей, но бояться их не стоит: к ядовитым относятся всего два вида...

— Осторожно, змея, — сказал я как-то отрешенно.

— Где? — вскрикнула Сьюзан.

И едва не налетела на нее, взмахивая, как птица-секретарь крыльями, руками. От пронзительного крика змея пару раз предупредительно выстрелила языком и, извиваясь всем телом, стремительно уползла в ближайший подлесок.

— Она была огромной! — восхищенно заявила Сьюзан.

— В России мы едим змей, — зачем-то соврал я.

Ребята уставились на меня, явно требуя разъяснений. На родине были популярны передачи, рассказывающие о самых экзотических кухнях мира, может быть, поэтому я и выдал такое. Я сказал:

— Ну да, мы просто бросаем их в костер и достаем, когда они перестают шевелиться, потом снимаем кожу и начинаем есть.

Лица ребят брезгливо сморщились. Но Сьюзан, силясь скрыть подступающее отвращение, выдавила из себя:

— Ни-че-го себе. Круто.

— Да я просто шучу, не едим мы змей! — сознался я, пока они окончательно в это не поверили.

— Что? — взвизгнула Сью. — Да ты поймал нас!

И я сделал мину человека, удовлетворенного своим обманом, но в глубине души недоумевал: как можно поверить, что в России едят змей? Они что, о нас совсем ничего не знают?

22.05.2006

Отправитель: Бедин Андрей

Получатель: Кравцова Лина

Привет! Так я по тебе соскучился! Как у тебя с учебой? Как дела у других? У нас тут как в передаче в мире животных: косули стадами забегают, белки, колибри — кого только нет! Сегодня беркут на моих глазах воробья поймал! Еще мы нашли двух змей: одну оранжевую, одну коричневую, двух саламандр, ящериц всяких. Природа тут, вообще-то, классная, жаль, что мы не можем любоваться ей вместе... Еду американскую не очень понимаю. Хотя блинчики с кленовым сиропом — очень даже. А питье... Пьют только холодное: чай — айс, вода — со льдом, не знаю, как горло еще не заболело. А так — много работы, выкраиваю минуты после обеда, чтобы написать тебе. Вот зовут уже. Ну все, я побежал, люблю!

22.05.2006

Отправитель: Кравцова Лина

Получатель: Бедин Андрей

Привет! Только сейчас села написать тебе (уже двенадцать ночи), потому что с утра не было Интернета, потом бегала целый день, собиралась, сдавала экзамен (сдала!), вечером документы готовила. Столько хочется сказать, а сажусь писать, и мысли путаются... не могу привыкнуть, что тебя нет рядом! Твои смс мне обе пришли, правда, первая в чetyре утра, а вторая в шесть :) так здорово! Завтра еще напишу, а сейчас спать пойду, так я устала... Думаю о тебе все время...

Знакомство с Футтауном

Пять дней прошло. Как пять недель — очень долго тянется время. Примитивный, однообразный труд. Да еще этот английский со всех сторон, без умолку... Со мной-то почти не общаются. Не думаю, что это минус. Робби и Спенсер все время посвящают Сьюзан. Рисуются перед ней, из кожи вон лезут. Хезер — полная, вялая и в очках, давно махнувшая на свою внешность, — была для них разве что мишенью для метания острот.

Сегодня был выходной. Удалось развеяться. Немного. Бекка поехала с девчонками в какой-то город на букву «Б» — «делать шопинг», а нас с парнями Джон отвез в гольф-клуб. Мы взяли напрокат инвентарь и купили по десять мячиков полтора бакса за штуку. А чтоб расслабиться наверняка — еще по пять баночек пива.

И вышли в поле. Его далекие гектары озаряло солнце, день выдался теплый, но сквозь резиновую подошву туфель еще просачивался холод земли. Хотелось разбежаться и прыгнуть, но гольф был кропотливой игрой, тренирующей выдержку и ха-

ракет. Вонзаешь колышек в землю, скрупулезно устанавливаешь мяч, долго вертишь вокруг оси, добиваясь одному тебе известного положения, потом таинственно киваешь, встаешь. Перебираешь, как арбузы на базаре, несколько клюшек, отставив корму, принимаешь позу, взглядом намечаешь траекторию полета, делаешь замах, бьешь... Дальше ладонь козырьком, и только зачарованно следишь, в какое озеро приземлятся очередные полтора бакса. Озера было целых два: одно большое, второе поменьше, с совершенно прозрачной водой. В ней плавали красивые карпы. Эх, видел бы их мой дедушка...

Эти ребята даже пиво пьют странно: удар — глоток, удар — глоток. Ничего интересного. Никакой беседы.

После гольфа и пива захотелось есть. Мы пошли в «Макдоналдс». Даже в крохотном Футтауне был «Макдоналдс». У нас, в шестисоттысячном Ижевске, — нет. Это заведение вызывало интерес лишь потому, что я слышал — здесь можно в одночасье стать миллионером, если официантка прольет на тебя горячий кофе или в гамбургере попадется таракан. Но ничего такого не произошло. Когда поели, было часа четыре. Кларки забирали нас много позднее. Робби и Спенсер предложили пошататься по магазинам, и мы побрели в глубь Футтауна. Городишко был мизерный, с населением не более двух тысяч — и футбольный стадион не наполнить. Я спрашивал у Джона: где работают жители? Он ответил: в основном на каменоломне. Улочки чистые, выметенные, пустые. Все дома — частные. Диковинные, яркие, похожие на макет или картинку, часто с реюющими звездно-полосатыми флагами. Во дворах постриженные газоны, замысловато оформленные кусты, причудливые статуэтки. Обратил внимание, что многие в своих жилищах ведут какое-нибудь дельце — магазинчик там у них или небольшой бар, кто-то просто сдает комнаты. Неужели на все это находятся клиенты? Видимо, да. Был и кинотеатр, и боулинг-центр. А у нас в Ижевске единственный боулинг на всю республику.

Наконец добрались до магазина. Супермаркет. Полки ломаются от товара. Кроме нас, по супермаркету слонялись только дряхлые старушки. С верхом набивали телеги, потом выкатывали их на парковку и перекладывали покупки в багажники матерых — выше человеческого роста — джипов. У нас на таких ездят только чиновники и бандиты. Бабушек из-за руля даже не было видно! И ведь хватает пенсий на такой транспорт.

После супермаркета отправились на ярмарку, где и должны были встретиться с Кларками. Прошли еще один супермаркет, аптеку. На улице по-прежнему не было никого. Тихо курчавились зеленые деревья, осенняя тротуар шелестящей тенью; проезжали редкие автомобили.

Ярмарка не была каким-то значительным, масштабным событием в жизни Футтауна. Лотков — по пальцам пересчитать. Торговали цветами в горшочках, раскрашенными камнями, вязаной одеждой и всяческими безделушками ручной работы. Очередная возможность для жителей городка сделать бизнес. Покупатели топтались у прилавков, восхищенно ахали, держа в руках очередную поделку, но ажиотажа не было. Точкой семейства Кларков заведовали Марта и Иден. Они продавали перья страусов, веера из перьев страусов, метелочки для смахивания пыли, плюмажи, украшенные плюмажами шляпки. Наиболее тонкая работа — изделия из пустых яиц: кареты с прорезанными в скорлупе оконцами и дверцами. Яйца отправляли в соседний штат, где над ними трудился специальный мастер. Все это продавалось по баснословным ценам. Яйца сами по себе тоже стоили дорого, должно быть, по этой причине мы сами их ни разу не ели.

Для привлечения покупателей возле прилавка Кларков был сооружен вольер, где стояли два страуса. Вокруг клетки собрались дети. Страусы озадаченно моргали длинными ресницами. Вдруг один из них по-змеиному изогнул шею, потом резко распрямил, будто проглотил шест, потом по шее пробежал пузырь, будто удав проглотил

поросенка, и раздался оглушительный утробный звук, будто тысяча львов разом проснулась в пещере. Мелюзгу как ветром сдуло. Они с визгом и криками разбежались. Но тут же, еще более замороженные, взбудораженные, снова стянулись к клетке:

— Ты видел? Как он это сделал? Не знаю! Эй, давай еще раз!

На ярмарке не было никаких кассовых аппаратов и чеков. В восемнадцать ноль-ноль все стали сворачиваться, приехал Ллойд, и мы тоже засобирались. Страусов везли в высоком крытом прицепе. Засек, что дорога до лагеря действительно занимает пятнадцать минут.

После ужина я отправил письмо Лине. Она скоро выезжает. На душе было беспокойно.

Прилет Лины

Еще один день прошел. Прополз. Бульдозером. Тяжело и тихо. Хронометром использую жвачку. Вкус пастилки закончился — значит, полтора часа минус, беру следующую, начинаю новый отсчет. Иначе ориентироваться во времени невозможно. По ощущениям прошли минут сорок, глядишь на часы — всего-то три. Время заволакивает, и ты вязнешь-вязнешь... Иногда кажется — ты уже муха в застывшей янтарной капле.

Сегодня был сам не свой. Не мог работать, говорить, есть, только и думал о прилете Лины. Думал, что вот-вот она будет в нескольких часах езды от меня, а я так ее и не увижу, не смогу встретить, обнять, сказать все, что чувствую, и она улетит на долгих три месяца в Северную Каролину. Это было невыносимо. Хотелось вырваться отсюда, найти ее, украсть, сбежать вдвоем и быть свободными. Но просто так из лагеря я и шага сделать не могу, не то что куда-то поехать. Смешно теперь вспоминать переписку с Беккой. Далеко ли от лагеря до океана? Сколько занимает дорога в Нью-Йорк? Бостон? Сама наивность.

Весь день ходил понурый, не было сил улыбаться. Думаю, Джону это не понравилось. Вдобавок опоздал на ужин. Все ждали одного меня, долго кричали имя, а я лежал на кровати в комнате, разглядывал стены и ничего не слышал.

Интересно, они видят, что что-то пошло не так?

Вечером, когда я сидел за компьютером, Джон зашел на веранду, бесшумными шагами приблизился ко мне и положил на плечо руку.

— Как ты? — спросил он вкрадчиво. — Все в порядке?

— Да, — ответил я, — все в порядке, спасибо.

(Про Лину они ничего не знают.)

— Хорошо, — сказал Джон. — Это тяжело, когда все говорят на чужом языке. Но я рад, что ты приехал так рано. Знаешь почему?

— Да, у нас ведь очень много работы...

Джон кхекнул и сощурился:

— И это тоже, конечно... В твоей анкете написано, что одна из твоих целей — выучить английский язык. Здесь ты это получишь! По моему мнению — нет лучшей школы, чем общение с детьми. Ты должен общаться с детьми, когда они приедут. А сейчас — эти дни — это отличный шанс попрактиковаться в английском с ребятами, и я думаю...

И он еще что-то говорил, а я кивал, внимая. Но постепенно его слова отдалились, звучали волнообразно и приглушенно, не нарушая меланхолического течения моих мыслей. Не знаю, сколько раз ему пришлось повторить, прежде чем я понял: он от меня чего-то хочет. Джон спрашивал, довольно резко:

— Так ты уже читал ставманиол?

— Staff money all? — с сомнением выговорил я.

— Да.

— Вы о контракте, верно? Да, я получал копию.

— Нет, — сказал Джон, отстраняясь, скрещая на груди руки, — ставманиол. Большой документ, содержащий очень важные директивы.

— Директивы?

Я стал судорожно перебирать в голове ворох бумаг, которыми нас завалили в Хаттимиле, но ничего похожего не попадалось.

— Кажется, я не понимаю, о чем идет речь, — признался я.

Джон смотрел насупленно и серьезно.

— Как же ты собираешься работать с детьми, если не читал ставманиола? — спросил он раздражающимся голосом.

«Какой, к черту, ставманиол?» — ответно раздражаясь, подумал я. Может быть, он имел в виду один из тех файлов, которые прикрепляла к своим письмам Бекка?

— Послушайте, — обратился я к нему, рассчитывая все прояснить, — все документы, которые нужно было обязательно изучить, я видел. Но того, о котором говорите вы, не помню. Если хотите, вечером я пересмотрю все еще раз.

Джон вздохнул, сказал: «Я принесу его» — и вышел.

Мне было жаль, что я огорчил Джона. Но с другой стороны, неужели он всерьез полагает, что со всей канителью, которой в конце концов обросла эта поездка, у меня было время до просматривания каких-то второстепенных документов? В многочасовых попытках выстоять очередь за загранпаспортом, в изнурительных ночных дежурствах, в заполнении всевозможных форм для поиска работодателя и получения визы, от анкет, доказывающих, что дома меня будут ждать, до справок, что у меня наличествуют все прививки. И все это на фоне непрерывающейся учебы. Представляет ли Джон размах священнодействий, предшествующих приезду сюда? Сомневаюсь. И не думаю, что ему это интересно.

Мы уже были в комнате и собирались ко сну, когда он явился. И притаранил с собой целый талмуд. На главной странице значилось: Staff Manual (*Руководство для персонала*). По лицу Джона лодочкой плыла тихая улыбка. Он сказал:

— Джентльмены, сегодня обнаружилось, что Андрей не читал Staff Manual, — Джон потрянул увесистой кипой бумаг, и тут же она с хлопком упала на полку рядом с моим местом, — я прошу помочь ему, если у него возникнут вопросы.

Выяснилось, что Спенсер и Роб сами этого мануала в глаза не видели. Джон моментально вышел из себя, лодка попала в шторм и перевернулась:

— Как вы будете работать в нашем лагере, если не читали Staff Manual? Я очень-очень раздосадован сегодняшним вечером! Надеюсь, к утру каждый из вас прочтет Staff Manual и поймет, насколько это важно! — он развернулся и громко закрыл за собой дверь.

— Спасибо тебе, Андрей, шикарное завершение денечка! — поблагодарили Спенсер и Робби.

Мы разделили Staff Manual на три части. Теперь лежим, читаем. Я глянул мельком — лабуда какая-то насчет того, что нельзя позволять детям гнобить друг друга и самим над кем бы то ни было глумиться. Вообще-то, хорошо, что Робби и Спенсер это прочтут, они, похоже, не в курсе.

Дневник:

25 мая

Ничего себе! Здесь, в этом руководстве, за которое мне выговорил Джон, там ку-да всяких скучных, но, наверное, нужных в лагере правил, а в одном из разделов, на

котором я сразу остановился, чтобы сделать эту запись, черным по белому написано: каждый работник может в любой момент покинуть лагерь. Зарплата в этом случае выдается ему за отработанное время. Я могу уйти в любой момент! Чуть светилник с полки не смахнул, когда от радости подпрыгнул. Жду не дождусь, чтобы поделиться этой новостью с Линой. Вообще, я все придумал — скажу ей, чтобы ждала в Нью-Йорке, а я уеду из лагеря, мы встретимся, а что делать дальше, потом решим. Уже вместе. Нужно ей срочно написать об этом.

26 мая
8.15:

Звонил в ижевский Хаттимил, сказал, что хочу уйти из лагеря, что это соответствует их правилам, ответили — это невозможно. Если меня и отпустят, то только обратно в Россию. Еще придется выплатить неустойку — деньги, которые лагерь заплатил за меня агентству. Вас кто-то обижает? С вами плохо обращаются? Что тогда? Ребята, не ищите приключений. Вашу визу аннулируют, вас депортируют. Оно вам надо? Подпортите себе историю, в следующий раз не только в США, вообще никуда не пустят!

А я уже отправил Вере письмо, спросил, сможем ли мы у нее устроиться, если решим с Линой сорваться из своих лагерей.

Теперь жалею, что поднял шумиху. Хаттимил начнет что-нибудь разносить, свяжется с директорами, они насторожатся. Хотя до сих пор моя судьба не особенно интересовала агентство, так что...

Нью-йоркский офис, кстати, не работал потому, что я прилетел слишком рано — в мае. Они же, из экономии, открывались только в июне, подстраиваясь под основной наплыв своих клиентов.

20.40:

Завтра опять эта работа. Да черт с ним. Только опять вставить в такую рань, опять эти завтрак, обед и ужин с семьей Кларков и моими коллегами. Почему же они мне не нравятся? Я еще не разобрался. Но они искусственные. Все их счастье, все их улыбки, все их шутки — все ненастоящее. Зачем им это? Наши совместные трапезы для меня настоящая пытка. Но их-то точно не будет через полторы недели. Только как представляю, что придет еще шестьдесят Спенсеров и Сью — оторопь берет.

Почему же Лина ничего не пишет? Я так по ней соскучился. А вечером наверняка, опять будет занят компьютер.

27 мая

Отправитель: Кравцова Лина

Получатель: Бедин Андрей

Привет, Любимый! Только сейчас добралась до компа. Не могу без тебя.

От лагеря у нас шок. Деревянные хибары, никаких удобств, я на программе «остаться в живых». До сих пор не понимаю, что происходит, просто сон. Много девочек из России — восемь пока, так что не пропаду, не волнуйся. Когда таскала свою сумку, всю руку оттянула, теперь болит. Никто не помогал даже. Как ты? Мне плохо без тебя, а еще так долго... Напиши скорее! Может, мы как-то созвонимся? Ждут компьютер. Пиши мне скорей. Целую.

27 мая

Отправитель: Бедин Андрей

Получатель: Кравцова Лина

Привет, моя радость! У нас тоже для детей и нас деревянные хибары, с двумя душевыми и туалетом, а больше ничего, только нары да полки. Мы пока живем в доме директора — тут, конечно, все удобства. У вас дети уже приехали? Как девочки? Пиши! Люблю тебя!

29 мая

Отправитель: Кравцова Лина

Получатель: Бедин Андрей

Милый, ты чего так мало написал? Я хочу тринадцатое августа быстрее, ты просто представить себе не можешь, куда я попала. Тут вообще ничего нет! Здесь все ходят, улыбаются, мне противно. Мне плохо без тебя, не могу привыкнуть, а еще так долго. Напиши побольше! Может, мы созвонимся как-то сможем?! Жду письма. Целую. Пока!

Профилактика бешенства

Мы осваивали очередной завтрак. Сюю что-то тараторила Бекке. Та шмыгала красневшимся носом и комкала одну за другой влажные бумажные салфетки.

— Ох, как же я не люблю болеть, — просипела она, закинула в рот горсть пилюль и запила чаем (в стакане перекликнулись кубики льда).

Бекка встала, чтобы убрать таблетки, и ее желтая футболка провозгласила: Lithuania.

— Так вы бывали в Литве? — спросил я Бекку.

— Да, — сказала она, — года два назад. Мы с кузиной путешествовали по Литве, Латвии, даже посетили Россию.

— Вы были в России? — удивился я. За все дни она и словом не обмолвилась об этом! — А где именно?

— В Санкт-Петербурге.

— Вам понравилось?

— Даже не знаю, там было жутко холодно, — пожививаясь от воспоминаний, сообщила Бекка.

— Когда же вы ездили?

— В январе.

«В январе, — разочарованно подумал я, — зачем строить планы на Россию именно зимой, если первые ассоциации со страной: снег, Сибирь, морозы?» Впрочем, для человека, запивающего противопростудные пилюли чаем со льдом, в этом, наверное, нет ничего алогичного.

Уже больше недели я жил в лагере. В коллектив за это время, мягко говоря, не влился. Мы были слишком разными, к тому же я не владел английским. Приехав лишь с базовым его уровнем, я был уверен — этого хватит, чтобы добраться куда следует и не заблудиться. Я и не предполагал, с какими трудностями столкнусь позже. Без полноценной речи личность меркнет, растворяется, как краска в уайт-спирите, теряет себя. Постепенно тебя перестают слушать, тебе перестают рассказывать — ты просто остаешься один. Но они не оставляют тебя в покое, теперь ты вроде как чужак — белая ворона. Тебя пытаются зацепить, придаться к тебе, подколоть.

Прекрасно осознавая, что нужно хорошо клеваться, чтобы не быть заклеванным самому, я и этого делать не мог. Шутить в ответ не получалось. Дать адекватный ответ зубоскальству, совершенно не владея палитрой интонаций, не зная шкалы ругательств, оказалось непосильным — подбирая крепкое словцо, я не улавливал его градус. Между мной и другими поднималась стена, а может быть, разверзалась пропасть. И если пропасть, то иногда мне казалось, что я стою уже на самом краю.

О моих отношениях с ребятами Кларки ничего не знали — работали мы все вместе, прикидываясь дружной командой. На этот раз наводили чистоту в домиках: подметали полы, протирали пыль. За последние дни домики немного преобразились, но я все равно не верил, что дети будут жить в этих бараках.

Говорят, совместный труд сближает, в случае со Сью все было с точностью наоборот. Она изводила меня с самого утра. «Подмети здесь, вынеси мусор, передвинь стеллаж!» При этом Сью как будто забывала, что, кроме нас двоих, в домике находятся еще три человека. Я был совсем не против того, чтобы ей помочь, но она не просила о помощи, она указывала мне, что делать.

В этот день стеллажу так и не случилось оказаться на ноге Сьюзи, потому что приехал Джон.

— Эй, Андрей, ты нужен мне в другом месте! — выхватил он меня. — Бросай все — поехали со мной!

И вскоре его рейнджер затрясся на кочках, переправляя нас из пункта В в пункт G, из лагеря мальчиков в лагерь девочек. В кузове лязгали сложенная алюминиевая стремянка, цинковое ведро, перекатывались от борта к борту жестяные баллоны с монтажной пеной. Джон начал издали:

— Лично я не имею ничего против летучих мышей, они поедают надоедливых насекомых. Но есть одна проблема — эти твари постоянно пролезают в домики! Дети пугаются, кричат, у них портится аппетит... а хуже всего то, что летучие мыши могут переносить бешенство! По законам штата Нью-Йорк я обязан изловить проникшее в дом животное и увезти в другой город на экспертизу. Не слишком-то мне хочется этим заниматься, понимаешь? Так что будет лучше, если мыши останутся где-нибудь снаружи.

У первого домика Джон притормозил:

— Вон! — сказал он, указывая пальцем вверх, на дощатое перекрытие под скатом крыши. Там зияли дыры. — Видишь? Вот где они пробираются внутрь!

— Ага, — соглашался я. Тем, что дыр в домиках предостаточно, меня не огорошишь.

Желтая лента пены с фырчаньем заполняла пустоту, разбухая уродливыми бутонами. Спину нещадно палило солнце, и я сразу взмок, и брюки с футболкой прилипли к телу. Брызги вещества попадали на одежду и руки, содрать их оттуда можно было только вместе с кожей.

На то, чтобы заделать дыры снаружи, ушел примерно час, потом я зашел в домик, чтобы проверить, не пропустил ли чего с этой стороны, — наткнулся еще на пару щелей, в которые сквозил свет. Когда были заделаны последние лазейки, я прошел по своим следам, чтобы срезать излишки с раздавленных заплат. Лезвие ножа проходило по ним с отвратительным скрипом, который вызывал мелкую колючую дрожь.

Я собрал опавшие обрезки в ведро и переправился к следующей постройке. Дом был такой же изрешеченный. «Похоже, этого занятия мне хватит надолго», — подумал я, и вдруг меня наполнил необъяснимый восторг. Вскоре я понял: «Да это же будет время, которое я проведу один! Без Спенсера, без Роба, без Сьюзан!» Я совершенно точно осознал, что устаю от этих ребят, от их несмолкающей тарабарщины и насмешек. Я взялся за дело со всем своим прилежанием, стал работать тщательно, никуда не спеша... Я даже подумал, что Джон и перекинул меня сюда, чтобы дать какую-то передышку. Ведь все это время дыры в домах как будто никого не смущали.

Корячиться на лестнице было совсем нездорово: мышцы сводит, солнце печет, — и лишь внутри домиков можно было наконец передохнуть, выпрямить спину, размяться, укрыться от назойливых палящих лучей. На душевных чердаках я все надеялся обнаружить что-нибудь любопытное — забытую вещь или тайное послание, припрятанное для потомков, но ничего не находил, так — пара мелких монет, сломанный карандаш, клочки бумаги, ну, и бесхитростные надписи на стропилах. И только в одном домике, взбираясь по расшатанному каркасу кровати, я обнаружил глянцевый уголок, торчащий из-под матраса. Я потянул его и вытащил снимок, повернул, протер... Со снимка смотрел сухопарый дедок в льняной рубаше с закатанными рукавами, а ря-

дом улыбалась бабушка в белом платке, завязанном под подбородком, в ситцевом синем халате, украшенном россыпью мелких цветов. За спинами стариков колосилось поле, голубой лоскут неба тянулся над ним. С обратной стороны фотографии синей пастрой, неровным, подслеповатым почерком было написано: «Нашей Оленьке от бабы и деды». Мысли быстро перенеслись далеко. Туда, где под ногами уже не щетинилась, а податливо колыхалась трава, в ней неугомонно стрекотали кузнечики, и в цветках клевера усердно шумели пчелы. Запах поля. Сзади высится хвойный лес, а чуть поодаль, отделившись, бежит вниз полоска молоденьких елей. К осени, когда займутся первые дожди, под этими елочками повыскакивают несмелые рыжики, а сейчас там только и можно найти пару-тройку случайных маслят. Если сбегать по склону, то скоро наткнешься на журчащую быструю речку: вода в ней совсем прозрачная, и в двух шагах бьет холодный родник. Зачерпнешь воду ладонями и маленькими глотками пьешь, зубы ломит, а только остановиться нельзя...

Мираж рассеялся, когда я был уже внизу. Сидел на матрасе, в одной руке сжимал жестяной баллон, в другой держал найденный снимок. Что-то знакомое было в этих людях, в их уставших прищуренных глазах, в неторопливых заботливых буквах на обороте. Кто такая эта Оля, работала она здесь прошлым летом или еще раньше — об этом я ничего не знал. Но было радостно, хоть ненароком, заглянуть в чужую, но такую знакомую жизнь. Я долго не мог решить, как поступить со снимком — отдать его Кларкам, оставить себе, попробовать разузнать, кто такая эта Оля, и отправить ей карточку почтой. В конце концов я положил снимок на место. Если через год здесь очутится какой-нибудь бедолага, пусть он испытает то же самое, что и я, хоть ненадолго, но перенесется на родную землю.

«А ведь у меня с собой нет ничего из дома», — подумал я. Собираясь в спешке, я отмахивался от внутренних напоминаний — захватить фотографии, музыку, книжки. Нет, не до того будет! — и ничего не взял. Нужно теперь скачать что-нибудь в Интернете, попросить у друзей, чтобы скинули фотки на почту.

Вечером я зашел на веранду. Хезер в малиновом балахоне, нервно покусывая ногти, качалась в кресле перед монитором.

— Тебе нужен компьютер? — спросила она.

— Ага.

— Я освобожу скоро.

— Не торопись, я подожду.

Я медленно фланировал вдоль стены, надеясь чем-нибудь развеять скуку ожидания. На стене висели общие фотографии кэсинковского персонала последних лет. Большинство лиц от снимка к снимку не повторялись, но небольшая группа — неугомонные оптимисты — возвращалась по несколько раз.

— О, Хезер, а вот и ты! — сказал я, заметив канадку на одном из фото.

Она крутанулась в кресле, поправила руками очки и подтвердила, всмотревшись:

— Да, это я. Два года тому назад.

Я хотел спросить, не было ли в ее год здесь девушки из России, но Хезер встала из-за стола и сказала:

— Вот и все! Теперь он твой.

Я поблагодарил ее и занял освободившееся место. Я вставил в компьютер диск и надел наушники. Дисковод зашумел, заиграла музыка — сюита Баха, сольное исполнение на виолончели. Сперва она звучала где-то далеко, отстраненно, неназойливо, ни на что не претендуя. Но постепенно звуки становились все напористее. Скоро я и сам не заметил, как невиданной силы поток захватил меня и поднял ввысь. Внизу подо мной проплывали просторы знакомых полей, между старых плечистых елей вилась тонень-

кой змейкой река, полоской шиферных крыш белела маленькая деревушка неподалеку, а за ней, на другой стороне, раскинулся молодой сосняк...

31 мая

Сейчас начал писать Лине письмо, но зашла Бекка и сказала, что надвигается гроза и надо вырубать комп. Я не дописал и половины. Теперь ждать, когда storm закончится.

Эта неделя прошла быстрее предыдущей, вот бы следующие одиннадцать с небольшим пролетели, промчались...

Вечером Джон подошел ко мне и спросил, все ли у меня в порядке. Я сказал: «Да». Он спросил, все ли у меня отлично, я сказал: «Да». Джон сказал, что хочет, чтобы я нашел общий язык с детьми, чтобы общался с ними, он хочет, чтобы я провел отличное лето. Он один тут печется обо мне. После разговора с Джоном мне показалось, что мои мысли об уходе — это подлость. Позже я случайно услышал, как Джон в разговоре с ребятами упомянул мое имя. Он призывал их больше со мной общаться. Этого еще не хватало!

У Хезер началась homesickness — тоска по дому. Еще бы, ее здесь никто не любит.

2 июня

Вот и заканчивается day-off. Жду звонка Лины. Места себе не нахожу. Может, лучше вообще без звонков и писем? Глупости.

Сегодня был первый payment. Вместо четырехсот баксов мне заплатили триста пятьдесят. Пересмотрел контракт — оказывается, вычли по двадцать пять баксов за неделю в счет проживания и обедов в доме Кларков.

Что-то Лина все не звонит. Когда же мы наконец поговорим...

4 июня, 20.20

Она позвонила. Вчера. Она там совсем раскисла...

Сказала, что русских там не любят. Смотрят как на челядь. Одна американская девчонка пожаловалась другой, что ей плохо в лагере, а та в ответ спросила:

— Тебе что, здесь так же плохо, как русским?

Еще Лина сказала, что у них двести человек staff, против наших шестидесяти. Не представляю, какой это огромный лагерь. У них компания из четырех девчонок: она, Вика, одна девчонка из Тольятти и одна из Украины. Сказала, что душевые у них не в домиках, а отдельно. Мне очень ее жалко. Не знаю, что будет дальше...

5 июня

Сегодня она не позвонила. Не знаю почему, мы договаривались. Она звонила вчера, сказала, что они с девчонками точно убегут. Она расплакалась, сказала, что хочет ко мне. Я пытался успокоить ее, но она плакала еще долго.

Умер компьютер, теперь неизвестно, когда снова появится возможность пользоваться инетом.

Сьюзан

До прибытия в лагерь еще шести человек осталось полтора дня. Поэтому я хочу, если успею, написать о каждом из тех, с кем провел эти незабываемые полмесяца, отдельно.

Сьюзан из Канады. Спенсер и Робби явно считают ее симпатичной. По американским меркам она, наверное, стройна, по нашим — полновата. На лицо она ужасна — похожа на кролика. Волосы — бесцветные, лоб усыпан веснушками так, что кажется,

будто это сходит кожа, обгоревшая на солнце. Пожалуй, больше всего я ненавижу Сьюзан. Спенсер постоянно с ней заигрывает. Она же проявляет явную симпатию к Робби. Вообще довольно легко сходится с людьми, впрочем, ей это ничего не стоит — дурочкой прикинулась, и готово.

Больше всего раздражают ее писклявые возгласы. Все время хочется крикнуть ей «Заткнись!» после ее пороссячих взвизгиваний:

— Oh, really?

— Oh! I love this song!

За обедом Сьюзан ест, откусывая пищу своими кроличьими зубами, и постоянно при этом подергивает носом, я бы даже сказал — ноздрями. Как кролик. Хотя кролик — существо, конечно, во всех отношениях куда более приятное, чем Сьюзан. Всегда после еды, продолжая сидеть за столом, она начинает ковырять в зубах и где-то во рту, причем сует свои пальцы так глубоко, что кажется, она ковыряется в собственной глотке. Попробуй я сотвори такое, вездесущая Бекка извергла бы тираду о том, какой пример мы подаем детям.

Как и все канадо-американские девчонки в ее возрасте, Сьюзан водит машину. Очень любит рассказывать мне, как что-то делать «правильно», любит исправлять мою работу, при этом ничего не говорит Спенсеру и Робби, когда те делают то же, что я. Я обычно отвечаю ей в таких случаях:

— Sure! Thank you for helping me! — продолжая при этом все делать по-своему. Ее это дико раздражает, и она начинает беситься, что доставляет мне огромное удовольствие, при этом она не догоняет, что я держу ее кроличий нос в своих пальцах, Сьюзан искренне считает, что я вообще не понимаю английский.

Мы собрались в мастерской и, как обычно, ждали от Ллойда разнарядки. Он управлял мотокосу. Огромный, взъерошенный, стоял, склонившись, и держал канистру, прислонив ее горлышко к воронке, вставленной в бачок мотокосы. Коса была длинная металлическая штанга с тяжелым двигателем, укрепленным на одном конце, и режущей вертушкой на другом.

— Заливаете до отметки максимум, — сосредоточенно проговорил Ллойд, — а потом постоянно следите за уровнем — чтобы бензин не закончился.

Ллойд завинтил крышку, поднял косу и ловко, будто она не тяжелее обыкновенной лыжной палки, перевернул режущей частью вверх:

— Если леска станет короткой, — он развел пальцы в пядь, — меняйте. Новая лежит там.

Мы перевели глаза в угол, увидели составленные катушки с зеленой проволокой и хором кивнули:

— О'кей.

Вскоре весь инструмент был подготовлен, Ллойд обозначил фронт предстоящих работ, и мы втроем выдвинулись: Спенсер, Робби и я. Везде, где траву можно было состричь обычной колесной косилкой, накануне проехался Джон. Это занятие явно приходилось ему по душе — он восседал на своем агрегате с таким беспечным видом, что мне впервые показалось, будто он отдыхает, хотя он, конечно же, работал. Теперь островки и полосы высокой травы, оставленные у деревьев, столбов, вдоль стен, заборов и просто бугристой поверхности, везде, куда не смог добраться Джон, должны были подравнять мы. От гудения движков закладывало уши. В воздухе мешались ароматы свежескошенной травы и выхлопных газов. Толстая нейлоновая леска срубала масляные стебли и листья растений. Иногда она с резким звуком ударялась о ветки кустарников, доски или большие камни, иногда неумело вгрызалась в землю, оставляя в газоне уродливые темнеющие залысины. Из-под защитного кожуха вылетали опилки зелени, щепки, гравий, песок. Они облепляли ноги, могли выстрелить в туловище или в лицо. Вот почему мы трудились поодаль друг от друга, на нас были защитные очки,

плотные брюки вместо легких шортов и футболки с длинными рукавами. По лицу капались капли пота, но ноги обдавала прохлада срезанной сочной травы. Мне нравились мощь мотора, его надсадный рык и ощущение силы, которое он давал.

Послезавтра приедут новенькие, наконец-то что-то изменится. Должна была приехать девчонка из России, но в последний момент что-то сорвалось, и ее заменит русский парень. Лина собирается бежать из своего лагеря, и я последую за ней. Четкого плана — куда, когда — пока нет. На форумах пишут, что соваться в небольшие городки на побережье бессмысленно — там все занято. Советуют рвать в ближайший крупный город — в Нью-Йорк, где всегда найдется какая-нибудь работенка. Нужно доехать до Брайтона, купить газету объявлений — они выходят на русском — и искать жилье и работу.

Но что если ничего не подвернется? Как быть тогда? Мы будем тратить деньги, ничего не зарабатывая взамен, а если станет совсем туго — придется возвращаться домой, возвращаться ни с чем. Но как же долги родителей? Кредиты, в которые мы вогнали их своей затеей? Разве можем мы их так подставить? Пожалуй, только эти мысли и сдерживают от того, чтобы не бросить все прямо сейчас. Нужно как-то удержаться, заработать хоть что-то, чтобы было время для обустройства на воле, если мы все-таки туда выберемся. Выберемся на волю... Странная история, никогда еще я не чувствовал себя таким подневольным, как здесь — в Америке.

После обеда нас разделили на команды. Джон опять позвал меня с собой — пособить ему с подготовкой домиков к въезду первых жителей.

Я раскручивал вентили на подходящих к домикам трубах. Потом заходил внутрь, включал воду, проверял, есть ли течь, и по необходимости менял прокладки. Одновременно Джон в котельных зажигал газ, и мы пропускали горячую воду. Когда у очередного домика я разгребал пожухшую листву в поисках запорного крана, раздался сильный хлопок, а потом громкое и короткое: «Oh, fuck!», за которым последовал сильный грохот. Я подумал, Джон опрокинул что-то тяжелое. Когда вбежал внутрь, увидел: мистер Кларк распластался на полу с опаленными бородой и бровями. Вид у него был напуганный и отрешенный, но постепенно он начал приходить в себя. Поднявшись (я не подал руку, подумал — ему это не понравится), он взял из угла швабру, быстрым движением протянул мне и крикнул:

— Outside! Outside! Outside!

Он был очень зол. Он просто кипел! На кончиках швабры занялись синеватые языки пламени. Схватив ее, я стремглав выскочил на улицу и принялся хлестать загоревшимися веревками о траву, последние угольки растоптал ногами. Вскоре появился Джон. Он по-прежнему был чернее тучи.

— Вы в порядке? — осведомился я.

— Пожалуйста, отвези меня домой, — медленно проговорил он.

Чувствовалось, этот сдержанный тон стоит ему титанических усилий.

Всю дорогу мы оба молчали. Джон был погружен в свою ярость, но когда мы подъехали к особняку Кларков, он, можно сказать, остыл и пригласил меня зайти с ним внутрь:

— Пойдем, послушаешь, что она скажет.

Джон имел в виду Марту. Но Марта не проронила ни слова, увидев его, безнадежно вздохнула и вынесла свернутые полотенце с халатом.

— О'кей, — сказал Джон в мою сторону и пожал плечами, — пойду, смою с себя загар. А ты съезди, пожалуйста, к Ллоиду, расскажи ему все.

— Хорошо.

Ллойд долго смеялся после того, как я все ему описал, когда же наконец успокоился, назидательно сообщил:

— А ведь я говорил ему, чего не нужно делать! Понимаешь, он сначала напускал газ, а потом лез туда с зажженной спичкой. Что за ребенок? Как он?

Я ответил, что он в порядке, только теперь ему, похоже, придется постричься. Грянул новый раскат хохота:

— Ха-ха-ха! Где он?

— Собирался в душ.

— Что за девчонка! Ладно, поеду его проведу. Вернись, пожалуйста, в домик, где все произошло, убедись, что там нет запаха газа и все в порядке.

— О'кей.

6 июня

06.06.06 — какое страшное число.

Завтра с утра переезжаем в домики. Завтра приезжает пополнение. Ура!

В Staff Room я застал у телефона плачущую Хезер. Сегодня ее окончательно довели. Как я понял, завтра она покидает шоу.

Спенсер

Спенсер в целом неплохой парень, просто он полный придурок. Его английский я понимаю лучше всего, сказывается ограниченность словарного запаса. Весит он центнер, ростом под два метра, обожает бейсбол. Все его шутки построены вокруг козюлок и всякого прочего дерьма. А шутить он любит. Его основные виды забав — бросить козюлку в Робби, запустить в кого-нибудь свои грязные носки, рыгнуть или громко дать газа. Человек-оркестр, виртуоз какофоний, присутствие девушек никогда не останавливает его в демонстрации своих талантов. Только при Кларках ничего подобного не происходит.

Спенсер полагает, что шапка-ушанка — часть канадской народной культуры. Это наш символ, может и не думать на него посягать — так я ему и сказал. Еще он не знает, кто победил во Второй мировой. Я спрашиваю:

— Кто победил во Второй мировой?

— Не знаю. Никак вы, ребята?

Когда я спросил у Робби, тот ответил:

— Никто.

— Почему ты так считаешь? — удивился я.

— Погибло слишком много людей, чтобы кто-то мог остаться в победителях, — ответил он.

Хезер

Хезер из Канады. Очень полная девушка в очках. Спенсер и Робби всегда подшучивали над ней. Спенсер в своем духе. Если он пускал газы и рядом была Хезер, он всегда негодовал:

— О-о-о, Хезер! Как тебе не стыдно?

Хезер не подружилась ни со Съюзан, ни с Робби, ни со Спенсером. Каких-то особых отношений с семьей Кларков у нее тоже не было.

Позавчера сломался комп стаффа. Он глючил и до этого, но работал. На свою беду, Хезер была последней, кто видел его живым. Спенсер не преминул во всеуслышание заявить: Хезер сломала компьютер!

— Но я ничего не сделала... — виновато возразила Хезер.

Вечером она засела в комнате стаффа за новым компом. После нее комп хотел включить Спенсер и снова не смог. Это увидела Бекка. Она подозвала Хезер:

— Что случилось? Ты что сегодня — мисс неудачница? — спросила она зло и громко, но шутя.

— Я просто проверила почту, — тихо ответила Хезер, ей уже было не до шуток.

— Мы можем ей верить, Андрей? — спросила Бекка.

— Конечно, — ответил я.

А Джон подлил в огонь последнюю каплю масла (ему бы с огнем вообще как-то поаккуратнее). Именно в этот вечер ему взбрело в голову разыграть Хезер. Никто не предупредил его, что это была не самая удачная затея. Хезер всегда умудрялась первой попасть в душ в конце рабочего дня, а ребята жаловались на это Джону. Он и решил над ней подшутить. Вырубить воду в доме: Хезер пойдет в душ, а воды нет. Когда она выйдет, Джон снова врубит воду, и каждый из нас примет душ на удивление Хезер.

За ужином, после безуспешной попытки ополоснуться, Хезер страдальчески заявила:

— Душ не работает.

— Как так? — удивился Джон.

— Я повернула ручку, а воды нет.

— Может, ты просто не умеешь включать кран? — пошутил Спенсер, все дружно рассмеялись. — Или ты опять что-нибудь сломала?

— А я приму душ! — сказал Робби.

— И я приму! — сказала Сью.

— Не знаю, — засомневалась Хезер, — когда я была там, вода не бежала.

После этого все сходили в душ и показательно вернулись в общую комнату в халатах, с полотенцами и влажными волосами.

Хезер обо всем догадалась. Сегодня утром она сказала Джону, что ее бабушка болела, и уехала домой.

За завтраком все вели себя так, будто ничего не случилось. Только Джон спросил, знали ли мы, что Хезер уезжает, и как мы думаем, почему на самом деле она решила уехать. Все развели руками. Джон не сделал из произошедшего никакого большого события. Конечно, он был не в курсе всей предыстории, всего того, что приходилось терпеть Хезер на протяжении этих дней. Он не догадывался, что Хезер уехала лишь потому, что была нормальным человеком.

Гонки на рейнджерах

Джон провел со мной индивидуальный инструктаж по процедуре дезинфекции сантехнических узлов. Английский я понимал все лучше, но Джон по-прежнему изъяснялся не спеша и очень доступно — даже захочешь, ничего не упустишь. Разводим в пульверизаторе антибактериальный раствор, опрыскиваем сантехнику, ждем сорок секунд, берем две тряпки — одна для унитазов и писсуаров, вторая для раковин и душевой, никогда не путать, — все протираем. В общем-то, просто. У меня был лишь один вопрос: при чем тут я? И Джон на него ответил. Санитарная обработка лагеря — процесс ежедневный, возложенный на плечи команды maintenance. Ни на Робби, ни на Спенсера, которому туалетная стихия куда ближе, чем кому бы то ни было другому, а на maintenance. Словом, очередной день в «Склоне Кэсинка» начался с неприятных новостей, не суливших впереди ничего хорошего.

А тут еще Спенсер, когда я присоединился к остальным, вдруг остановился, ударенный новой идеей:

— Эй, а давай устроим гонки?

И я согласился. Сью и Робби сначала вытянули шеи, а потом заулюлюкали, как бы подталкивая нас на этот шаг.

Договорились, что гоняться будем на лошадином пастбище.

Спенсер и Сью выехали первыми, следом, чуть погода, выдвинулись мы с Робом. Старались ехать тихо, держать дистанцию и не привлекать внимания. Колеса поднимали пыль, дорога хищно дыбилась, но не успевала догнать. Мы молчали, у изгородей загонов выстраивались, будто заподозрив неладное, страусы. «Все в порядке, — хотелось успокоить их, — плановый объезд территорий, волноваться не о чем!»

На пастбище пустынно, вокруг ни души. Место подходящее: из лагеря не увидят: слишком далеко, да и полоса деревьев станет непроходимой преградой для всякого любопытного глаза. Вот только кто-то из Кларков может запросто проезжать мимо. Что если заметит? Как-нибудь выкрутимся.

Я посмотрел вперед. Дорога уходила вниз, пологая сначала и чуть более крутая в конце. Никаких поворотов или препятствий, которые могли бы стать серьезной помехой. Знай, несись во весь опор прямо, можно обойтись и без особенных навыков вождения. Примерно через километр дорога заканчивалась неглубокой ямой. За финишную черту взяли деревце в нескольких шагах от обрыва.

— Ты еще не передумал? — спросил Спенсер.

Он еще делает вид, что ему смешно, но я-то вижу, происходящее для него уже не шутка. Дремучие брови сосредоточенны, неподвижны, рот изогнулся в тревожной тугой улыбке. Думаю, он понимал: случись что, в первую очередь ему быть в ответе.

— Не передумал, — сказал я.

Мы поравняли рейнджеры на старте. Они жадно устремили вниз фары. Роб дал обратный отсчет, я нажал на педаль газа, и мы рванули. При всей своей миниатюрности ускорялся рейнджер довольно резво. Вот только вровень со Спенсером мы шли не более нескольких секунд — канадец вырвался вперед. Дорога-то прямая, но за счет чего выигрывать, непонятно: рейнджер Спенсера новее, быстрее, мощнее — отрывался уверенно и зловеще.

Стрелка спидометра подходила к отметке в двадцать пять миль, педаль акселератора была выжата до упора, двигатель ревел, но машина практически не добавляла хода. Я смотрел на капот — передок нервно дергался, натужно гудел, дребезжал и подскакивал, рейнджер казался пластмассовой игрушкой, неспособной на гоночный подвиг. Вскоре Спенсер окончательно ушел в отрыв, и я уже представлял, что меня ждет у финишной отметки — его ликующее лицо, провозглашающее печальную правду жизни: этот мир принадлежит идиотам. И зачем я в это ввязался? В работе мотора послышались посторонние лязги. «Сейчас еще и машину угроблю», — с грустью подумал я и, плюнув на свою неудачу, сбавил газ. Спенсер обернулся. Он оценил всю безнадежность моего положения, и глаза его победоносно вспыхнули. Расстояние между нами стало медленно сокращаться. Решил поиздеваться напоследок, — я понял. Он позволил приблизиться, но не подпускал больше, чем на пару метров.

— Нет, моя бабуля определенно водит лучше! — крикнул он. — Ты вообще в курсе, что там есть педаль газа?

— Твой рейнджер быстрее, — выкрикнул я, не отрывая глаз от дороги.

Конец был близко, Спенсер рисковал. Мне бы проучить его — отыграть эти злополучные два метра, но я продолжал тащиться за ним, как на привязи, и выжидать момент, чтобы попробовать разогнаться.

— Ну да, конечно, мой быстрее, — ответил Спенсер, — потому что на нем еду я! Как тебе в голову могло прийти со мной тягаться? Ведь я...

На «я» он громко икнул — одно из его колес попало на камень, и рейнджер дернуло вправо. Спенсер на мгновение замешкался, а спохватившись, начал резкими движениями руля выправлять курс. Тут-то я и втопил гашетку. Я что-то закричал и навалился. Рейнджер невидимыми когтями вцепился в землю, оттолкнулся и выпрыгнул вперед. Мотор застонал, его вибрации мелкой дрожью перебросились на тело, а я все

не отпускал газа. Дорога впереди становилась узкой — на одну машину, не больше. Зеркал заднего вида не было, я оглянулся. Спенсер настигал меня, свирепо раздувал ноздри. Но до финиша оставалось всего ничего, и мне показалось, что он уже не успеет, не возьмет свое, не сможет.

Я доехал до края ямы и остановился. Первый. И посмотрел назад. Финиш Спенсера был необузданная феерия, аллюзия к трюкам лучших голливудских каскадеров. Он все-таки решился на обгон, выехал на траву, но не успел завершить маневр и, чтобы на всем ходу не слететь вниз, резко взял вправо у самого обрыва. Вычерчивая полукруг, его рейнджер одновременно заскользил юзом. Два колеса поднялись в воздух, и автомобиль как бы застыл в невесомом балетном па: и раз — и два — и три! — другая пара колес продолжала скользить, и рейнджер неуклюже сполз в пропасть, где завалился на бок.

Когда я подошел, Спенсер с задумчивым видом обходил машину. От бывшей удали не осталось и следа.

— Живой? — спросил я.

— Живой, конечно, — прошипел Спенсер, — давай попробуем достать его отсюда.

Я посмотрел вверх, туда, откуда мы стартовали, — Робби и Сью уже не было.

Мы поставили рейнджер на колеса и попытались вытолкать его, но ничего не выходило. Тогда Спенсер сел за руль и завел машину. Попробовал стронуть ее с места, но колеса пробуксовывали, и рейнджер только тяжело пытался, задыхаясь в собственном дыму, еще глубже зарываясь в землю.

— Кажется, без трактора не обойтись, — сказал Спенсер. — Проклятие! Нужно звать Ллойда.

Выбора не было, и мы поехали за подмогой. Мой рейнджер, как насытившийся после охоты хищник, плелся тихо, лениво выхлопывая пыль с половика дороги. Спенсер сидел рядом и молчал, уткнув вперед безразличный взгляд. Интересно, куда подевались те двое? Понеслись доносить о случившемся Кларкам или сгинули, едва запахло жареным, чтобы оказаться не при делах?

— Что мы ему скажем? — спросил я.

— Что?

— Я говорю — как мы все обставим Ллойд?

— Никак, — ответил Спенсер, — я скажу, что это ты во всем виноват.

— Что?

— Ты ведь не умеешь ездить — вот и залетел в овраг.

— Да ты... — от ярости я потерял дар речи.

— Да пошутил я, — устало сказал Спенсер, — ничего я не скажу, скажу, что так получилось, и все тут...

В девятнадцать тридцать прибыл новый персонал. Мы весь вечер ждали их, чтобы поужинать, а потому, едва они появились, сразу расселись за длинным столом, раздвинутым по такому случаю на веранде. Все новенькие оказались на одной его стороне, а я, Спенсер, Робби и Сью — на противоположной. Прямо передо мной сидел мой будущий напарник — смуглый мексиканец Рикардо. Коренастый тип с мясистым, круглым лицом и лоснящимися, ваксовыми волосами. Он в такой спешке поглощал индейку, как будто она еще могли куда-нибудь улететь, и только изредка отрывался от разорения стола, чтобы бойкими, ничего не упускающими глазками зыркнуть по сторонам, в чем-то удостовериться и снова вернуться к тарелке. «Бабло рубить приехал, — подумал я. — Наверное, у них в Мексике эти две тысячи баксов — целое состояние». По левую руку от Рикардо сидела его соотечественница — Долорес. Продолговатое лицо, выразительные широкие губы, плавные длинные локоны. Брови черные, яркие, буд-

то она макнула палец в сажу и вывела полумесяцы, под которыми глаза — карие, глубокие. Рядом с Долорес сидела чешка Сабина. С чертами резкими, выточенными, рот узкий, нос с высокой горбинкой, волосы темные и прямые. Ближе к торцу стола, так, что на него приходилось слегка коситься, сидел Миша — осанистый, высокий, одет в балахон с большими броскими буквами и портретом мужчины с широко раскрытым ртом, застывшим в безмолвном крике, который как бы отображал воцарившуюся за столом обстановку: то был самый немногословный ужин «Склона Кэсинка» за все время. Спенсер и Роб были непривычно молчаливы, даже комичны в своем молчании. Сю тоже ничего не говорила, напротив, она так усердно запихивала в рот еду, долго и сосредоточенно жевала, словно опасаясь, что если ее челюсти не будут перемалывать пищу, им придется молоть чушь.

Первым нарушил тишину Джон. Он встал из-за стола: «So...» Все, за исключением мексиканца, отложили вилки в сторону и приготовились слушать. Джон оросил головы новеньких пылью незабвенных слов. Как он рад видеть всех, кто к нам присоединился, как самоотверженно трудилась наша команда на протяжении прошлых дней, как важны для него дети, как он любит их и хочет, чтобы те ни в чем не испытывали в его лагере неудобств. Поэтому впереди нас ждут еще горы работы, и сворачивать их теперь всем нам вместе,

После ужина никто не расходился, все остались на веранде. Новички — дать скорейший отчет родственникам и друзьям о благополучном прибытии на место, Спенсер, Робби, Сьюзан и я — из чистого любопытства.

Сабина сидела за компьютером, Миша на телефоне. Рикардо по-испански что-то быстро говорил Долорес. Я удивился, как не идет этому кряжистому, плотному человеку его тоненький голосок. Мы с Долорес встретились взглядами. Ресницы у нее были черные, густые, тяжелые, а глаза спокойные и большие.

— Привет, — сказала она тихо (ямочки на щеках от легкой улыбки).

— Привет, — ответил я.

— Так ты здесь уже давно?

— С конца мая.

— Ну и как тебе здесь? Что тут интересного?

Хотелось ответить правдивыми «никак» и «ничего», но я все перепутал:

— Да здесь в принципе ничего, а насчет интересного никак не могу выбрать. Может быть, страусы...

Страусы действительно пробудили всеобщий живой интерес, и когда мы вышли на улицу, то надолго задержались у первого из загонов. Девчонки подманивали птиц, пробовали обмануть их пустой ладонью, смеялись над их выходками и причудливыми головами. Позже Сабина и Долорес отправились обустроить полученные в домиках места. Мы перекочевали в Staff House — легкую постройку с террасой на берегу озера. Англоговорящая троица тоже была здесь. Они смотрели фильм и почти не говорили. По-прежнему вели себя странно. Я, наоборот, буквально обрушил на Мишу поток слов, хлынувший из-за прорвавшейся плотины молчания, сумбурных, стихийных:

— А деньги?! Монеты! Почему нельзя написать нормальные цифры? Зачем эти непонятные dime и quarter? Еп! — объяснял я и кивал в сторону подданных британской королевы. — Они тоже говорят «Еп!» — но у них это значит «Ага!» Представляешь?

Миша смеялся, англосаксы поглядывали недоуменно.

Миша приехал из Тольятти, если верить его словам, чуть ли не каждый второй студент этого города нынешним летом отправился в Соединенные Штаты. Он учился на переводчика, проблем с университетом у него нет, третий курс он успешно окончил, сдав экзамены даже досрочно. На их специальности поездка в Штаты — это плюс, что-то вроде самостоятельной стажировки. Преподаватели не препятствуют, наобо-

рот — всегда идут навстречу. Миша увлекался баскетболом, любил хип-хоп и американские автомобили. В лагере он будет работать на кухне.

Сползались сумерки. В домике было темно и прохладно. Рассчитан он был на десять человек, так что тесноты не ощущалось. Разложив вещи по стеллажам и шкафчикам, мы коротали последние минуты до сна. Миша, обнаружив среди вещей Спенсера и Робби новенькие плееры, заинтересованно выпрашивал технические подробности у горделивых хозяев. Его английский был на уровень лучше моего. В противоположном углу стояли мы с Рикардо. Учили русский. Я накидал ему несколько расхожих фраз, чтобы он попрактиковался:

— Я приехал из Мексики, как твои дела? Правильно? — спросил он меня, проверяя записанное в блокноте.

— Ага, — ответил я, — у тебя хорошо получается. Почти без акцента.

— О'кей, — радостно сказал он. — Пока достаточно! — и улегся с блокнотом на свою постель. Оттуда пошло раздаваться:

— Меня зовут Рикардо... Меня зовут Рикардо... Я приехал из Мексики!.. Я приехал из Мексики! — первые два слова в каждом предложении он произносил не спеша, бережно раскачивая, последние — «Рикардо» и «Мексики» — давались ему легко, и он выстреливал их резко, отрывисто, звонко, будто его тыкали пальцем в бок.

Подошел Миша. Он недобрым глазом посмотрел в сторону Рикардо и спросил:

— Что это с ним?

— Ничего, — ответил я, — учит русский.

Мексиканский путь

Не знаю, что я больше делал ночью, спал или мерз: дубак был жесткий, разве что не пробирал до дрожи. С утра умылся ледяной водой — пропускал ее минут пять, без толку. Потом оделся в две кофты и стал дожидаться остальных. Все вместе мы отправились на веранду дома Кларков, где нам предстоял завтрак. Вход внутрь самого особняка для персонала с этого дня был закрыт. Даже если нам потребуется кто-то из директоров, мы должны зайти в комнату стаффа через запасной вход, позвонить в колокольчик, дав тем самым знать о себе, и ждать, пока к нам выйдут. Но не заходить внутрь.

За завтраком Спенсер и Робби, конечно, сдали меня Джону — сказали, что я весь вечер болтал по-русски. Иностранная речь в лагере под запретом: она может породить отчуждение ребенка, если он слышит, что вы говорите на другом языке, — так написано в руководстве для персонала. И хотя детей еще не было, говорить не по-английски запрещалось. Доносы в Америке — дело само собой разумеющееся, нас предупреждали, готовили к этому перед поездкой. Закладывают здесь ретиво, считают, что выполняют тем самым некий здоровый общественный долг, и никто никого не ожидает за это. Вот парни и накопили. Но мне было плевать.

После завтрака мы с Рикардо, как и предполагалось, занимались санитарной работой сортиров. Рикардо сказал, что от такой службы его воротит. Однако это малоприятное занятие никак не отразилось на его приподнятом настроении. Каким жизнерадостным он засыпал накануне, таким же проснулся с утра и не растерял свой задор за поденщиной, сопровождавшей утро. Рикардо был карнавально весел и словоохотлив, иногда назойливо словоохотлив:

— Итак, Андрей, на кого ты учишься?

— На инженера.

— А именно?

- Связано с лазерами.
- С лазерами?
- Да.
- О! Это же круто!
- Не то слово.
- Seriously. Ты можешь потом приезжать в Мексику и читать лекции у нас в университете! Много-много русских приезжает. Им хорошо платят!
- Правда?
- Да. Хотя они и не рассказывают ничего нового...
- Как это — «ничего нового»?
- Все то же, что и в учебниках.
- Мы недавно взяли Нобеля на лазерах! А ты говоришь, — во мне разыгралась обида, но я вспомнил преподавателей с кафедры и тут же подумал: наверное, не все, кто приезжает в Мексику, обязательно Жоресы Алферовы.
- Рикардо задумался, даже немного помолчал. Потом сказал:
- А я учусь на проектировании роботов!
- Чего? — взбодрился я. — Мексиканские роботы? Вот это действительно круто! Японцы, должно быть, места себе не находят?!
- Мы с другом собрали первого робота в этом году.
- И что он умеет?
- Да ничего особенного, ездит на колесах, разворачивается, встает на ноги... Сейчас он развлекает ребятишек в торговом центре. Мы продали его весной.
- Продали?
- Да. За восемь тысяч долларов.
- Восемь тысяч баксов?! Да кому же он понадобился?
- Торговому центру — я ж говорю. Они купили нашего робота для детской комнаты.
- Я ушам своим не верил: как это, он заработал восемь тысяч долларов, изучая роботов в Мексике, а я еще ни копейки, изучая лазеры в России?
- Ты меня разыгрываешь, да?
- О-о-о, Андрей, зависть — плохое чувство!
- Это не зависть, просто то, что ты рассказываешь, неправдоподобно.
- Почему?
- Сам посуди — стал бы ты здесь задарма начищать толчки, если можешь зарабатывать хорошие деньги дома?
- А-а-а, — отмахнулся Рикардо, — я приехал не за деньгами!
- Начинается, — усмехнулся я.
- Мне просто интересен этот опыт — найти новых друзей, путешествовать, совершенствоваться английский. Две тысячи долларов — это точно не та сумма, ради которой я все брошу. Разве ты здесь из-за денег?
- Отвечать утвердительно было попросту несолидно.
- Нет. Я потратил почти тысячу долларов на авиабилеты, тысячу на программу. Так что я почти ничего не заработаю.
- Вот видишь! — восторжествовал Рикардо. — Значит, и ты здесь не из-за денег! Тогда рассказывай — из-за чего?
- Я вздохнул:
- Из-за своей глупости, не иначе...
- И рассказал ему о Лине.
- Скучаешь по ней?
- Конечно, скучаю.

— Да-а, — сочувственно протянул Рикардо, — плохо, что вы в разлуке...
— Можешь на родине снять сериал об этом.
— Но почему вы не вместе? Почему вы не приехали сюда вдвоем?
— Думаю, мы приняли неправильное решение в самом начале. Понимаешь, в агентстве сказали, что у нас больше шансов найти работодателя, если мы согласимся работать отдельно, а если будем настаивать на том, чтобы быть в лагере вдвоем, можем вообще остаться без предложений и, следовательно, никуда не поехать. Поэтому мы и пошли на это, хотя до последнего ждали, что нам все-таки найдут один лагерь. Сейчасто я понимаю, что мы надеялись зря, они, скорее всего, даже не заморачивались.

Работал Рикардо неторопливо. Каждую нашу победу над сантехническим фаянсом в одном домике он отмечал «маленькой сиестой»: с вальяжностью старого дона усаживался на ближайший матрас, приваливался к стене, закидывал ногу на ногу, складывал на груди руки и засекал десять минут. На мой призыв двигаться дальше он, указательным пальцем приподняв козырек нахлобученной бейсболки, говорил:

— Расслабься, приятель! Это мексиканский путь...

Перерыв мы коротали за разговором. Я узнал, что у наших стран много общего: мексиканцы превозносят отдых выше труда, их экономику съедает коррупция, Мексика также продала Штатам часть своих территорий...

Закончив с санобработкой, мы пошли помогать kitchen staff приводить в боже-ский вид столовую — огромный зал, пустовавший круглый год и только копивший грязь. Сначала мы надраивали полы, потом затаскивали тяжеленные столы со скамьями, расставляли их и стирали с поверхности пятна и прилипшую жирную пыль. Девчонки выглядели изможденно.

Нью-йоркские гости

«Обязательно наденьте шлемы, — синусоидальным эхом повторялись в голове слова Джона, — законы штата Нью-Йорк запрещают кататься без них...» И пластмассовая скорлупа, предназначенная для детских голов, анекдотически венчала наши с Рикардо макушки. Мы истово крутили педали. Мышцы сразу охватила приятная тугость. Дорога многообещающе устремлялась вниз, забирала все круче и круче, и мы проваливались вслед за ней, набирая запредельную скорость. От вибрации контур велосипеда стал нечетким, он трясся, как тросточка, прогнувшаяся от непосильной ноши, а шины гудели. Казалось, вот-вот пахнет расплавленной резиной, что-нибудь лопнет и отлетит. Гудение разбегалось в стороны и терялось в лесу, который дыбился по бокам стенами. Там гулял ветер, он следил за нами и гнался, догонял и хлестал по лицу. Резвился на зависть лесу, маявшемуся в клетке частной любви. Три толстые проволоки бежали за нами, кусаясь и скаля буквы: «Warning! Private territory! Trespassing is forbidden!» («Внимание! Частная территория! Нарушение границы запрещено!»).

Из-за поворотов вылетали машины, водители, увидев нас, резко сбавляли газ и опасно жались к обочине. Из-за стекол выглядели обеспокоенные пассажиры. Что ни говори, а велосипедист на хайвее — событие для этих мест из ряда вон. Иногда лес распахивался, обнажая чью-то уединенную жизнь. Размашистые дворы с красивыми домами. Перед заборами, у входных ворот, стояли почтовые ящики — цветные короба, прилаженные к тонкому шесту. Нам попалась брошенная прямо у дороги техника — старый желтый трактор и огромный вездеход с наостренным локатором и потускневшими прожекторами, установленными над кабиной. Мы затормозили. В отвале

бульдозера грелась болотного цвета змея. Она нехотя расшевелилась, вяло стекла на землю и скрылась под железным листом. Мы с Рикардо по очереди сфотографировались на фоне отставных великанов и безотлагательно двинулись дальше — вдруг какой-нибудь американский дед бродит по окрестностям с карабином наперевес, стискивает тонкую веточку в зубах и только и ждет, когда отыщутся смельчаки, рискнувшие нарушить границы его владений?

Никакого спланированного маршрута у нас не было, мы просто неслись по шоссе и, когда вдруг достигли Футтауна, растерялись. Мы не думали, что доедем так быстро. Здесь спуск закончился, и велосипеды, поймав спокойное течение, поплыли по тихой заводи в венке стремительных гор. Сразу заруливать в Футтаун не хотелось: пешеходы, светофоры, перекрестки. Мы поехали вперед по объездной дороге. Через какое-то время выгнулась нам навстречу излучина ленивой реки. Поблескивая мятой фольгой, она величаво выступала между высоких деревьев. Наперерез реке плыла высокомерная ондатра. Едва мы пересекли мост — внушительный, мощный, со стальным зигзагом каркаса, — увидели дорожный щит, установленный на краю дороги. Большими белыми буквами было выведено: «Вас приветствует штат Пенсильвания! Штат независимости». Вот так забрались — до соседнего штата! Мы устроили небольшой привал, сделали по два снимка — на одном нас приветствовала Пенсильвания, на другом приглашал в гости штат Нью-Йорк — и собрались с мыслями — что делать дальше. Дорога поднималась вверх, а силы нам еще пригодятся. Пора разворачиваться. Скатались до другого штата — уже грандиозно!

В Футтауне спешили. Мы бродили по его улочкам в поисках заведения, чтобы перекусить. Рикардо предложил крохотный китайский ресторанчик. Ну о'кей, можно. Здесь нас подстерег неожиданный вопрос — куда припарковать велосипеды. Столбы линий электропередач были слишком толстыми, длины наших тросов явно не хватало. Цепляться к дорожным знакам — кто знает, это вообще законно? Озадаченно озираясь, мы в конце концов свалили велосипеды под ветвистые заросли наподобие ивняка, в месте, которое должно было хорошо просматриваться из окна ресторанчика.

— Думаешь, не угонят? — спросил Рикардо.

— Надеюсь, что нет.

— Подожди секунду.

Рикардо сбросил с плеча рюкзак и достал свою черную куртку из плащевой ткани. Расправил ее и накинул на велосипед — полтора колеса прикрыло.

— Хочешь, чтоб еще и куртку стянули? — поинтересовался я.

— Да кому она может понадобиться?

— Не знаю. Какому-нибудь толстому коротышке.

— Ох, Андрей...

Посетителей в ресторане не было. Чета молодых китайцев что-то горячо обсуждала за стойкой. Увидев нас, они поздоровались и притихли. Мы сели за столиком у окна и после недолгого пролистывания меню оба заказали рис с курицей.

— Через десять минут готово! — пообещала молодая китаянка, принявшая заказ. — Содовой?

— Да, пожалуйста.

Она исчезла в кухне, тут же ожившей звуками громыхающей посуды.

Мы глазели на улицу. Редкие прохожие за окном с неподдельным интересом разглядывали брошенные посреди травы велосипеды. Некоторые суетливо вертели головами. Но ни одной попытки умыкнуть чужое не произошло. Причина их взволнованности была другой: убедиться, что все в порядке, ничего не случилось и никому не требуется помощь.

На столе зашипели стаканы с фейерверками тонких брызг. Спасибо.

Из кухни потянуло запахом жареного мяса. В животе проснулся вулкан, огненная лава бушевала, и казалось, если в ближайшее время ей ничего не перепадет, она переварит собственный желудок. Мы заливали нутро газировкой — не помогало. Ужасно хотелось есть. Когда китайка с обедом появилась, Рикардо не сдержался и хлопнул в ладоши.

— Что, слишком долго? — испугалась девушка.

— Нет, что вы, — успокоил он ее, спохватившись, — просто мы дико проголодались.

Она приземлила блюда на стол и с располагающей улыбкой удалилась. В глубоких фарфоровых чашах дымился, источая заманчивые ароматы пряностей, рис, политый вязким желтоватым соусом. Сверху выложены ломтики обжаренной курицы и стручковый перец. Я отправил в рот первый кусочек и понял, что уже лет сто, как не притрагивался к по-настоящему горячей еде. Жар наполнял ее вкусом и сладко растекался по языку. Рикардо в одно мгновение перевоплотился в аппарат для уничтожения пищи. Он жевал, причмокивал, глотал. Я бы тоже накинулся, не будь перед глазами столь отталкивающего примера.

Подкрепившись, я, как это нередко бывает, вместо притока сил почувствовал легкую слабость и непреодолимое желание прикорнуть. Рикардо откинулся на спинку кресла и размяк.

— О-о-о, — трагическим голосом простонал он, — мы что, должны еще куда-то ехать?

— Боюсь, что да, — ответил я.

— Брось меня здесь, Андрей, мне не одолеть обратной дороги.

— Эй, не раскисай, парень, владельцам ресторана тебя не прокормить!

— Заткнись, Андрей! — засмеялся Рикардо.

Мы расплатились, оставив по доллару на чай, и, справляясь с зевотой, вразвалку выбрались из рестораника.

Следующие полчаса мы скитались по городу в поисках чего-нибудь достопримечательного. Нашли церковь, кладбище (оно выглядело неподобающе торжественно), местную школу и еще много баров и закусовых. У дверей одной из забегаловок для завлечения клиентов было выставлено мохнатое чучело чубаки в человеческий рост. Я попросил Рикардо сфотографировать меня с ним. Пока он компоновал кадр, случайная прохожая, женщина преклонных лет, любезно предложила запечатлеть нас всех вместе. Рикардо любезно отказался:

— Нет, спасибо, — сказал он, — достаточно двух монстров на снимке...

Вскоре мы пустились в обратный путь — скучный, изнурительный, долгий. Ветер теперь никуда не гнал, дома не интриговали, и даже наши старые знакомые — трактор и вездеход — не оживили бывшего интереса. Сначала мы тихо ехали, потом шли, а под конец откровенно доползали. Стоял зной, пот застилал глаза, воздух плавился, и солнце раскачивалось в нем, как оливка на блюде.

Только перед самым лагерем мы снова сели на велосипеды и энергично заработали ногами — не хотелось, чтобы кто-то видел, как мы устали. Едва свернули с хайвея, как заметили вдалеке мистера Кларка. Он стоял, расправив плечи, прикрывая ладонью глаза, и всматривался куда-то вдаль, туда, где на фоне бирюзового неба вырисовывались вершины могучих гор. Обычно их дымчатой вуалью скрадывал волнистый туман, но теперь он расчистился, и темные, насыщенно-зеленые пики были видны ясно, как никогда, и взгляд непроизвольно останавливался на них, как на чем-то непривычном, зыбком.

Вот только Джон был не из тех, кто может празднично любоваться панорамой. Он явно кого-то ждал.

— Как ваше путешествие? — спросил он, когда мы сблизились.

— Отлично, — сказал Рикардо. — Мы были в Пенсильвании!

— Хо-хо-хо, — посмеялся Джон в духе старика санты, — да ведь она прямо за Футтауном!

— Ну да.

— Вам случайно не встретился по дороге этот олух — мистер Кэрриган?

— Нет, — ответили мы.

Так вот кого он поджидает.

Сегодня в лагерь прибывали первые дети — какой-то артистический кружок, человек пятьдесят старшеклассников из школ самого Нью-Йорка. Мистер Кэрриган был их руководителем. Он ежегодно арендовал лагерь Джона для проведения своих слетов. Джон мистера Кэрригана, мягко говоря, недолюбливал: всегда отзывался о нем язвительно и недобро. Единственная причина, по которой он не отказывал мистеру Кэрригану в прибежище, — щедрая плата за наем, которую он брал с этой «бродвейской звезды».

— А вот и этот с... сын! — воскликнул Джон, когда на дороге показался миниатюрный кабриолет ярко-оранжевого цвета. — Посмотрите на этого идиота!

«Идиот» на своем автомобильчике, быстро съезжаям расстояние до нас, добродушно махал рукой. Во рту он сжимал незажженную курительную трубку. Джон приоткрыл пятачок и довольно громко проговорил:

— Добро пожаловать!

Его собеседник ответно зашевелил губами.

Около нас машина остановилась:

— Хай! — сказал Джон, ему пришлось зажмуриться, чтобы на лице поместилась параболическая улыбка.

— Хай! — отвечал мистер Кэрриган, которому пришлось придержать рукой трубку, чтобы не выпала.

— Как добрались? Надеюсь, обошлось без неприятностей? — заискивающе поинтересовался Джон.

— Да, выдалась замечательная поездка! — радостно признался Кэрриган. — Как вы? Ваше семейство?

— Все в полном порядке и с нетерпением ждут встречи с вами!

— Как приятно, как взаимно!

Поймав взгляд Рикардо, я незаметным кивком предложил ему убраться. Он меня понял, и мы двинулись дальше, оставив этих двоих кривляться наедине друг с другом.

10 июня

Вчера мы с Рикардо и Мишей весь вечер разговаривали о наших странах. Все-таки они оказались нормальными ребятами. И так же, как и я, считают Спенсера недоумком. Рикардо показал свою чилийскую визу — небольшой талончик, прикрепленный к паспорту степлером. Он рассказал, что если визовый сбор в посольстве США составляет 100\$, то для Чили этот сбор — 17\$, причем чтобы покинуть Чили, необходимо заплатить 26\$.

Рикардо — отличник учебы. Победитель международных олимпиад. Вчера он показывал мне фотки своего робота. Все деньги от его продажи он потратил на учебу.

Еще он занимается боксом, карате и, по-моему, знает название всех звезд, которые бывают видны ночью. Астрономия — еще одно его хобби.

Долорес, которая работает на кухне, свободно разговаривает на французском и хочет поехать учиться в Париж. Вчера она плакала, когда узнала, что у всего персонала выходной, кроме kitchen staff.

Лине по-прежнему плохо в лагере... Я каждый день только и мечтаю, как мы наконец встретимся и будем вместе. Я пытаюсь не думать о том, что приехал сюда зря,

что больше потерял, чем приобрел, и т. п. Миша тоже говорит — было глупо платить деньги ради того, чтобы провести все лето на кухне.

Только что подходил Спенсер и спросил, пишу ли я в своем дневнике о нем с Робби, я сказал, что пишу. Он спросил — хорошее или плохое? Я ответил — правду, пишу, что он постоянно рыгает и портит воздух. Он попросил Мишу прочитать и перевести ему, после чего сказал:

— Андрей, ты ненормальный.

Когда приехал новый штафф, стало немного лучше. Я вспоминаю как дурной сон дни, когда мы жили в доме Кларков.

Я так и не понял в чем секрет благополучия этой страны. Они, конечно, далеко не тупицы, но и особой одаренности я у них не наблюдаю. Хотя работают как надо, долго, усердно, без перерывов и жалоб, — это нужно признать. Может быть, это и есть ключ к разгадке? Но мои родители вкалывают всю жизнь, я даже могу сказать, что, кроме работы, они за всю свою жизнь ничего и не видели. И что они сумели заработать? Пачку грамот и благодарностей за многолетний добросовестный труд. Даже если бы они разводили страусов в детском лагере, разве они жили бы так богато? Как бы ни экономили на домиках для детей — вряд ли.

12 июня

День прошел. Сегодня работали с Рикардо, а после обеда к нам присоединилась Хейли — девушка из New Zealand. По национальности она маори — это коренные жители ее страны. Она не похожа на остальных англоговорящих здесь. Не страдает наличием постоянной бессмысленной улыбки на лице и постоянным бессмысленно хорошим настроением. На вопрос, нравится ли ей Америка, Хейли ответила: «Да, но не это место». Если бы кто-нибудь из остальных англоязычных думал так же, он бы все равно никому не сказал из боязни, что это обязательно передадут директорам. Она сообщила об этом в открытую, совершенно не переживая о том, что мы на нее накапаем. Опять убирали дерьмо. Хейли сказала:

— Не могу поверить, что уехала из Новой Зеландии, чтобы убирать дерьмо страусов в Соединенных Штатах.

Джон эти дни ходит в приподнятом настроении, все из-за приехавших детей, они отстегивают кругленькую сумму за пребывание здесь. Эти ребята пробудут в лагере девять дней. Вся их организация придерживается строгих правил: мяса не едят, газировку не пьют, мобильниками не пользуются. Есть в этом что-то сектантское. Kitchen staff из-за них работает по другому графику, и время обеда у нас теперь не совпадает.

Их предводитель — мистер Кэрриган, мужчина лет сорока. Ходит в строгом костюме, а на ногах кеды. Он постоянно держит во рту трубку, но я ни разу не видел, чтобы она дымилась. Волосы у него взъерошенные, обильно вымазаны гелем. Явно хочет, чтоб про него сказали — эксцентрическая личность.

Хотя здесь так холодно, что я замерзаю каждую ночь и пью жидкости со льдом, у меня еще ни разу не было насморка и не болело горло. В России от одного стакана чего-нибудь со льдом у меня моментально началась бы ангина, да и насморком я мучился практически постоянно. Значит, я думаю, витаминов в их пище хватает. Еще я все время жую жвачки — good for your teeth. Здесь почти на всех упаковках производители пишут, чего и как много полезного содержится в их продуктах. Вместо «годен до» штампуются фраза несколько другого смысла: «гарантированно свежий до указанной даты».

Лине в лагере по-прежнему тяжело. Сижу, жду, когда она позвонит мне.

13 июня, 22.30

Вчера накаркал. Сегодня стало тепло, что-то зацвело, и у меня началась аллергия, воздух распался на хлопья, я весь день ходил, шмыгая носом, еще слезились глаза.

Речь сексолога

Лагерь набирает обороты. С сегодняшнего дня к нам прибавилось еще сорок человек. Теперь они шумят, веселятся, знакомятся друг с другом, ведут себя жизнерадостно, как начинающие морфинисты. Спенсер и иже с ним поспешили отречься от команды *maintenance* и затесались в праздничную толпу. Там же, среди новоприбывших, совершенно точно крутится пара ребят из нашего отряда — один канадец, один голландец. В первый день их решили не пугать, и они манкируют. Пока что.

Погода стояла жаркая и безветренная, и во время обеда столы вынесли на улицу, выстроив в один ряд. Обедали мы все вместе, за исключением *kitchen staff* — они теперь вкалывали пуще прежнего и до сих пор и носа не показали из своего острога. Публика за столом собралась разношерстная — и низкие и высокие, и худые и толстые. Сильнее других за столом выделялся француз Этьен. На всех надеты футболки, он в коричневой блузе с длинными рукавами. Тарелки большинства уже сверкали жирным гляncем, Этьен все еще возился с едой. Наконец-то нашелся человек, который справлялся с обедом медленнее, чем я. В лице его было что-то неуловимо поэтическое: голубые глаза, бледная кожа, светлые волнистые волосы. Весь окружен ореолом чего-то возвышенного. Он окончательно сразил меня тем, что заткнул за воротник бумажную салфетку, прежде чем приступить к обеду.

Сразу после обеда нам выдали униформу. Три футболки с короткими рукавами, одну с длинными и еще майку — все разных цветов. На одежде изображена эмблема лагеря: озеро, три ели, черный полукруг восходящего солнца. С размером я промахнулся. Честно поставил «М» при заполнении заявки, но оказалось, что у американцев свои представления о том, что такое «medium»: новая футболка висела на мне, как мешок. Зато теперь все мы: и шотландцы, и американцы, и французы — стали похожи.

Кроме футболок, нам вручили бейджи с именами, которые все должны были прицепить на грудь. Так будет проще запомнить, кого как зовут. Мое имя написали неправильно. Это меня не удивило: его каждый раз писали с ошибками, поражало другое: каждый раз с новыми!

Во время обеда Джон сообщил, что следующая часть дня у вожатых будет посвящена инструктажам. Они получились непродолжительными, зато с растянутыми перерывами, — в этом мы с Рикардо убедились. Едем косить траву у озера — часть ребят загорает на берегу. Едем приводить в должный вид лагерь девочек — новички резвятся на лужайке. Проезжаем футбольное поле — они гоняют мяч! И кричат так соблазнительно: «Дай пас! Я свободен! Го-о-ол!» Мы смотрели на все происходящее если не с укором, то с легкой досадой: все-таки мы здесь уже давно, но таких вольностей себе не позволяем, а эти ребята взялись только сегодня, но ведут себя слишком уж раскованно.

Но как показало время, о том, что мы тоже являемся частью коллектива, все-таки не забыли. В тот час, когда воздух вдруг становится задорно-манящим, как бы предвещающая скорое окончание рабочего дня, крепкий бас Ллойда, будто схватив за шиворот, прогремел: «А почему бы и вам, ребята, не поучаствовать во всем этом безобразии под названием *orientation week* (*неделя координирования*)? И с доброго напутствия Ллойда нас вместе с остальными пригнали на лекцию заезжего старичка сексолога, господина лет семидесяти пяти, а то и больше, доставлявшего по лагерям багаж опасок и предостережений по поводу неправильного обращения с американскими детьми. Господин был одет в легкую малиново-белую клетчатую рубашку, в голубые джинсы, высоко перехваченные ремнем. Волосы его сверху были причесаны, а с одного боку топорщились, будто он дорогой спал, прислонившись.

Чего в лагере не было, так это актового зала, поэтому занятие проводилось в зале спортивном. Слушатели расселись на цементном полу, Джон одиноко притулился у стенки, а для выступающего принесли деревянный стул. Но старик на него не сел, встал позади, оперся на спинку обеими руками и сильным голосом начал:

— Итак, друзья, вы собираетесь провести лето в детском лагере... Что ж, могу вас с этим только поздравить: место чудесное. — Он оглянулся по сторонам, будто в поисках подтверждения собственным словам, и, будто отыскав их, тихо кивнул. — Естественно, вам тут не отдыхать, а работать, более того — работать с детьми, об этом вы, конечно же, знаете. Но как с ними работать? Есть у такой службы своя специфика, не так ли? Все-таки дети — это дети, дело, сами понимаете, деликатное... Так вот, я здесь для того, чтобы помочь вам разобраться с этим, чтобы после нашего разговора у вас не осталось никаких вопросов о том, как вы должны вести себя с детьми. Я нисколько не сомневаюсь, что каждый здесь способен защитить вверенного ему ребенка от каких-то внешних угроз. Но сможете ли вы сами защититься от детей?.. Итак, первое, что вы должны усвоить: запомните, вы и дети никогда, ни при каких обстоятельствах не станете друзьями... Да, вы должны найти с ними общий язык, вести себя дружелюбно по отношению к ним, но помнить — дружественные отношения не делают вас друзьями!

Господин говорил медленно, но живо, умело расставляя паузы и акценты:

— Никаких объятий с детьми, — наставлял он, — поцелуев, держания на коленях, похлопываний по спине — никаких физических контактов; самое большее, что вы можете себе позволить, это сказать: дай пять, приятель! — Он бодро вскинул вверх ладонь, замолк, потом изменился в лице, медленно опустил руку и с вкрадчивой хрипотцой продолжил: — Что случилось с парнем, который забыл об этом правиле?.. На него подали в суд! Только за то, что он положил руку на плечо подростку во время воспитательной беседы. И вы знаете, не нашлось никого, кто бы подтвердил, что это действительно была лишь беседа... Отсюда еще одно правило: никогда не оставайтесь с ребенком наедине. Что бы ни случилось, всегда находитесь при свидетелях — это сыграет на вашей стороне, если попадете в передрыгу.

Ближе к концу, когда он прошелся маркером по всем пунктам, речь его стала расплывчатой и свободной. Он поделился, чем, по его мнению, «Склон Кэсинка» отличается от других лагерей:

— Не прекрасными условиями жизни или богатым набором развлечений — нет, этим может похвастаться любой лагерь в Соединенных Штатах. «Склон Кэсинка» замечателен той политикой, которую мистер Кларк заложил в основу этого места и воплотил в жизнь. Родители доверяют мистеру Кларку самое дорогое, что у них есть, — собственных детей, — потому как уверены: в «Склоне Кэсинка» они в абсолютной физической и моральной безопасности, именно сюда они отправляют своих детей, чтобы оградить их от насилия, жестокости и сексуальной агрессии, которых стало так много во внешнем мире.

Все начали поглядывать в сторону мистера Кларка, он, поглаживая седую бородку, благодарил докладчика за добрые слова еле уловимой улыбкой.

Политика «Склона Кэсинка». Действительно, есть в руководстве для персонала такой раздел, полный красивых лозунгов и посланий: добро, свобода, взаимовыручка, уважение, справедливость. Ценность номер один — ребенок, точнее — его психологический комфорт. Свобода самого персонала врезана в довольно узкие рамки. Есть целый набор табу, касающихся внешнего вида: если у вас длинные волосы, то в течение сезона они не должны стать короткими, если вы приехали с короткой стрижкой — волосы не должны заметно отрасти, если нет бороды — она не должна появиться, если есть — не должна пропасть, нигде на теле не должно быть пирсинга или татуировок, девушки не должны носить раздельных купальников, юноши могут обнажать торс только во время занятий на воде и так далее.

Закончив, старик поблагодарил всех за внимание и заковылял к выходу. Мистер Кларк взялся его сопроводить. Когда оба удалились, вожатые, будто по команде «отомри», заголосили.

— Глупости все это, — заявила одна девушка другой. — Неужели я не обниму свою Мэгги, когда она побежит ко мне с распростертыми руками? Что я ей скажу? Извини, дорогая, мне запрещено к тебе притрагиваться, иначе ты меня засудишь?

— О-о, Пэм, ты бросаешься в крайности, — ответила ее собеседница. — Делай это при свидетелях — он же говорил.

В скором времени на импровизированную сцену вышли две энергичные особы. Для тех, кто их не узнал, они представились — Мэри и Хлоя — в прошлом вожатые, на этот раз программные директора лагеря.

Перебивая друг друга, Мэри и Хлоя зашебетали:

— Сейчас мы проведем с вами несколько упражнений...

— Тренингов, так сказать!

— Точно. Которые позволят нам узнать друг друга поближе...

— Ведь мы должны доверять друг другу!

Первое упражнение было подобием обыкновенного русского хоровода. Мы все взяли за руки, замкнули кольцо и двигались по часовой стрелке, время от времени ударяясь ладонями в центре. Для упражнения номер два разбились на группы. Снова кружки, только поменьше. Каждый поочередно становится в центр и, закрывая глаза, падает назад. Крепкие руки товарищей подхватывают его на лету и не дают чужой черепушке расколоться о бетонный пол.

Упражнение три проводилось в случайных парах. Это была доверительная беседа тет-а-тет, задание — рассказать друг другу о себе. Пока всё, как на духу, выкладывает первый, второй усиленно запоминает. Потом они меняются ролями. А в конце каждый вожатый выступает перед аудиторией с пересказом.

Я рассматривал девушку напротив. Надпись на бейджике: Дженни, — брюнетка, волосы собраны на затылке, глаза густо подведены, сцепленные пальцы ни на секунду не замирают — беспокойно подскакивают, вьются. Я испытываю легкую радость: понимаю почти все, о чем она так самозабвенно лепечет, но мне чуточку неловко — вряд ли я в силах воспроизвести хоть половину услышанного. Дженни по-детски увлеченно рассказывала о своей жизни на шотландской стороне. Все так узнаваемо: живет с родителями, ходит в университет, работает по свободному графику, строит планы. А потом я споткнулся. Дженни сообщила, что в следующем году закончит учебу и попробует осесть в Нью-Йорке, найти работу покупателя.

— Работу покупателя? — переспросил я.

— Да.

— Это как?

Оказалось, байерами называются люди, в чьи обязанности входит выбор коллекций для модных салонов одежды в крупных городах. Я еле удержался, чтобы не спросить: «За это еще и платят?»

Вечер заканчивался. В центре зала сменялись люди. Низкие и высокие, худые и толстые, смуглые и не очень. Большинство — шотландцы, дальше примерно поровну канадцев и англичан, потом американцы, а после одинаково мало других. Почти все вдали от дома, где остались друзья, близкие, любимые, всех ждет впереди по большому счету то же самое, что и меня, и Мишу, и Рикардо — больше двух месяцев в этом лагере. Но у них жизнерадостные лица, оптимистичный вид. Безумно хочется им поверить, избавиться от чего-то тяжелого на плечах и сказать себе: все хорошо, все будет хорошо. Но где-то внутри, в душе или мыслях, идет невидимая забастовка, тихий, но уверенный протест, он внушает: даже не старайся, ты не с ними, ничего не выйдет.

16 июня

Скоро месяц, как я улетел из России, а кажется, что я здесь уже полгода. Я сильно оброс и никак не могу постричься. Иммуитет ослаб, пока сражался с ветряными мельницами аллергии, на губе выскочила настоящая простуда.

Приехали еще человек сорок стаффа, среди них один турок — Эмре, первый чернокожий — Ларри, он из Ганы, один француз, Макс — директор maintenance, из Голландии. Нас всех, перетасовав, заново разделили по домикам. Теперь Миша с Рикардо живут отдельно. Эмре и Этьен — вожатые, но их английский оставляет желать лучшего, примерно такой же, как у меня.

Кормить стали хуже, чем раньше, но сносно. Миша рассказал, что bread, который мы едим, нарезанный тонко, как бумага, и мало чем отличающийся от нее на вкус, хранят в холодильных камерах, чтобы он дольше не портился, что juice, который мы пьем на ленч, — не что иное, как растворимый порошок, который в России давно считают за отраву.

Помимо нас работает еще kitchen staff, все остальные просто развлекаются, хотя ребята в конюшнях еще убирают за лошадьми.

Все новые знакомые показали нам с Рикардо хорошими ребятами. Надо же, как мне не свезло с коллегами в самом начале. Может, Спенсер, Робби и эта канадка и приехали так рано потому, что их пытались как можно быстрее спровадить из дома?

Макс уверенно ступал по траве в своих грубых заношенных башмаках, отпечатывая глубокие следы во влажной утренней почве. Он насвистывал что-то веселое под нос и мотал головой в такт собственной песне. В одной руке была зажата влажная тряпка, в другой он вертел распылитель с дезинфицирующим раствором. Макс был плотно сложен, ростом чуть ниже среднего, с толстой шеей, выступавшей из обтягивающей черной футболки всего на несколько сантиметров.

Все вожатые сидели по домам, а мы ни свет ни заря направились к ним с визитом, как какие-нибудь недотепы из рекламы чистящих средств. В других домиках еще ютились преподаватели и ученики мистера Кэрригана. Но их мы не тревожили, следуя распоряжению заходить в их жилища только тогда, когда они уберутся на улицу. Все — прием пищи, занятия — было спланировано так, чтобы мы не пересекались. В итоге жили мы совсем обособленно, держались как квартиросъемщики, не поладившие друг с другом.

Мы с Максом ходили по домикам вдвоем, потому что Рикардо и Крис были заняты housekeeping — еще одним, наряду с дезинфекцией, ежедневным ритуалом maintenance. Его цель — восполнение в клозетах запасов туалетной бумаги, бумажных полотенец и жидкого мыла, а также вынос наполнившихся мешков с мусором. Ребята взяли резвый старт: обогнали нас в самом начале и практически сразу исчезли из вида. Прикинув расклад, Макс вспомнил в себе человека на руководящей должности и выступил с нововведением рационалистического толка: заниматься housekeeping вдвоем — расточительство с точки зрения использования трудовых ресурсов, и с сегодняшнего дня определяться туда будет только один человек. Максус пришлось дожидаться обеда, чтобы донести свою мысль Крису и Рикардо — мы застали их только в столовой. Зашли внутрь, а эти двое уже сидят за одним столом. Крис глядит на нас ангельскими глазами, а Рикардо с азартом тасует перед собой наполненные тарелки.

Из-за стола директоров поднялась Бекка. Она пригласила всех в спортивный зал для продолжения программы orientation. Ни слова о том, касается это maintenance или нет, сказано не было, но Макс куда-то удалился, ничего не передав, и у нас не было выбора, кроме как двинуть вслед за остальными.

В спортивном зале мы снова расселись на полу, нам выдали карандаши и анкеты — расписать, какие у нас есть таланты, способности, что интересного мы можем показать

детям. Рикардо разошелся не на шутку. Яростно что-то строчил, нервно покусывал конец карандаша, что-то дописывал, исправлял, и в каждой графе ему не хватало места.

Вдруг появился Макс.

— Снимаемся отсюда! — скомандовал он. — Приехал ассенизатор, нужно откачать биотуалеты.

— Ну вот... — печально вздохнул Рикардо.

Мы спросили Бекку, куда можно сдать анкеты, когда закончим, она ответила:

— Вы maintenance, вам их заполнять вообще необязательно!

— Ну как обычно! Спасибо! — раздосадовался Рикардо.

Зато вечером, после ужина, когда программа orientation еще продолжалась, а наш квартет свои дела закончил, мы, не имея дальнейших инструкций, решили, что тем самым как бы получили отмашку идти гулять и делать все, что нам заблагорассудится.

Денек стоял погожий, конкретных планов у меня не было. Может быть, сходить на рыбалку? Почему бы и нет. Я взял спиннинг, чемоданчик со снастями и спустился к озеру. На terrace Staff Lounge собрались Бекка и человек пятнадцать ребят. Привалившись на перила, они слушали Бекку, которая что-то громко декламировала. Видимо, преподавала очередной инструктаж для тех, кто будет проводить с детьми занятия на воде — для waterfront staff.

Обитатели местного водоема были по-американски беспечны и не очень-то пугливы, поэтому, невзирая на крикливого глашатая, я принялся удить неподалеку. Вот только никто не клевал. Солнце стояло на противоположной стороне, легкий ветер навел частую рябь, разгоняя по воде яркие блики. Первая проводка оказалась пустой, вторая тоже, а на третьей я и вовсе умудрился зацепить корягу: удилище изогнулось дугой, леска натянулась, как струна, и ветер болезненно завыл на ней. Тут же застрекотала катушка. Сердце замерло — да там не коряга, на крючке кто-то есть! Попалась большая рыба! Я в каком-то оцепенении наблюдал, как распутывается леска, вот-вот закончится и, чего доброго, слетит со шпули. Опомнившись, я дернул свободную руку к фрикциону, подтянул его. Оставалось всего несколько запасных витков перед тем, как катушка смолкла. Я стал осторожно отступать, подкручивая рукоятку. Дух захватывало от того, что на крючке все еще сидела рыба. Я плавно сматывал спиннинг.

Мне удалось подвести рыбу к берегу намного ближе, теперь я еще натуральнее ощущал ее тяжесть на другом конце снасти, и мне казалось, что такая рыба непременно сорвется, и даже странно, что она не сделала этого до сих пор — не оборвала леску или крючок. Удилище заходило из стороны в сторону, и вскоре хищница появилась у поверхности воды — черная торпеда, рассекающая воду. Все-таки у нее оставалось еще немало сил.

— Боже, она огромна! — раздался чей-то крик за спиной.

Рыба опять стихла. Когда до берега оставалось уже не более десяти метров, хищница рванула в глубину и исчезла, а потом выпрыгнула из воды и бешено забилась в воздухе, отчаянно извиваясь всем телом, разинув исполинскую пасть, стараясь отделаться от крючка. Но рыбина не отцепилась, с шумом плюхнулась обратно в воду, подняв высокие брызги.

Она сделала еще несколько свечек — но это ее не спасло, у меня не было подсачка, но я все-таки выволок рыбу на берег. Обессиленная, она махала хвостом и иногда переворачивалась с боку на бок, панируя себя в песке. Я подошел к ней, аккуратно вытащил крючок из губы и поднял на руки. За спиной начали хлопать. Я обернулся — все вожатые на террасе столпились, прильнув к перилам, и смотрели на нас, только Бекка стояла, сложив руки на груди, без всякого восторга. Я вытянул рыбу вперед. Ребята снова захлопали и одобрительно закричали. Это был басс, больше полуметра в длину. Впервые в жизни я поймал такую рыбу. Когда я положил его на воду, он дол-

го стоял в ней неподвижно, как будто собственная гордость не позволяла ему уйти, но вскоре, словно очнувшись, мощно поддал хвостом и вмиг скрылся в глубине, оставив за собой тонкую полоску мути.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Это полиция

Во всем есть что-то хорошее, что-то хорошее есть и в «Склоне Кэсинка», самое хорошее, что есть в «Склоне Кэсинка» — это выходной.

Кларки вывесили списки, и теперь все выяснили, у кого и когда будут дни отдыха. Я попал на вторник. И еще восемь человек: Этьен, Долорес, американцы Ник и Джина, шотландцы Брюс, Майк, Сара и англичанка Рут. Кроме Этьена и Долорес, я неплохо знал лишь Ника с Брюсом — мы жили в одном домике, — со всеми остальными был знаком постольку-поскольку, и задачей минимум было не забыть их имена. Джина — девушка с кудрявыми русыми волосами, коротает каникулы не так далеко от дома: она из штата Нью-Йорк. У англичанки Рут татуировка во всю голень — красная роза на длинном черном стебле с листьями и шипами. Я спросил, как она прячет ее в лагере, оказывается, носит на ноге повязку. Майк и Сара — брат и сестра. Никто, кроме Ника, не работал в «Склоне Кэсинка» до этого лета.

В первый совместный выходной мы отправились в гости к Джине, она пригласила нас в дом, где живет с родителями, в городок под названием Алтуна. Добирались на двух авто: девчонки на «крайслере» Джины, я и ребята на старенькой, выдавшей вида, «хонде». В нашей компании личный автомобиль был только у Джины, а «хонда» принадлежала другу Ника — Скотту. Это был самый неприметный автомобиль на всей кэсинковской парковке, но это был автомобиль друга Ника, и самым простым было одолжить именно его. Так мы и поступили. В Америке, чтобы взять машину товарища, не нужно писать никаких доверенностей или включать себя в страховой полис, достаточно просто иметь при себе водительские права.

Родители Джины жили в пригороде. Их дом оказался не таким большим, как у Кларков, но это по-прежнему был дорогой и ладный американский дом. Двухэтажный, с мансардой под высокой черепичной крышей, со стенами, облицованными красным кирпичом, таким, который нарочно делают разнотонным, чтобы придать постройке эффект старины.

Внутри мы пробыли совсем недолго: поздоровались с родителями (они, несмотря на будний день, были дома), побросали вещи и сразу выпорхнули на задний двор. На газон, где сладко веяло с клумб, тянувшихся вдоль забора, а посередине безмятежно голубел изогнутый бассейн. В то время как все улеглись загорать в шезлонги, я, Этьен и Долорес уселись на траву, даже не переодеваясь, нисколько не заботясь о загаре. Долорес вообще сетовала, что нигде поблизости нет тени. В ее регионе излишняя смуглость считалась чем-то вроде моветона. Может быть, с этого все и началось, или это предложил Этьен: двое рассказывают третьему о его стране, а третий подтверждает или отнекивается от стереотипов. Долорес рассмеялась, когда я сказал, что в Мексике все ходят в сомбреро, в одной руке у них пистолет, а в другой бутылка текилы. «Такими нас хочет видеть Голливуд, — уверяла она, — на самом деле все совсем по-другому!» Не знаю, не знаю...

— Когда мне говорят Россия, — начал Этьен, — я вижу человека в шапке с длинными меховыми ушами, на нем много теплой одежды, а вокруг снега и снега, все белое и холодное, и, кроме снега, ничего не видно.

Сам он убеждал нас, что никогда не носил берет и не пробовал лягушачьих лапок.

Этьен был одним из тех заядлых походников, которые ни в одной туристической вылазке не дадут друзьям заскучать, придумывая каждую минуту какое-нибудь увлекательное дело. Он достал из кармана губную гармошку, приложил ко рту и выдул первые звуки. Долорес узнала мелодию и подхватила. Ее плавная ладонь то приподнималась вверх, то опускалась, направляя и успокаивая трепетный, легкий, проникновенный голос. Это завораживало, как завораживают уличные музыканты, вырывая вас из городской спешки, ныряющего в подземный переход, когда звуки музыки останавливают вдруг, околдовывают, и стоишь, забыв, куда хотел пойти, куда торопился.

Я захотел сохранить кусочек этого волшебства на память и решил зайти в дом за фотоаппаратом. Дорожка у входа была выложена толстой плиткой, деревянная дверь легко подалась, и я вошел внутрь. Роликовые шторы в доме были опущены, и свет сквозь них был жидкий, неяркий. Отдаленно гудел кондиционер, создавая внутри ощущение тенистой прохлады. Кухня отделялась от всего пространства лишь невысокой, по пояс, стойкой. По одну сторону от нее все выглядело черно и строго, по другую светлее и живее — шкафчики с множеством дверец, глянцевые раковина и кран, техника с обтекаемыми краями, которую хотелось рассмотреть, включить, опробовать. Родители Джины по-прежнему были в доме. Отец, в клетчатой рубашке и джинсах, сидел за монитором компьютера и что-то печатал, мама, в брюках и легком жакете, стояла за его спиной и перебирала в руках цветные листки. Одеты они были скорее для работы, чем для выходного дня, в чем читалось, может быть, и причиненное нами неудобство. Опережая дальнейшее, я пожалел, что своим появлением отвлек их от дел, ведь как пить дать они отложат все в сторону и заведут со мной дежурную беседу. Наши взгляды пересеклись. И остановились.

— Извините, я только заберу фотоаппарат, — сказал я.

Но они уже оставили без внимания и монитор, и цветные бумаги.

— Вы работаете с Джиной? — спросил ее отец, встал из-за стола и шагнул мне навстречу.

— Да.

— Вы тоже вожатый?

— Нет, я мэйntenанс, — ответил я и подумал, что сейчас им захочется разузнать, как обстоят дела их дочки в лагере, а я понятия не имею — мы ведь едва знакомы.

Но они, с двух слов распознав мой акцент, спросили:

— А откуда вы?

— Из России.

— Из России?

— Да.

— М-м-м, — Отец Джины качнул головой. — Там, должно быть, холодно?

— Да нет, теперь там даже жарко.

— Жарко?

— Ага.

— В России?

— Да.

— Вот это да.

— Ага...

Возникла пауза, мы выжидательно посматривали друг на друга.

— Ну, — папа Джины хлопнул себя по карманам, — вам нравится лагерь?

— Бу-у, — сказал я, оглянувшись назад, где сквозь стекло дверей виднелись зеленый газон и край бассейна, — у вас мне нравится больше.

Они усмехнулись. Я поблагодарил их за возможность провести day-off здесь, сказал, что у них замечательный дом и уютный дворик. Я хвалил их искренно и видел,

что родителям Джины приятны мои слова. Я постарался максимально оправдать их хлопоты, связанные с нашим приездом.

Когда я вернулся во двор, Этьен и Долорес сидели друг напротив друга и болтали на французском. Мы просто сфотографировались вместе. Я отложил фотоаппарат в сторону и лег на траву. Солнце приятно припекало. Я думал, что вот выходной, и он проходит не так уж безрадостно, стоило уехать чуть дальше Футтауна. Я думал, что вот сидят рядом и воркуют Этьен и Долорес, и нас троих тянет друг к другу, и дальше, может, мы станем друзьями, и многое еще может наладиться этим летом.

Дом Джины встретил нас тепло и радушно, мы нашли приятную компанию, тихий отдых, скоростной вай-фай. Не удалось дожидаться разве что приглашения на чашку чая. Ближе к двум часам нас начал выпроваживать голод. Мы расшевелили успешные налиться тяжестью конечности, засобирались и вскоре вновь распределились по автомобилям.

За все время, пока мы гостили у Джины, она провела наедине с родителями не более пятнадцати минут. И никто из ее приятелей не явился, чтобы повидаться с ней. Это странно.

Небольшой итальянский ресторанчик, рассчитанный на мимолетных путников, ютился прямо на автостраде. В помещении стоял свадебных размеров стол, который мы с ходу взяли в окружение. Меню преимущественно состояло из разных видов пиццы и пасты. Я быстро вычислил самое доступное блюдо — спагетти за шесть долларов. Я не хотел выдать своей стесненности в средствах, поэтому заказал спагетти на двадцать центов дороже. Их подали в широкой белой тарелке, без мяса, подливки, присыпанные горсткой сыра и базилика. Это была целая гора длинных, уложенных кольцами белых прутков. Я просил о самой маленькой порции, и именно так она выглядела. Здесь в меню никогда не приводят вес и объем: пиво, мороженое, картошка — все продается по каким-то абстрактным small, large и extra large.

После обеда ребята были твердо настроены продолжить свой chill-out в какой-нибудь парковой зоне с пляжем. На наше с Долорес и Этьеном робкое предложение осмотреть город они ответили, что этот город точно такой же, как тысячи других американских городов, и осматривать в нем категорически нечего. Зато Брюс выдвинул здравую идею: он сказал, что неплохо бы купить пива перед тем, как отправиться в парк. Мы с Этьеном его поддержали.

В парке было все, что нужно для комфортного отдыха: душ, чистый, прибранный туалет, кабинки для переодеваний, мусорные контейнеры, волейбольные площадки с зернистым песком и, конечно же, пляж. Въезд был платным — по восемь долларов с машины, но парень на контрольном пункте осмотрел нас и поднял шлагбаум, не спросив ни цента. Никто из нашей компании не смог объяснить мне причины.

Британцы потягивались на гимнастических ковриках и подставляли ультрафиолету свои бледные тела. Я, Этьен, Долорес, Ник и Джина играли в волейбол. В перерывах мы с Брюсом и Этьеном пили пиво, закусывая начос с сырным соусом, залитым в пластиковый судок. Пиво было горьким, отчего я пил его мелкими глотками, и оно долго не кончалось.

Мы планировали выезжать так, чтоб успеть в лагерь к ужину, но в парке было приятно проводить время, и мы выбрались, только когда вечер набрал полную силу и солнце уже садилось.

По дороге заехали на бензоколонку, нужно было отблагодарить Скотта за его доброту, заправив полный бак. Брюс вспомнил про остатки пива в багажнике и предложил допить — будет глупо везти его с собой в лагерь. Мы спросили остальных, как они смотрят на то, что мы сделаем еще одну остановку, прикончить запасы. Никто не возражал. Ник сказал, нужно найти место, где все смогли бы перекусить, чтобы как-то компенсировать пропущенный в лагере ужин.

Таким местом оказался ларек с мороженым в паре километров от заправки. Его громоздкая вывеска светилась в полумраке — жизнерадостная пятнистая корова с розовым языком. Она удерживала в копытце рожок с пломбиром и любовно на него глазела. Пока другие ребята, зябко растягивая рукава прихваченных кофт, собрались у ларька, мы, заслоняя пиво от возможного взгляда продавца, заняли пустующий стол, топорно сработанный из длинных досок. По одному подходили и рассаживались ребята с разноцветным мороженым, политым у кого сиропом, у кого шоколадом, у кого обсыпанным кокосовой стружкой. Брюс втихаря передал пиво. Оно охладилось и пилося теперь намного легче.

Темнело стремительно, и воздух быстро остывал.

Ник включил в салоне свет, и в этот миг снаружи воцарилась кромешная тьма. Кожа на сиденьях была холодной, завелся двигатель, машина тихо выползла на проезжую часть, а потом стала резко набирать обороты.

Я прислонил голову к мягкой обивке и смотрел в окно. В ночном небе рассыпались звезды, они ложились на стекло, и я соединял их линиями, сплетая паутинки созвездий. Встречные машины мелькали мимо, умножая темноту вспышками фар. Иногда нам попадались угрюмые трейлеры, они лениво ползли по асфальту, увешанные гирляндами огней, как новогодние елки. Вот «крайслер» Джины обогнал нас и быстро исчез вдаль. Мотор убаюкивающе урчал, и я чувствовал, как слипаются глаза, пьянеют мысли. Вдруг мы замедлились, автомобиль тряхнуло, мы свернули на другую дорогу. Я с усилием приоткрыл веки. Машин стало заметно меньше, и проезжая часть была значительно уже, с заросшей, необустроенной обочиной, с зубьями черного ельника поодаль. Свет скользил по обочине, выхватывая силуэты кустов и придорожного бурьяна. Высокие ветвистые стебли то склонялись к асфальту, то отстранялись. Чудилось, будто это ночные существа, которые выбрались из леса и тянут к нам свои иссохшие руки. Я слышал их измученные стоны, или это ветер гулял в лесу, скрипя тяжело стволами? Все начало путаться в голове — где-то далеко то вспыхивали, то гасли неясные звуки. Первые отголоски сновидений, когда еще нечеткие, смутные образы вот так внезапно проявляются и исчезают, чтобы со временем полностью завладеть сознанием, обрести форму и голоса. Странная картина предстала в моих мыслях. Тучный мексиканец в ушанке бегал по небу с сачком и никак не мог нагнать перепрыгивающую с облака на облако лягушку, которая истошно кричала «ква-ква». Наконец охотник с недостижимой добычей ускакали далеко-далеко, а звук почему-то остался. Назойливый, громкий, въедающийся в уши. Послышались встревоженные возгласы:

— Что это? Вот проклятие! Ах, черт!

Глаза распахнулись. Мы стояли на краю дороги, полицейская машина, полыхая красно-синим, преграждала путь. Ее передние двери синхронно распахнулись. Вышли два офицера, один что-то передавал по рации, второй, заходивший с нашей стороны, держал правую руку полусогнутой. В левой горел фонарь. В косом желтом пятне черные сапоги твердо и быстро шагали.

Сон как рукой сняло.

— Черт, черт! — ругался Ник, судорожно выгребая бумаги из бардачка. Он хотел сложить их, но они не давались: путались, выпадали. Полицейские были в двух шагах. Ник в отчаянии швырнул на панель непокорные листы и смиренно обхватил ободок руля руками (в его позе сквозила какая-то уязвимость). Офицер наклонился и пробурчал что-то зычным повелительным тоном. Ник, улыбаясь, открыл дверь и вышел.

Я старался смотреть вперед, не замечая широкого лица, почти в половину проема, заглядывающего сбоку. Но по стеклу постучали, и мне ничего не оставалось, как обернуться. Большая ладонь сделала несколько взмахов, и я послушно закрыл рычаг.

Стекло опустилось. Тут же внутрь ворвался и бесцеремонно заметался по салону яркий сноп света.

— Сколько лет? — спросил коп, засвечивая лицо Майка.

— Девятнадцать, — жмурясь, ответил Майк.

— Пил сегодня?

— Нет, сэр.

Большой гладковыбритый подбородок жевал жвачку и ходил вперед-назад, как ящик комода, а сжатые губы гнулись напряженной мембраной, готовой вот-вот сорваться в командный рупор. Все это я видел, пока ослепительный луч не впился в мои глаза, ввинчиваясь в самую глубину зрачков.

— Сколько лет?

— Двадцать один, — жмурясь, проскрипел я.

— Пил сегодня?

— Нет, — машинально ответил я и тут же подумал: «Зачем я обманываю, я ведь не сделал ничего противозаконного?»

Рука моя незаметно сползла вниз и стала ощупывать карман джинсов. Меня охватила ледяная ужас: я забыл документы? Я лихорадочно вспоминал, где последний раз видел айстик, и вспомнить не мог. Я уже представлял, что они скажут: сначала ты хотел обмануть, что не пил, теперь пытаешься провести, заявляя, что не взял документы.

Между тем луч снова зашарил по креслам, полу и нашим коленям.

— Это еще что? — громогласно раздалось над ухом. — Ох, ребята, лучше бы это была кола!

— Это кола! — почти вскрикнул Майк, извлекая из кармана переднего кресла пустую алюминиевую банку и спешно протягивая к свету.

Ник и второй полицейский прошагали мимо и вскоре потерялись из вида. Позади что-то скрипнуло, потянуло холодком — они открыли багажник.

— Что там? — спросил офицер с нашей стороны.

— Чисто, — ответил напарник.

— Проверим их на алкоголь, наркотики?

— Это вожатые, ездили в Алтуну, говорят, у них был выходной.

— А из какого лагеря?

— «Склон Кэсинка».

— Что-то я не слышал о таком.

— Я тоже. Да все нормально, Билл, кажется — это хорошие ребята.

Полицейский наконец отстранился, встал в полный рост, и руки его свободно упали. Они ушли. Две покачивающиеся фигуры, обведенные дрожащим светом.

Ник сел за руль и начал молча расправлять документы.

— Чего они хотели? — спросил Майк.

— Ничего особенного, — ответил Ник, — обычная проверка документов.

— Ты просто не представляешь, как нам повезло, что мы допили пиво, — сказал мне Брюс доверительно.

— Почему? — не понял я.

— В штате Нью-Йорк считается преступлением держать алкоголь в машине, где есть несовершеннолетние!

23 июня, 22.00

Сегодня свернул свой лагерь мистер Кэрриган, завтра заканчивается программа orientation. Наконец-то. Нас каждый вечер заставляли таскаться на нее, и мы торчали там до девяти и дольше. После работы больше всего на свете хотелось отдохнуть: принять душ, прийти в себя, перевести дыхание, а нас тащили на эти со-

брани и заставляли слушать всякую белиберду часами, а еще между нами ходила Бекка, снимала на фотоаппарат и говорила: «Скажите с-ы-ы-р! Великолепно!» Некоторые занятия протекали так нудно, что я едва не засыпал прямо на полу. С Линой почти не созванивались, и на переписку времени не было. В этой неделе координирования был только один плюс — обедали, как все, законный час, и ни минутой меньше.

В общем — orientation отгремела свое. Хочется сказать — можно вздохнуть спокойно, да где там. Самое тяжелое начнется впереди, когда придут дети. Нас, maintenance, наряду с вожатыми обязали жить и нянчиться с ними. И в обед, и после работы, весь вечер до самого сна мы будем прикованы к своим детям короткими цепями опеки. Организовывать их на ужин, потом разводить по кружкам, сидеть там вместе с ними, после возвращать в дом, укладывать спать, ночью бдеть, чтобы они не просыпались, устраивать утреннюю побудку и все начинать с нуля. Два вечера (evening off), один выходной (day off) — вот и все мое личное время. И чтобы хоть как-то общаться с Линой, я должен буду проводить его здесь, в этом тухлом месте, ожидая своей очереди за компьютер или телефон.

Соседи

Уехавшие детишки оставили после себя кучу добра: шорты, футболки, бумбоксы, штормовки и обувь (пару почти неношенных фирменных кроссовок!) Как бывший школьник, чьи растущие ноги становились проблемой родителей через каждые два сезона, я не мог не смотреть на такую щедрость американских детей без щемящей радости в сердце. Рикардо уверял, что с деньгами проблем не имеет, но как объяснить блеск в глазах — зеркальное отражение моего, — какой бывает у искателей, прибывших на золотиносный прииск? Мы чистили туалеты радостно, держа в голове манящий замысел преступления: улучшить момент, еще раз пройтись по домикам и хорошенько прибраться.

В пустом зале столовой Долорес плавала между столов с взгроможденными на них стульями и скамьями и совершала однообразные движения шваброй. Стены звонко отразили Hola, брошенные мной и Рикардо.

— Hola, — печально отозвалась Долорес.

Мы подошли ближе.

— Что случилось? — спросил Рикардо.

Мне нравилась Долорес. Она была искренней и открытой, полной внутренней доброты, распознав которую потом тянешься к ней естественно и легко, как цветок к солнцу. Разговоры с ней всегда доставляли мне радость и обладали каким-то успокоительным свойством, вот почему я с таким нетерпением ждал, когда беседа Долорес и Рикардо на их бойком, пылком наречии прервется хоть на секунду и я смогу вставить слово. Но они не утихали. Глаза Долорес слезились, она говорила взхлеб, эмоции завладевали ею все больше. Прежде мне не доводилось ее такой видеть. Скоро я догадался, в чем дело.

Накануне девчонкам из kitchen staff сказали: поскольку они постоянно ходят повесив носы и не излучают позитива, жить вместе с детьми не будут — их переселят в одну из комнат дома искусств. Сооружение, которое, по заверениям мистера Кларка, ближайшей осенью снесут, хотя, судя по виду, стереть его с лица земли следовало намного раньше.

По рассказам Миши, Марта долго подготавливала kitchen staff, прежде чем показать апартаменты. Ругала за то, что, несмотря на двух новеньких корейнок, прибывших пару дней назад, kitchen staff медленно работают, ничего не успевают, не участвуют в программе orientation. Потом их проводили в Дом искусств.

Убогое, одно из самых старых в лагере, запущенное двухэтажное здание. Всюду на полу мусор: грязь, ветки, листья, занесенные в разбитые стекла, кляксы паутины, как-то мы нашли трупик залетевшей и не отыскавшей выход птицы. Наполовину совсем заброшено; в нескольких комнатах на лето все-таки затевались кружки, а одна из секций второго этажа была отдана под жилой угол. Окна внутри скривились, образовав с простенками просвет толщиной с палец, половые доски, ободранные местами до острых щепок, что лучше не ходить босиком, прогибались с болезненным скрипом, потолок нависал лохмотьями обшивки и отслаивающейся краски. И везде — невыветриваемый, всепроникающий, въевшийся в доски, в стены, в краску, в щели, в воздух едкий запах мышиных экскрементов, подтвержденный черным пунктиром вдоль плинтусов.

Когда девчонки увидели это место, Долорес не сдержалась и заплакала.

— Кларки считают, что мы бездельничаем, специально не улыбаемся, чтоб насолить им, — Долорес наконец перешла на английский. — Знаете, что они сказали, объяснив, что нас не поселят с детьми? Они сказали: вы недостойны того, чтобы жить вместе с ними! Нас просто отчитали, а мы даже не поняли за что. Они сказали: мы столько для вас сделали, а вы оказались такими неблагодарными. Но ни один из нас не понимает: за что, за что мы должны их благодарить? Почему они обвиняют нас в том, в чем мы не виноваты?

— Вы работаете больше каждого из нас — это всем известно, — сказали ей мы с Рикардо.

И это была правда. Как-то с Крисом мы проходили мимо столовой, кивнув в ее сторону, он сказал: kitchen staff — единственные здесь ребята, чья работа хуже нашей. Крис был самым юным из maintenance, крепкий, задорный, молодцеватый, с играющим румянцем на щеках. Но с каждым днем румянец тускнел, а бравая поступь тяжелеела. Как он умудрился загреметь в maintenance — до сих пор не понимаю. Я тоже, — вздыхает он угрюмо. Наверняка, не угоди в maintenance, был бы таким же жизнерадостным, как все прочие англосаксы.

Мы сказали Долорес:

— Зато вам не придется возиться с детьми, вы будете свободны вечерами — разве это не здорово? У них, наверное, просто не осталось мест в домиках, но они не хотят признаться.

В конце концов нам удалось ее отвлечь. Мы пообещали, что придем и поможем в обустройстве комнаты. Но сам я не мог отделаться от неприятных мыслей. Ведь где-то так же пропадает моя Лина. Работает, оторванная от всех и от всего, не зная благодарности за свой труд, живет в доме из досок, с душем на улице, в полуистлевшем склизком сарае. В их столовой только девчонки из России и Украины. Большинство россиянок с инъязов, приехали за тысячи километров поднатореть в английском. Какой язык они там подучат? В лучшем случае — украинский.

Когда мы с Рикардо вышли из столовой, заметили колесящий по лагерю белый фургон. Он останавливался у домиков, и коротко стриженный молодчик в джинсовом комбинезоне выносил картонные коробки с горкой одежды, которые, не разбирая, сваливал в кузов. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы сразу понять: Кларки давали все оставленное детьми добро в комиссионный. Так здесь и текло время, отпечатываясь в памяти чередой незначительных, мелких событий, не оправдывающих даже самых скромных надежд...

Неугомонная рука Бекки пригвоздила к доске объявлений новый листок. Нас снова перераспределили по домам, очередной переезд, на этот раз последний. Я предсказуемо оказался отдельно от Рикардо и Миши. Меня определили в домик к самым старшим, шестнадцатилетним ребятам. Вместе с высоким, рябым англичанином Алек-

сом с рыжими волосами, разделенными ровным тонким пробором, ганцем Ларри, он прибыл на днях, ходит по лагерю пританцовывающей походкой, крутит по сторонам козырьком бейсболки с широкой тульей и одаривает всех ослепительной улыбкой, приговаривая:

— Oh m-a-a-a-n, I like this place! (Ну, чувак, мне нравится это место!)

Четвертый — Скотт. Дюжий, высокий. Завсегдатай лагеря, возвращается сюда бог знает какое лето. С виду балагур и хохмач, но как пить дать глаза и уши семейства Кларков. Надо бы с ним поосторожнее. После обеда мы, по обыкновению, разбились на группы и расселись на газон. На этот раз выработать с будущими сонадсмотрщиками общую стратегию, обсудить поведение с детьми и наш педагогический метод. Я как maintenance все еще полагал, что нахожусь среди вожатых по недоразумению, по случайной прихоти семейства Кларков и разговор обойдет меня стороной, а потому думал о своем и слушал вполуха. Но когда очередь подошла, три пары глаз уставились на меня выжидательно. Ребята... я, конечно, смотрел американские фильмы про детей, даже читал Бел Кауфман, но делать меня участником педсовета... Я наплел что-то несусветное про переходный период, Рубикон жизни, так сказать, мы должны помочь детям сориентироваться в этом мире и наставить на верный путь.

Алекс слушал мою болтовню с гримасой чуткой встревоженности, коротко и часто кивая, а Скотт внимал, задумчиво насупив брови. Он говорил последним, толкнул самую содержательную речь. Вот что я услышал по поводу своих излияний:

— Многих из этих детей я знаю не первый год, поверьте, эти ребята прекрасно понимают, чего они хотят от жизни. Свою дорогу они выбрали давно и обошлись при этом без чьей-либо подсказки...

К концу дискуссии никакой определенной концепции у нас не нарисовалось. Мне-то было до фонаря, я лишь радовался, что все закончилось. Как оказалось — рано. Дело не кончится, пока ваш позор не выставят на всеобщее обозрение. Финальной чертой, подводящей итог программе orientation, было выступление каждого из нас со словами о том, что мы извлекли для себя за проведенное здесь время. Хорошо бы снова притвориться человеком, который ни слова ни сечет по-английски. Но зоркая, как эхолот, Бекка не уснет ночью, если кто-то не толкнет речь. Неужели ей доставляет удовольствие смотреть, как люди тянут из себя буквы?

— Я рад, что оказался в команде maintenance — maintenance dream team... — начал я, — а благодаря orientation week познакомился и с другими ребятами. Чем мне нравится это место? Давайте спросим себя вот о чем: много ли друзей нам доводится обрести за свою жизнь? А теперь оглянитесь по сторонам: удивительно, как много новых друзей мы нашли за такое короткое время!

Едва я освободил трибуну, ко мне тут же подлетел Рикардо.

— Maintenance dream team — это, конечно, круто, — сказал он, — но все остальное: посмотрите, как много у нас появилось друзей... Андрей, ты что, решил стать одним из них — таким же hуorсrite (лицемером)?

Я ничего ему не ответил, хлопнул по плечу и прошел мимо. Я не стал ему объяснять, что один новый друг — это очень много.

Дети

Заезд детей ожидался перед обедом. Чтобы встретить их в домике, нас освободили от работы. Я взял со стеллажа тетрадь и ручку и вышел на крыльцо.

— Хватит переводить бумагу!

Это откуда-то взялся Рикардо и уже стоял перед моим носом.

— Все дневник пишешь?

— Да.

— Зачем тебе это?

— Это лучше, чем шататься без дела и мозолить глаза Кларкам.

— О чем ты там пишешь?

— О лагере.

— Зачем?

— Это интересно.

— Интересно? Андрей, писать нужно о невероятных приключениях, ярких событиях, незабываемых встречах, о чем-то необычном. Что необычного может произойти в «Склоне Кэсинка»?

— Ну, например, можно спокойно сидеть, никого не трогать, а к тебе вдруг подойдет мексиканец.

— Это необычно?

— Конечно, у нас в России — очень.

— Ну да, встретить в Мексике русского — это тоже большая удача.

— Чего не знал Троцкий.

За спиной скрипнуло. Мы обернулись. В проеме дверей, пригнувшись и упершись локтями в косяк, стоял Скотт:

— А, так это ты, Рикардо, — сказал он, оглядывая нас добродушными глазами на одутловатом, как будто заспанном, лице, — а то я думал, это дети уже осадили Андрея. Четвертое лето приезжаю в этот лагерь... кто бы мог подумать... — изрек он с какой-то грустью.

Грузный, в движениях он был как будто неловок, нерасторопен, но это впечатление было обманчивым. На вечеринке он тоже долго ходил сонный, степенный, скупающий, медленно качаясь под музыку, но дело дошло до баттла — откуда-то взявшаяся в руке трость бешено завертелась, звезды в оправе солнечных очков заблестели, Скотт взорвался стремительным, хаотическим танцем, срывая одобрительные овации и крики. Вожатые его обожали, и это обожание была его цель.

— Зачем ты приезжаешь сюда каждое лето? — спросил я. — Я имею в виду — почему бы не отправиться разок в другое место? Хотя бы для разнообразия.

— О, это место особенное! — сказал Скотт расплывчато. — И подходит для моей работы.

Работал Скотт учителем физкультуры. Отпуск летом, но чтоб куда-нибудь уехать, нет лишних средств. Место, где дают кров над головой, три раза в день кормят да еще приплачивают какие-то деньги — вариант идеальный.

— Приезжай к нам в Россию! — посоветовал я. — Уверен, твоих денег хватит, чтобы провести незабываемые дни.

— В России не любят американцев, — парировал Скотт вяло, без вдохновения, — что делать с этим? Как бы ни был хорош отпуск, а я бы не хотел, чтобы он оказался последним.

— Что ж вам теперь совсем не путешествовать? — поинтересовался я. — Вас ведь не любят во всем мире.

— Что правда, то правда... — согласился Скотт.

— Да это ничего, — сказал я уже утешительно, — нас тоже никто не любит, в этом-то мы похожи.

— Смотрите, — сказал Рикардо, — они едут.

Вдалеке появились сразу несколько автомобилей. Они медленно плыли между зеленых газонов, как стайка рыб, присматривающих место поскорее отметить икру.

Самые маленькие домики лагеря были рассчитаны на восемь человек. Наш мог вместить шестнадцать. Восемь койко-мест слева — там поселились Алекс и Скотт, такие же восемь справа — там жили Ларри и я. Напротив входа дверь в душевую с туалетом.

Первыми в домик пожаловали нескладного вида мальчишка со своим отцом. Отец весь прибранный, аккуратный: на руке механические часы, затянутые кожаным ремешком, сорочка туго заправлена в джинсы, волосы гладко зачесаны набок, край черной расчески торчит из нагрудного кармана. Противоположность сын: худое, бугристое, почти белое лицо с оттопыренными ушами, взлохмаченная челка из-под бейсболки, небрежная рубашка, подогнутый край одной из джинсовых штанин. Скотт сразу встал и выдвинулся отцу навстречу. Туда же поспешил Алекс. Мальчишка, не задерживаясь, свернул в мое крыло. Большими пальцами он натягивал лямки рюкзака, закинутого на спину, другие, длинные и извилистые, держал на отлете. Он прошелся по комнате, рассеянно мотая головой по сторонам. Отец его, хоть и занятый разговором со Скоттом и Алексом, краем глаза непрерывно следил за сыном с выражением озабоченности.

— Пожалуй, эта, — сказал мальчишка, вскинув руку в сторону одной из коек. — Пап, можно я выберу эту?

— Отличный выбор, сынок! Эта выглядит что надо! Пожалуй, это лучшая, что здесь есть!

Мальчишка, довольный, скинул рюкзак, вслед за ним упал на матрас, подпрыгнул и подтвердил:

— Точно — эта.

Он посмотрел на меня, встал, повернулся спиной, пошарил в рюкзаке, вдруг резко крутанулся на сто восемьдесят и с криком «Hey, catch the ball!» швырнул в меня чем-то. Только благодаря реакции, выработанной за годы прописки в неблагополучном районе, я успел увернуться, выбросить руку и остановить в нескольких сантиметрах от головы небольшой мяч гладкой белой кожи, прошитой ровными стежками красной нити. Мне непременно захотелось вернуть его назад с еще большей скоростью и силой, и я подумал, что, может быть, это и есть бейсбол. Я посмотрел на отца парня — он все еще косился, я перевел взгляд на мальчишку, пытаюсь разгадать его умысел — что это было? Неужели он нарочно целил прямо в лицо? Мальчишка тянул безобидную улыбку, косая, она подчеркивала странную разобщенность черт, составлявших его портрет. Теперь мальчишка ждал мяч обратно, он стоял полусогнувшись, приблизив друг к другу открытые ладони, как бы выпрашивая его. Я мягко, парашютиком, навесил мяч. Мальчишка всплеснул руками, ударил себя по скуле.

— Oh! It hurts! — пожаловался он, трогая ушибленное место.

Мяч несколько раз скакнул по полу и закатился в угол, мальчишка метнулся за ним, поднял и снова бросил в мою сторону с тем же кличем:

— Hey! Catch the ball!

Это бестолковое перекидывание стало нашим занятием на несколько ближайших минут. Озабоченность на лице отца мальчишки постепенно уступила место умиротворенной улыбке. «Здорово, что они ладили», — наверное, думал он.

Перед уходом он подошел к сыну и потрепал его по голове. Они шуточно стукнулись кулаками, и отец ушел. Колин (так звали мальчишку) сел на свою кровать, как-то сразу потух, повертел в пальцах мяч, сунул его под подушку и скоро лег сам.

Следующего парня в дом завела бабушка. Судя по тому, с каким усердием он старался выпроводить ее, это обстоятельство его тяготило. Высокий, тонкий и возбужденно-подвижный, он бродил между кроватей, резко крутя головой, от чего его широкая прическа подпрыгивала и, не успевая осесть, подпрыгивала снова. По детскому свойству без оглядки подчиняться эмоциям лицо, он резиновое вытянул его, узнав, что я из России. Не меньше удивился я, когда Томаш сказал, что приехал из Польши. Бабушка его давно эмигрировала в Штаты и живет в Нью-Йорке. Он в лагере на три недели, а оставшуюся часть каникул будет гостить у нее.

Третьим явился Джошуа. С косматой головой, печальной улыбкой, с лицом, усеянным юношескими прыщами. В черной футболке, джинсах, кедах. За спиной он та-

шил зачехленную гитару едва не с себя ростом. Мужчина, смачно разминавший челюсть жевательной резинкой, хлопнул по плечу малого с пухлыми щеками, с кроткими, прищуренными глазами и вышел. Звали мальчишку Рич. Ричи.

Пятым добрали милитаристского вида юнца: прическа под площадку, штаны военной расцветки, черная футболка, на ней, на толстой серебряной цепочке, армейский никелированный медальон. Питер.

Скотт сказал, что через неделю придут еще семь новичков. А пока те, кто уже появился, активно занимали места, расставляя свой скарб по полкам. Стеллажи заполнялись склянками с туалетной водой, дезодорантами, средствами гигиены, среди которых были разноцветные тюбики с гелями для чистки зубов. Я окончательно убедился, что моя зубная паста здесь — архаизм наподобие зубного порошка.

Раздался крик Скотта:

— Так, все собираемся и идем обедать. Сегодня в столовой пицца!

— Ура-а-а-а! — хором заликовали дети. — Пицца!

И наша орава, весело гогоча, хлынула на выход.

Конкурс безумия

Дети сыпались в столовую, как бисер с лопнувшей бечевы. Мы с нашим выводком, разобрав по подносам обед, отыскивали стол, посреди которого высилась картонная пирамидка с надписью В-1, и расселись через одного, чтобы, следуя правилам лагеря, распределиться с детьми равномерно. Постепенно шум оседал. На смену стихающему бурлению приходили монотонные звуки жевания и жадных глотков.

Наше место находилось у стены, кто-то постарался и украсил ее перед обедом. Повесили лозунги из цветных букв, салютующие плакаты, треугольные радужные флажки.

Из дальнего угла раздался пронзительный девчачий крик:

— Hey, В-1!

Наши переглянулись, но никто не отозвался. Тогда на подмогу кричавшей пришли сидевшие рядом:

— Hey, В-1! — повторили они все вместе, настойчивей, громче.

И мальчишки медленно, как бы нехотя, протянули:

— Wh-a-at?

— Show us how you get down! (*Покажите нам, как вы падаете!*)

— No way! (*Ни за что!*)

— Show us how you get down! — настаивали девчонки.

— O'key, — недолго упрямствуя, согласились мальчишки.

Громко скрипнули скамьи — это все они, включая Скотта и Алекса, поднялись из-за стола, и лишь я остался сидеть с краю, наблюдая за всем с рассеянным видом. Возжатые вместе с детьми запели:

I stomp my feet,
I boogie to the beat,
I turn around,
I touch the ground,
That's the way I get down!

*(Я топаю ногами,
Я двигаю руками,
Я кручусь вокруг,
Я так танцую, друг,
И не падаю вдруг!)*

Каждая пропетая строка сопровождалась соответствующим движением. Сначала они дружно топнули ногами, потом махнули рукой, потом обернулись вокруг себя, а в заключение был исполнен наклон с касанием пола ладонью. Конец номера был встречен грохотом аплодисментов и смехом. Едва вернувшись на место, наши ребята о чем-то оживленно засовещались, договорились и, скрепив это единогласным о'кей, провопили:

— Hey G-1!

Столик G-1 расхохотался.

— Hey G-1! — позвали их повторно.

— What? — захлебываясь смехом, отозвались G-1.

И все повторилось. Теперь G-1, прервав трапезу, проскандировали куплет, совершив те же нехитрые локомоции, под конец на секунду вспыхнули волосами и сорвали шквал рукоплесканий. Цепная реакция пошла по столовой. Я смотрел на происходящее с любопытством. Во мне наконец пробудилось оживление туриста, распахнувшего навстречу впечатлениям глаза. Детские песни в лагере — это местный фольклор. Я вслушивался, чтобы запомнить.

Все кричалки были незамысловатые. В одной пели про бананы: «Banana, banana, boom-boom banana!», в другой — про земляного червя, в третьей — про пингвина и так далее. Особым успехом пользовались номера, в которых удавалось задействовать вожатых. Публика сходила с ума, когда местных старожилов заставляли вставать, петь, двигаться на равных со всеми. Все тонуло в праздничной мешанине, пока не встала Бекка. Ничего не спела. А в очередной раз завела пластинку на организационный мотив, и после ее слов обед закончился. Все поднялись, сложили подносы и поплелись на выход.

Таким образом, столовая являлась переправочным пунктом, на выходе из которого дети занимали предназначенные им места в раскручивающейся карусели лагеря, они покрепче ввинчивались в сиденья, и дальше им не оставалось ничего, кроме как гнать по кругу, получать веселье, не скучать по дому и уважать других.

Был организован спортивно-интеллектуальный конкурс. Спортивная часть заключалась в состязании по ориентированию на местности, интеллектуальная — в проверке эрудированности детей. Подробнее: все ребята были разбиты на команды, каждой вручалась карта лагеря с отметками, где им следует оказаться, чтобы пройти испытание знаний, и в случае успеха получить жетон. Команда, в кратчайшие сроки собравшая как можно больше жетонов, объявлялась победителем.

Одни вожатые бегали со своим домиком по лагерю, вторые стояли в обозначенных точках, держа наготове карточки с вопросом, третьи брали на себя роль ведущих, следили за соблюдением правил и подсчитывали очки. Я был вожатым, который ждал прихода первой группы со следующей загадкой: в каком полушарии находится Гренландия — в Северном или Южном? В нижнем углу карточки был приписан перевернутый ответ: в Северном.

Крики приближались по тропинке, и вскоре оттуда горсткой выбежали дети. Это были восьмилетние подопечные Спенсера в сопровождении самого канадца и двух семнадцатилетних Си-энд-Эйев.

Они выстроились передо мной, запыхавшиеся, разопревшие:

— О'кей, — начал тот, что возомнил себя предводителем, — что за вопрос?

Я извлек из заднего кармана карточку и про себя перечитал: в каком полушарии находится Гренландия — в Северном или Южном? Ну и вопрос. Наугад скажешь, пятьдесят процентов, что не ошибешься.

— Итак, — начал я, — какая страна самая большая в мире?

Ребята засовещались.

— Эй, Фредди, — позвал товарища один из мальчишек, — ты у нас главный зубрила, настал твой час — что скажешь?

Пухлый ребенок, стоявший до этого в стороне, подошел, явив свой округлый лик: веснушчатый, сдобный, с румяными завитушками ушей.

— Я думаю, — заговорил он со старательной отдышкой, — я думаю.

— Поскорее, жирная задница! — поторапливали товарищи.

— Я думаю — это Россия, — закончил Фред.

За что тут же схлопотал оплеуху от одного из Си-энд-Эв.

— Ты что — идиот? — сказал Си-энд-Эй. — Россия — это вообще не страна!

Си-энд-Эями называли ребят, которые хотели попасть в лагерь, но уже перешагнули верхний порог возраста. Они бы стали вожатыми, но для этого не хватало года. По обязанностям Си-энд-Эи были кем-то вроде помощников вожатых. Об их умственных способностях говорил хотя бы тот факт, что за пребывание на этих условиях они платили деньги.

— Вообще-то, он ответил правильно, — вступился я и вытащил из кармана оранжевый круглый жетон.

Вся команда счастливо взвыла. Но восторг был сиюминутен, жажда новых завоеваний влекла вперед. Шайка пустилась бежать, на ходу обсуждая маршрут, спотыкаясь от частых заглядываний в карту.

О том, что конкурс закончился, мне сообщил Ник, выбредший откуда-то из леса.

— Ну что, — спросил он, — как все прошло?

Мы спускались в лагерь.

— Хорошо. А кто составлял вопросы?

— Кто-то из вожатых. А что?

— Мне кажется, вопрос был слишком легкий: где находится Гренландия, — зачитал я, — в Северном полушарии или Южном?

— Ну да, — согласился Ник, — это даже я знаю. Мой вопрос был намного сложнее.

И он протянул свой билет. В нем спрашивалось, как называется валюта Китая. Внизу значился ответ: иена.

Первый поцелуй

С самого утра на небе не было ни облачка, а к полудню установился настоящий зной, стены мастерской раскалялись, и к вечеру воздух внутри стал нестерпимо душен. Что-то творилось на кухне.

— У вас еще может подуть ветерок или полить дождь, а у нас так целыми днями, — жаловались девчонки, когда мы заглянули к ним после обеда. Сковороды и кастрюли шипели, нагнетая горячий чад.

Вот мы и устроили им холодный душ. Ворвались и обрушили поток из водяных бластеров. Визгу было! Прятаться и отступать девчонкам некуда, и они беспомощно жались к стенам или приседали на пол.

— Вы сумасшедшие! — кричали они.

А мы меняли бластеры на запасные и окатывали их новой волной. Но вскоре к ним подоспела подмога. Повара схватили краны для мытья посуды, — подвешенные на гофрированном шланге металлические насадки с ситом отверстий, с нажимным рычагом вместо вентиля, вода в них шла под давлением, чтобы на ура сбивать со дна посуды любую пригоревшую грязь. Напор от них был неистовый, все равно что из брандспойта. И мы заробели, мы начали отступать, мы попятись к выходу. Сейчас же

очухались девчонки, они схватили ковши, поварешки, набрали в них воду и давай поливать нас. Сырость была повсюду, и мы вымокли, как мальчишки, пробовавшие на прочность первый лед. Залиты были столы, и пол, и то, что должно было стать ужином.

Мы с Рикардо стояли на пороге мастерской.

— Что будешь делать вечером? — поинтересовался Рикардо моими планами на evening off, заметив, как часто я поглядываю на часы.

— Как всегда, поеду в Футтаун, — пожал я плечами.

— Пойдешь в паб?

— Скорее всего. Не знаю. Как думаешь, где Макс? — спросил я.

— Понятия не имею. Может быть, караулит заявки. Сдался он тебе?

— Конечно, нет. Чем дольше его нет рядом, тем лучше.

Макса мы не любили. И это была не врожденная нелюбовь по отношению к начальству. Слишком уж явно он подгрел под себя все преимущества своей работы. С того дня, как приехали дети, расписание мэйntenэнс более-менее определилось, стал понятен распорядок дня. Раз в неделю — общая уборка у страусов, запасание дров для кострища, сбор грязной одежды по домикам и раздача чистой. Три раза в неделю — стрижка травы. Ежедневно — дезинфекция, housekeeping, вывоз навоза из конюшен, доставка хлора в бассейн, контроль за наличием в кулерах питьевой воды. К некоторым из этих занятий мы приступали легко, к другим с отвращением и большой неохотой. Заявки на ремонт — на последнем месте, отсюда оставалось ждать сюрпризов. Они составлялись вожатыми, в чьих домиках или кружках случались поломки, которые мы могли устранить. Оформленные в письменном виде, заявки опускались в специальный ящик, который находился в Staff Room. Каждый из нас любил отвлечься на эти мелкие неурядицы — они вносили разнообразие в каждодневную рутину. Всякий рабочий день начинался со слов Макса:

— О'кей, ребята, вы пока начинайте тут без меня, а я поеду в Staff Room, проверю заявки.

Едва мы брались за какую-нибудь тягомотину, Макс исчезал под любым предлогом и появлялся, как полицейские в американских фильмах, только когда вся грязная работа уже сделана.

Мы, само собой, приспособливались, тоже старались не отставать, то и дело устраивали себе «маленькие сиесты», частенько наведывались в магазинчик позади дома Кларков, где втридорога покупали мороженое в счет будущей зарплаты, чтобы съесть в каком-нибудь тихом уголке, чем выгадывали себе по десять-пятнадцать минут ничегонеделания. Или с Рикардо стояли на пороге мастерской и потягивали колу, а Крис дремал где-то в углу, развалившись в старой качалке. Бездельничали вполне открыто. Даже если нагрянет Макс — ничего не случится. Он ничего не сможет поделать, так как и сам далеко не образец трудолюбия.

Куда более ободряюще могло подействовать внушение от семейства Кларков, но в последнее время им было не до нас. С приездом детей у них добавилось хлопот, и они не так часто вмешивались в наши дела. Помимо того, что семейство директоров по-прежнему участвовало в поддержании хозяйства — Марта заправляла работой столовой, Бекка курировала кружки, Джон и Ллойд следили за порядком и благоустройством, — все они время от времени проводили досуг с детьми. Все, кроме Джона. Он вообще как-то помрачнел и стал раздражительней с тех пор, как лагерь ожил. Он бродил или разъезжал по лагерю, поглядывая вокруг насупленным взором, в котором читалась неудовлетворенность, готовность к вечному стариковскому порицанию. Джон полностью уединился в работе. По утрам он выводил страусов на выгон, насыпал корм в корыта и подливал воды, вечерами возвращал животных в хлева. Между

этим стриг газоны и занимался какими-нибудь несущественными мелочами. Например, копался в мусорных контейнерах, перекидывая банки от соды из бачков для бытового мусора в бачки для металла. Обстоятельно, неторопливо.

Он оставил за собой всего две обязанности, которые напоминали детям о его существовании: утреннее поднятие флага и приветствие посетителей столовой.

Каждый божий день в лагере начинался с того, что вожатые вместе с детьми стекались к футбольному полю, на краю которого был установлен массивный металлический флагшток высотой под четыре метра. У флагштока стоял Джон. Напряженно ждал, когда все выстроятся, выровняются и умолкнут, и только тогда начинал медленно и торжественно подтягивать канат, возносящий вверх звездно-полосатое полотнище, которое капризно скручивалось, билось, но на самой верхотуре все-таки расправлялось по ветру. В течение нескольких минут дети, покачиваясь и зевая, глядели на реюющий флаг. Потом Бекка или Марта брали слово, а Джон, не произнеся ни звука, таинственно исчезал и материализовался уже у входа столовой. Лицо его внезапно озарялось улыбкой, он придерживал железную дверь, впуская всех внутрь, и радостно заклинал:

— Какое чудесное утро! Сегодня прекрасный день! Рад вас видеть, В-7! Дайте пять, маленький сэр! — и бился ладонями с каким-нибудь опешившим малявкой.

С детьми из своего домика мы, можно сказать, ужились. Из всей пятерки не было сладу лишь с одним — пухлощеким дьяволенком Ричи. Он никого не слушал, пакостничал, сквернословил, всех своей неуместной религиозностью сводил с ума.

В общем-то, приемов усмирения в нашем арсенале было немного. Единственным оружием вожатых был разговор. Монотонные витиеватые увещевания, тупые, прямые, строгие выговоры, прилюдное порицание или доверительная беседа — диапазон очень широк. Если, как в случае с Ричи, любые внушения были бесполезны, у вожатых существовал единственный карательный инструмент — комендантский час. Лишение детей свободного вечернего времени, от пятнадцати минут до полной отмены прогулки. Закавыка была в том, что если вы наказывали кого-то комендантским часом, то обязывали самого себя провести в компании «правонарушителя» следующий вечер. Несостоятельность кэсинковской системы наказаний была очевидна.

После ужина я направился в комнату персонала, чтобы забрать деньги и айсик. Кэш, ценности, документы — все хранилось в маленьком металлическом незапираемом шкафчике, в подписанных папках из маклерской желтой бумаги, грудой сложенных друг на друга. В комнате меня ждал сюрприз. В корреспонденции лагеря обнаружилось письмо на мое имя. Белый прямоугольник, немного уже российских конвертов, но немного длиннее, с волнистым штемпелем поверх почтовой марки со статуей Свободы. Лагерь «Долина цветов». Северная Каролина.

Сердце быстро заколотилось, перебивая дыхание в груди. Кое-как вспомнив, зачем пришел, я сунул по карманам деньги и паспорт и стремительно, не глядя по сторонам, заторопился обратно в дом.

Надежда, что внутри никого не будет и я распечатаю конверт в одиночестве, не оправдалась. Плевать. Я забрался на кровать, быстро, неаккуратной бахромой, оборвал конверт и вытянул сложенный несколько раз листок. Он пах духами. Свежий, незнакомый аромат. Я закрыл глаза и представил ее, одетую в этот запах. По телу пробежал холодный трепет, как будто по пояс зашел в ледяной поток. Я стал читать. Лина писала, что постоянно думает о нас, что ей снится время, когда мы были вместе. Она спрашивала, снится ли мне. Она спрашивала, помню ли я ночь, когда все уснули, а нам совсем не хотелось спать, и уже под утро мы вдвоем вышли на улицу и бродили по городу, бродили по пустынной набережной, и полил дождь, и превратился в ливень, и лил так долго, что мы насквозь промокли, но все равно не спешили назад.

Лист был исписан с обеих сторон от края до края, а в незаполненных уголках бились нарисованные сердца. Бусины букв катились и останавливались, раскачивались и разгонялись снова. Я видел ее, пишущую эти строки. Лицо то сосредоточенное, серьезное, со спешащими карими глазами. То спокойное, с тихо проступающей улыбкой. Длинные черные волосы убраны назад или ниспадают, пряча строчки от возможных глаз. Вот ручка отрывается от бумаги. Лина задумчиво вглядывается в темносиний узор. Перечитывает с самого начала. Глубоко, прерывисто вздыхает. Мягко откладывает ручку на край стола...

И снилось. И помнил. И сомневался в то же время — неужели это по-настоящему было? Где? Когда? Чей теперь этот давний город? И чьи мы — бесприютные, одинокие, злые?

Мы едва начинали встречаться. Был июнь и тепло, несмотря на холодную белизну предрассветного утра. Мы спускались вдоль серых многоэтажек, и отражения наших фигур возникали и рассеивались в стеклах первого ряда. Внутри меня клокотало. Почти как сейчас. Только в сотню, в тысячу раз сильнее. Я держал ее ладонь и болтал пустые, какие-то очевидные вещи, цепляясь за общих знакомых, музыку, кино. Глупо шутил. Но она все равно смеялась, и я еще крепче сжимал ее тонкую руку, и мы шли вперед. Я смотрел вперед, но весь прикован был только к ней. Бирюзовые босоножки постукивали по асфальту, звук разрастался и, опережая нас, бежал по неприветливым стенам. Загорелые стройные ноги выглядывали из-под белой юбки. Красивое, потерявшее бдительность лицо. Мы неожиданно быстро спустились к пруду. Окольцованная косым бетоном вода. Мы медленно шагали по плитам, то подступая к самой воде, то отдаляясь. Молчаливые рыбаки, угрюмо ждущие своего одинокого счастья, шурились и вздыхали. А нам было весело и все равно, мы шли и шумели. А потом по бетону защелкал дождь, мы выбежали на асфальт, кустистый боярышник вдоль дороги кивал своими белыми зонтами, тяжелые капли сбивали в комочки сладкую пыльцу. Дождь быстро усилился, полил, она сняла босоножки и бежала, держа их в одной руке. Мы укрылись под ближайшим козырьком подъезда. Я прижал ее к себе и стал целовать. Влажные волосы липли к рукам. Я задыхался, но не мог оторваться от губ, горячих и пьянящих. В квартирах зажигался свет. Люди просыпались, запахивались в халаты и подходили к окнам, вглядываясь в неуютное утро...

Ответное письмо я написал быстро, так как план его созрел уже давно. Я бегло все перепроверил — вроде бы ничего не упустил — и заторопился в Дом искусств. Поставил на уши kitchen staff, они отдыхали после работы. Размахивая вместо белого флага чистым листом, я добился признания в любви на трех языках: чешском, испанском, корейском (Сабина сказала, что в чешском нет признания, как мы его понимаем, и вывела ближайший синоним). Я все скалькировал в свое послание Лине (корейские иероглифы дались тяжелее всего). Там же, в Program building, я проник в кабинет декоративных ремесел, разыскал цветные блески и всыпал их в конверт. Вот Лина удивится! С полминуты простоял в какой-то нерешительности. Потом прошел языком по клейкой полосе и марке (все делалось по старинке), снова преодолел пол-лагеря и зашел в комнату персонала. Картонная коробка для писем, обтянутая упаковочной пленкой, стояла посреди стола. Я опустил конверт в прорезь, оно с глухим стуком упало на самое дно. Дело сделано, теперь снова — лишь ожидание. Все-таки живое письмо совсем не то, что электронная почта...

В комнату вошла Бекка.

— Андрей! — сказала она.

— Да?

— Хорошо, что я тебя застала. Ты ведь еще не получил свой пэймент?

Через минуту она вручила мне тоненькую пачку зеленых купюр.

Очередная выплата снова прошла не по графику. Я изучил квитанцию — шестьсот баксов, дальше какие-то калькуляции, все не в мою пользу, итог — четыреста двенадцать долларов. Губы горько скривились. На этот раз за проживание ничего не удержали, но вычли налоги. Двести баксов за неделю съезжились до ста сорока. Это означало, что за все лето я не получу даже тех грошей, на которые рассчитывал по контракту. К тому же мне заплатили только за полные отработанные недели, а за текущую — нет. Это все усложняло. Прибрав деньги в папку и сложив в шкаф, я побрел в дом.

Дневник

Мне приснился сон. Непримечательный по содержанию — досадное продолжение кэсинковского дня, — он был уникален в другом: в нем не прозвучало ни единого слова по-русски. Мне приснился сон на английском языке! Я давно замечал, что начинаю думать на английском. Мысли рождаются такими сразу, минуя стадию перевода. В голове не укладывалось, что можно думать на чужом языке. А теперь я сам имел этот навык. В общем, разговаривал я вполне свободно, если нужного слова не было в моем словаре, я автоматически сооружал объезд из трех других, и это не вызывало заминки.

В русском я тоже упражняюсь. В домике Рикардо живут дети выходцев из России — Саша и Андрей. Я пробовал заговорить с ними, хотел узнать, владеют ли они родным языком. Кое-как они еще понимали, но говорить уже совершенно не могли. Кстати, фамилия Питера, молчаливого парня в милитаристском прикиде, который живет у нас, оказалась Левкин. Но он говорит, что не русский. Я сказал, что русскими могли быть его предки, он ответил, что ничего об этом не знает.

Нью-Йорк

Ура! Ура! Ура! Мы едем в Нью-Йорк!

Путь предстоял неблизкий, и мы выехали еще до завтрака. Подкрепиться было решено по дороге, на выезде из Футтауна, в тамошнем придорожном кафе. Заодно обсудить все. Кафе было именно таким, какими их показывают в американских фильмах: места для посетителей располагались вдоль длинной застекленной стены, к каждому столику придвинуто по два массивных красных кожаных дивана. По другую сторону прохода тянулась длинная черная стойка с вращающимися круглыми табуретками для посетителей-одиночек.

Единственная официантка в розовом платье с белым фартуком, со скругленным воротником и оторочкой рукавов, приблизилась к нашему столику с кофейником в руке и предложила кофе, пока мы делаем заказ.

Меню заведения не баловало разнообразием — стандартный набор блюд для завтрака по-американски. Я остановился на омлете с беконом и стакане апельсинового сока — ровно то, что предлагала и лагерная кухня в утренние часы. Заказы быстро приготовили и подали.

— Итак, — сказал Ник, размежевывая яичницу рифленым лезвием ножа, — машины оставим в Нью-Джерси: туда проще добраться (будет меньше пробок) и парковка обойдется дешевле. А до Нью-Йорка доедем на электричке. И там нам придется разделиться. Майк с девочками хотят погулять по магазинам, но вам, — взмахом ножа он обвел меня, Этьена и Долорес, — я думаю, будут интересны достопримечательности. Брюс и я собираемся сделать по ним небольшой тур. Вы с нами?

— Да, — кивнули мы.

Дальше Ник изложил план, в тумане слов вспыхивали яркие огни: Эмпайр Стэйт билдинг, статуя Свободы, Тайм-сквер...

— А обедать будем в Маленькой Италии, — заключил он и заручился единогласным одобрением плана.

Через час, проделав главную часть пути, мы остановились на пропускном пункте, как и все проезжающие автомобили. Я не сразу сообразил, в чем дело, но ребята попросили у меня полтора бакса, и я догадался — мы въехали на участок платной дороги. Качество асфальтового полотна было таким, что впору демонстрировать первый закон Ньютона. Прошел еще примерно час, и мы въехали в городок под названием Хобокен. Было безлюдно. Казалось, гигант сосед высосал жизнь из своего малогабаритного придатка. Однако Хобокен не навевал ощущения упадка и не выглядел убогим, всеми забытым местом. Здесь было много зеленых насаждений, красивые дома, в основном пятиэтажные, со спокойными, серыми стенами под природный камень, с трехгранными эркерами и зигзагами пожарных лестниц. Опрятность нарушали только выставленные за окна кондиционеры.

Мы оставили машины на одной из парковок недалеко от береговой линии и узкой улочкой жилого квартала пошли вперед. Между домами то проблескивала, то скрывалась зеркальная поверхность воды. Был ветер, и пахло соленой водой. Ветер дул в спину, как бы подгоняя скорее узнать, что там, впереди, за приятной тревогой ожидания. Вскоре мы вышли к Гудзону. Водная гладь бурлила от юрких, стремительных катерков. Суденышки расходились в разные стороны, как листья в осенней луже, придавленные внезапным ветром. А вдаль, в дымке, виднелись графитовыми стерженьками небоскребы Нью-Йорка.

Через Гудзон мы переправлялись паромом. Отстояли небольшую очередь, поднялись на открытую часть верхней палубы, раздался глухой протяжный звук, заработал мотор, и паром начал неторопливо отчаливать, взметая в воздух колючую водную пыль. Палуба легонько качалась.

Собравшаяся публика делилась на две группы: туристы и те, для кого Нью-Йорк давно был в порядке вещей. Первые выстраивались вдоль бортов и жадно вытягивали шеи, наперебой ахали и указывали друг другу, куда смотреть, вторые, не поднимаясь со своих мест, потягивали остывший кофе или содовую, жевали хот-доги и ленивым взглядом обводили оккупировавших палубу людей.

Небоскребы вдаль крупнели, гипнотически притягивая взгляд. Чем ближе становились они, тем меньше казались мы сами. И когда мы стали совсем букашки, паром причалил. Затихли винты, но глухой рокот продолжал доноситься, и воздух дрожал. Я задрал голову — вверху, в опаловой синеве неба, роились вертолеты. Стайка частных вертолетов, насупившись, сновала туда-сюда.

Мы сошли на берег, на край неизведанной суши — на Манхэттен. Здесь было по-прежнему немногочисленно, и дороги казались проложенными с неоправданным размахом для редко проезжающих машин. А может, все дело в том, что уже разгар рабочего дня и многие заняли свое место в сотах? Ведь плотная нью-йоркская застройка караулила уже здесь: небоскребы жались друг к другу, а между ними, протискиваясь, пытаясь пробиться к свету, росли их новые и новые собратья. Хлопки вертолетных лопастей затерялись среди тархтения отбойных молотков, невероятные башенные краны уходили вверх, теряясь в облаках, где крановщики за день давали точный прогноз на дождь.

На подступах к метро становилось все многочисленнее, у самого входа толпа густела и сплошным потоком вливалась внутрь. Нью-йоркский subway проигрывал московской подземке. Станции невыразительные, изрядно обшарпанные, метро было самым дешевым способом перемещения по городу, для самых небогатых людей, вот и все.

Но вагон электрички по комфорту и технической оснащенности от московского не отличался ничем. Пассажиров было немного, в основном чернокожие, латиноамериканцы и индусы. Только в противоположном конце сидела компания из пяти светловолосых, длинноволосых, миловидных девиц. В Америке много красивых девушек и женщин: они притягательно смеются с экранов телевизоров, с рекламных плакатов, с глянцевых страниц, но куда они все деваются, когда просто идешь по улице, — большой вопрос. Я прислушался, моя догадка подтвердилась: они говорили по-русски.

Вагон быстро заполнился. И когда мы подъехали к своей станции, метро, как захлебывающийся лавой вулкан, выплюнуло нас в бушующую на поверхности стихию жизни. Гудели машины, наперебой сигналя, полицейские свистели, откуда-то доносился вой сирен, люди, вжавшись ушами в сотовые телефоны, трудились перекричать творящееся вокруг. И реклама — она пылала повсюду, как корь, которую подцепил город. Толпа, принявшая нас, не спрашивая, кто мы и откуда, несла куда-то вперед. В сутолоке я даже не уловил момент, когда от нас отделились девчонки и Майк.

— А? — лишь успел я произнести на секунду обернувшемуся Нику и озабоченно указал в сторону их компании, растворяющейся в толпе.

— Мы встретимся в ресторане, — ответил Ник невозмутимо, и его уверенность успокоила меня.

Не знаю, какими путями, по каким ориентирам, но довольно быстро мы очутились у подножия Эмпайр Стэйт билдинг. Эти три слова были выведены на вывеске (довольно невзрачной), выплывшей из-за углов. Цементно-желтая стена телескопической конструкции устремлялась вверх, но каждым ярусом нависала над головой все ниже. Это высочайшее во всем Нью-Йорке здание отсюда виделось лишенным в оформлении каких бы то ни было изысков, не было в нем европейского стремления к изяществу, было американское — сделать выше всех. То есть немыслимая, непостижимая высота строения снизу и казалась его единственным достоянием. Мы прицепились к хвосту небольшой очереди на входе и начали ждать.

В холле Эмпайр Стэйт билдинг нас подстерегал неприятный сюрприз: относительно узкая лента очереди снаружи теперь значительно расширялась, закручиваясь в турбулентный вихрь. Все помещение было запружено людьми, которые топтались на месте и почти не двигались вперед, и я подумал, что здесь на сегодня и закончится наш Нью-Йорк.

Но мы все-таки доползли до дверей лифта, а уж он лихо домчал нас до вожаемого восьмидесятого этажа. Несмотря на внушительную высоту, выход на смотровую площадку не был преодолением себя. По всему периметру стояло основательное ограждение, не вызывающее сомнений. Туристы все до одного обратились в страстных фоторепортеров, жаждущих отщелкать пространство со всех сторон. Но хоть Нью-Йорк лежал здесь как на ладони, в нем не было контраста и ярких цветов — весь город был окутан одним тяжелым, бесконечным облаком смога, остовы зданий плыли в пепельной мгле. Фотографии выходили такими, будто их снимали через толстое, закопченное стекло. Разве что парки, несмотря на кажущуюся бескомпромиссность нью-йоркской застройки, клубились пышной зеленой листвой, как трава, пробившаяся из асфальта.

Стоя на краю площадки, я слушал тревожный голос улиц, доносящийся и сюда: визгливые крики автомобильных клаксонов, пронзительные завывания сирен. Сами автомобили превратились в несерьезные, сувенирные модельки. Все небоскребы: и тупо- и остроконечные, увенчанные как шпилями, так и некими подобиями куполов, и белые, и серые, и желтые, и кирпично-оранжевые, и угольно-черные, круглые, прямоугольные, треугольные в сечении, ровные и с ярусами разной ширины, — все они, несмотря на разнообразие форм и незаурядные архитектурские воплощения, укла-

дывались во вполне определенную картину, которую являл собой Нью-Йорк, — металлическая стружка, вставшая на дыбы под действием колоссальной магнитной силы, стягивающей сюда со всего света деньги и души.

Время пребывания на смотровой площадке было неограниченным — заплатил двенадцать баксов и глазей, сколько хочешь. Но пятнадцати-двадцати минут вполне достаточно. К тому же постоянно подтягивались новые туристы, и надолго занимать места с хорошим обзором было неудобно. Возбужденные любопытством наступали, теряющие интерес отходили назад. Все наши собрались в последней линии. Ник озабоченно посматривал на часы — мы не укладывались в график.

— Боюсь, что на статую Свободы мы будем смотреть издалека, — сказал он.

Так и получилось. Едва мы достигли южной оконечности Манхэттена, как позвонила Джина и сказала, что они будут в ресторане уже через полчаса. Наше путешествие к статуе Свободы промелькнуло как эпизод немого кино: мы вышли на берег, сбивчиво потоптались, всматриваясь куда-то вдаль, каждый поочередно кивнул в подтверждение того, что увидел женщину в патиновой накидке, а после мы дружно засемили прочь.

В Маленькую Италию шли пешком, штопали быстрые шаги через Манхэттен. Сворачивали в закоулки, где текла неожиданно размеренная, вполне различимая повседневная нью-йоркская жизнь. Вот женщина за что-то отчитывает своего сына, опустившего виноватый взгляд, вот молодая девушка заезжает в кафе в инвалидном кресле, на соседней улице люди в униформе разгружают почтовый фургон, перегородив тротуар. На перекрестке неряшливый чернокожий торгует солнечными очками и футболками «I Love NY», он хрипло, грубо, отталкиваяще надрывается и агрессивно машет руками. От такой коммерции хочется если не перейти на другую сторону, то добавить шаг, чтобы как можно быстрее проскользнуть мимо. Еще через дорогу мужчина в фартуке, испачканном кетчупом и горчицей, предлагает купить хот-доги в его прицепе, оборудованном под передвижную кухню. Воздух — вязкий, влажный, он с трудом втягивается в легкие. Из люков в асфальте прямо в ноги прохожих бьет пар. Таким же паром обдает из зарешеченных окошек, выходящих на улицу с цокольных этажей. Пахнет едой, помоями, горячим асфальтом и выхлопами машин.

О чайнатауне возвестили буддийские пагоды, золотые драконы, дома с затейливыми прогнутыми крышами, исписанные иероглифами вывески. На одной из них фотография старой китайки с круглым, морщинистым лицом и распущенными седыми волосами, надпись на английском гласит: «Салон красоты „У Лили“». Но английского все меньше. Мы попали на рынок, где ценники были исключительно по-китайски. Здесь солнце, пробившееся сквозь пещерную тьму нью-йоркских сталагмитов, беспрепятственно заглядывало в лотки: в оцинкованных коробках навалены клешни крабов, креветки, моллюски, осьминоги и разнообразные рыбешки, сверкающие безжизненными глазами. Тягучий нью-йоркский воздух еще больше густел, впитывая в себя тошнотворный смрад разложения. Но покупателей решительно ничто не отталкивало — бойкие продавцы, худощавые, с сухими лицами, только успевали расфасовывать товар по пакетам.

Район Маленькой Италии примыкал к китайскому кварталу, но по масштабу уступал ему во много раз. Это была узкая улочка с магазинами одежды, развешенной на бельевых шнурах, растянутых между окон, и несколькими ресторанчиками в итальянском стиле. У одного из них мы увидели наших девчонок. У них живые, бодрые лица, как будто они только что прошли оздоровительные процедуры, в руках пакеты: Масу'с, Мехх, Н&М...

Мы зашли в ресторан, там было сумрачно, в канделябрах плясали тусклые огни электрических свечей, по залу ходили официанты в белых рубашках и черных фарту-

ках, с носами, вторящими апеннинским склонам. Нас встретили при входе и проводили к свободному столу, скатерть в полумраке казалась ослепительно-белой.

Пробегаая взглядом по меню со сплошь итальянскими названиями, я остановился на одном из немногих знакомых и заказал пиццу с курицей. Пять тонких ломтиков куриной грудки были с педантично выверенным интервалом разложены на неожиданно толстом кругляше и посыпаны горсткой сыра. За свой уже не обед, но еще не ужин я отдал двенадцать долларов и доллар сверху на чай. Пресловутая любовь американцев к фастфуду — пожалуй, единственный стереотип, которому мне до сих пор не довелось найти подтверждения.

На улице ребята посетовали на быстро наступающий вечер. Мы прошлись по Бродвею. Тайм-сквер горел мириадами огней, и уносящиеся ввысь небоскребы были увешаны ими до самых макушек. Горели неоновые лампы на стенах, вывески магазинов, бежали бегущие строки, ядовито вспыхивали телеэкраны. Вокруг кишели люди, теперь еще больше людей — они стягивались сюда, как на световое шоу, более эффектное к ночи. И туристы — в шортах, футболках, брезентовых жилетах, с высокими тубусами-рюкзаками, — и все больше ньюйоркцев, которые устремлялись на площадь из своих квартир. Мужчины в элегантных костюмах, женщины в вечерних платьях, на шпильках, с прическами и макияжем — этим людям важно, что и как на них сидит. Как будто небожители спустились на землю из своих апартаментов на стодесятых этажах. Российские девушки — первые красавицы, это бесспорно, но Нью-Йорк имел статус всемирного конкурса красоты: сюда съехались участницы со всех уголков планеты. Скуластые и с тонкими лицами, с азиатским разрезом глаз, или с большими, круглыми глазами, или с большими европейскими глазами, но на том же скуластом азиатском лице.

Тут же гуляли нищие, забулдыги, люди, которым было совершенно все равно, как и во что прятать свое тело. Самый разношерстный контингент. Люди на костылях или с гипсом на шее, те, кому скорее следовало бы обратиться в травмпункт, — даже их затыгивало в эту бешеную воронку.

Я видел мужчину в шубе, с толстой золотой цепью, парня в ошейнике и красных колготках, один появился перед нами в пижаме и спальных тапочках, он вывалился из дверей какого-то подъезда и долго шел впереди, бесцеремонно почесывая зад. Казалось, сумасшедший был здесь явлением более привычным, чем нормальный. С приближением ночи Нью-Йорк потихоньку лишался рассудка, и обилие полицейских машин повсюду выглядело весьма уместным.

После всего этого очнуться в метро было все равно что спрятаться от погони в укромном месте, тут было тихо, спокойно. Обратившись в Хобокен мы добирались на электричке. Вагон был совсем пустой, и многие из нас, усевшись в кресла с мягкой обивкой, сразу уснули. А я размышлял о том, каким останется в моей памяти этот город. Мешанина всего на свете, сумятица, суэта, сутолока, и смрад, и смог. Что еще? Невомоверное богатство, вывернутое наизнанку колючим шиком. Я еще не знал, что скоро вернусь сюда и возвращение оставит новый, неугаданный отпечаток.

Когда мы пришли на парковку, не обнаружили своих машин.

— Ничего не понимаю, — сказал Ник, нервно почесывая лоб, — мы ведь оставляли машины здесь, верно?

— Э-э-э, — Джина оглянулась по сторонам, — вообще-то, мне кажется, наша парковка была немного дальше. Видишь тот катер? Он был с другой стороны.

Ник хлопнул себя по лбу.

— А ведь и вправду! Мы шли с той стороны! Черт, а я уж перепугался. Идемте скорее!

Машин не нашлось ни на второй парковке, ни на третьей, ни на четвертой. Так получилось, что из всех нас никто не запомнил, где именно мы бросили автомобили.

И изнемогая от усталости, буквально валясь с ног, мы обшаривали бесчисленные парковки, мало чем отличающиеся одна от другой. Мы были обессилены, голодны, раздражены, но никого, кроме себя, винить не могли. Никто не говорил, но все думали, все мысленно считали, сколько остается поспать до утра. Наконец на очередной парковке, где наших автомобилей не оказалось, Сара сказала:

— Я сдаюсь, я не могу больше идти...

Она легла на широкую плитку, обрамлявшую край клумбы, и закрыла глаза. Тут же ее примеру последовали Рут с Майком. Этьен опустился на тротуар, прислонившись к каменной кладке. Нью-Йорк измотал нас, обморочил, обвел, победил...

— Не знаю, — сказал Ник, на лбу его алели неровные полосы, — не знаю, что делать, у кого-нибудь есть идеи?

— Ребята, — сказала Джина, усаживаясь на бордюр, — может, мы просто позвоним в полицию?

— Ты думаешь, они смогут помочь? — спросил Ник.

— Мы должны попробовать, — ответила Джина, — кажется, у нас нет другого выбора.

Полицейские Нью-Джерси сработали оперативно, как будто только и ждали случая проявить свою молниеносность. Через минуту они подъехали и забрали Ника и Джину. А еще через пять Ник и Джина вернулись на своих авто.

— Запрыгивайте! — скомандовал Ник, улыбаясь из окна, и зазывно поддавил педаль газа.

Мы расселись и помчались прочь.

Дорога была почти свободной, и Ник спешил. Только на встрече, несмотря на поздний час, по-прежнему копились авто. Их процессия растянулась в ночи карнавальным китайским драконом. В салоне все, кроме нас с Ником, спали. Я видел в зеркале его воспаленные, сонные глаза. Я вспомнил рассказы Джона, что на дорогах близ «Склона Кэсинка» аварии редкость, но они случались. В основном с водителями-британцами из других лагерей, которые, изрядно поддав, садились за руль и начинали ездить, как на родине — по левой стороне дороги.

Ник не был британцем, но он, как и мы, хронически недосыпал, а уснуть за рулем, когда все попутчики уже в отключке, — проще простого. Мне показалось, что Ник неоправданно резко набрал скорость, потом так же неоправданно сбросил газ. Я вскинул голову, посмотрел в лобовое стекло и заорал:

— А-а-а-а-а!

— Какого черта? — перепугались ребята. — Что произошло? — Они мгновенно проснулись.

Ник захохотал:

— Хватит дрыхнуть! Вы только что проспали мост!

8 июля

Вот и подходит к концу первая смена. Впрочем, завтра у нас никто не уезжает, наоборот — нас ждет пополнение. Меня это не пугает, так как из тех, кто уже здесь, только один оказался сложным, а все остальные — дети как дети, правда, орут постоянно. И я бы лучше работал по вечерам, чем таскаться с ними по всяким мероприятиям.

Вчера была дискотека. Но я сидел в домике и присматривал за Левкиным, потому что его не пустили — он как раз был наказан. Вечером предыдущего дня его с подружкой засек патруль, они хотели заняться чем-то нехорошим в лесу.

Ему было грустно торчать в домике вместо того, чтобы отрываться на вечеринке.

— Да, — пытался сочувствовать я, — девчонки вечно создают нам неприятности...

Над Левкиным сжалились, пришел Ллойд и сказал:

— Можешь идти, если обещаешь вести себя хорошо.

Так и мы приобщились к танцам в спортзале. Там зажигала парочка приезжих диджеев, судя по всему, далеко не топовых, но детей это волновало мало. Время от времени один из диджеев бросал в зал футболки с контактными данными гастролеров. Пригнувшись, танцпол прочесывал Саша.

— Что ты тут делаешь? — остановил я его, когда он оказался поблизости.

— Смотри! — радостно встряхнул он сжатую в руках кипу. — У меня уже семь штук!

— Что ты будешь с ними делать?

— Пока не знаю, но наберу побольше!

Все-таки менталитет — серьезная штука....

Сегодня утром детей навещали родители. Приятной неожиданностью стало то, что они могли отблагодарить нас чаевыми. Предки Джошуа оставили целых двадцать баксов. Забавно — родители ребенка, который доставляет меньше всего хлопот, дали самые большие чаевые. Родители Ричи не оставили ни цента. Едва они уехали, их отпрыск сотворил немыслимое. Подбежал к кровати Томаша, мирно читавшего книгу, снял штаны и водрузил на постель свое хозяйство.

За это он схлопотал наказание — комендантский час, Томашу тоже вклеили двадцатиминутный штраф, потому что от такой неожиданности он заговорил матом. А как еще тут заговоришь?

Долорес позавчера звонила домой, и мама сказала ей, что если Долорес хочет вернуться, пусть приезжает. А девчонки из Кореи спрашивали ее, есть ли в Футтауне отели. Они хотят жить в человеческих условиях и приезжать в лагерь только работать. Будет забавно, если они поселятся в Футтауне и будут отдавать за отель больше, чем зарабатывать за день. Пусть Кларки задумаются, сделают какой-нибудь вывод.

У меня теперь вообще ни на что времени нет. Не помню, когда последний раз общался с Линой. Скучаю...

9 июля

Выдалась свободная минутка. Разрешили посидеть в домике — познакомиться с новыми детьми. Я сразу за дневник.

Немного о Джоне Кларке. Джон купил этот лагерь, отслужив семнадцать лет в армии — типичный американский путь. Поначалу я относился к нему неплохо, но это потому, что не разобрался в нем сразу. Все больше убеждаюсь, что принципы «Склона Кэсинка», которые так истово проповедует мистер Кларк, для него самого совсем не догма.

Поначалу он проявлял ко мне чуть ли не отеческую заботу, но теперь-то я знаю, что он заботился не обо мне, а о моем настроении, точнее, о том, как мое настроение отразится на живущих со мной детишках, чьи родители принесут ему горстку долларов, которые мистер Кларк копит. На них он и его семья снова смогут сгонять во Флориду зимой, половить марлинов.

Не знаю, кто виноват — армия или лагерь, но с нервами у Джона полный бардак. Наoret на детей за какую-нибудь провинность, потом осознает, что наделал, подходит и заискивающе подмигивает, как идиот. Я уверен, Джон ненавидит лагерь. А утренние улыбки и как будто хорошее настроение — все это преодоление себя, часть его работы. Он как американское яблоко — снаружи сияет, а внутри — пресное уныние. Американцы чокнутые, они обязаны сиять во что бы то ни стало. Но за завтраком Джон сидит хмурый, обводит зал злым, недовольным взглядом. Ллойд, сидящий рядом, выглядит заспанно и устало, лицо у него растерянное и немного виноватое. Яблоко от яблони — это не про них. Джон каждый день встает в пять утра и делает пробежку. Представить, чтобы этим занимался Ллойд, просто невозможно. По ночам он смотрит футбол, а утром всегда опаздывает. Он выскакивает из дома в последнюю минуту и несется в столовую по склону кратчайшей дорогой, ошалело мотая головой, как медведь-шатун, выстрелом поднятый из берлоги.

Я слышал, дети называют Джона «маленький деспот». У них талант давать меткие клички. Джон создал здесь маленькое тоталитарное общество — все должны нести

позитив, улыбаться. Иначе ты неугоден. И неугодные есть, а если нет, их нужно найти, в каждой ячейке. Среди вожатых нашли Этьена, у нас в домике — Ларри, в maintenance Макс пожаловался Ллойду, что Крис плохо работает. Макс даже собирался провести с Крисом воспитательную работу, но тот сказал на его потуги:

— Макс, черт возьми, о чем ты вообще говоришь? Ты прикалываешься или как?

И Макс заткнулся.

На днях у Колина, мальчишки из нашего дома, случился срыв. Он ни с того ни с сего начал выносить из домика свои вещи и бросать их с крыльца прямо на дорогу.

Мы пытались остановить его, спрашивали, что случилось, но он нас не слышал. С остекленевшими глазами заходил в дом, брал новую охапку вещей, возвращался на крыльцо и бросал вниз, абсолютно не реагируя на наши призывы остановить. Внешне он был абсолютно спокоен, только бормотал все время: родители меня не любят, я никому не нужен, иначе они не бросили бы меня здесь, родители меня не любят... — как заклинило!

На следующий день вызвали его отца, и он забрал сына домой.

У мальчишки были проблемы с головой, его ждали большие неприятности в жизни.

А Джон сказал:

— Мы здесь ни при чем, его сестра прекрасно себя чувствует среди нас. «Склон Кэсинка» ни при чем.

Он не поленился и подошел к каждому, чтобы это сказать.

Кто на новенького?

Новые детишки приехали. И это сущий кошмар. К одному Ричи добавились еще несколько. Теперь всяческая ругань и медицинские термины доносятся со всех сторон, не требуя повода и места. Алекс и Скотт продолжают разговаривать с ними на одном языке, думая, что снимают барьеры, на самом деле они уничтожают еще один запрет для этих и без того чрезмерно распоясавшихся юнцов.

В первый вечер они сидели в своей половине и, собрав ребятню вокруг себя, вели с ними свойскую беседу, я слышал, как Скотт сам вставлял словечки типа penis, vagina, сопровождавшиеся взрывами детского смеха. И Алекс ему вторил. А теперь эти сопляки разговаривают с нами как с ровней — в них нет ни капли уважения к нам, ни мизерной толики. Их всего четверо: Ричи, Грант, Билли и Ронни, но мы не справляемся с ними. Сверстников, которые тише их, они гнобят. Мы должны противодействовать этому — но как? Похоже, этого не знает даже Скотт. Самое скверное, что остальные мало-помалу заражаются дурным примером: пакостничают, бранятся, перечат по любому поводу.

Мы сидели в столовой. Мы опоздали на завтрак на десять минут, потому что искали плеер Хавьера. Очень дорогой плеер. Мы не могли его найти, пока Скотт не предложил вызвать полицию. Грант сознался, что это он спрятал плеер. Ему влепили curfew cut, но, кажется, это никак не уменьшило удовольствия, полученного им от совершенной проделки. Его тонкие, ленточные губы извивались в самодовольной ухмылке, прыщавый, низкорослый и худой, он ходил вразвалочку, деловито сложив руки на груди и задрав нос, упиваясь своим карликовым величием.

Мы сидели в столовой. И плакаты кругом, и пестрые флажки, и ленты больше не добавляли красок — все это было атрибутикой флажковой охоты, праздничная мишура вокруг западни, а детские кричалки сливались в ритуальные песнопения туземцев, поджаривающих на медленном огне.

— Ричи, сходи за соком! — сказал Скотт.

— С чего это я? — заупрямился пухлощекий.

- Ты последний, кто его наливал.
- Ну и что, пусть идет Томаш, он сидит с краю.
- Я не пойду! — взбунтовался Томаш. — Я вообще его не пью!

Ларри демонстративно встал со своего места, схватил пустой кувшин и сам набрал сока.

Я сидел около Ларри, Алекс и Скотт напротив, ни вперемежку с детьми, как полагось, а рядом друг с другом. И дела нам не было до правил. Когда на корабле бунт, а у вас нет ружья, самое благоразумное затаиться и ждать, тихим заклинанием выпрашивать шторм, чтобы одно ненастье вышвырнуло за борт другое.

Накануне вечером к нам заглянул Ллойд, он уже несколько раз заходил и всегда с одной целью — вразумить наших придурков. Он говорил с ними, ссылаясь на политику «Склона Кэсинка», которая здесь и щит, и меч, и крест. Детки слушали как будто с пониманием, внимательно, прилежно.

— С тех пор, как вы здесь, — обратился он к ним, — я ни разу не видел, чтобы ваши вожатые улыбались.

Потом он ушел, и в домике опять воцарилась анархия. Его очередная миротворческая миссия закончилась ничем. Если бы уважение как-нибудь измерялось, цифра оставалась бы одна по любой шкале — ноль.

Впервые за долгое время я не жалел, что Лины нет рядом. Не хотел, чтобы она была частью всего этого.

У одного из наших парней — Рика — тихого, безобидного мальчишки, принимающего издевки товарищей с покорной улыбкой, поздно вечером случился эпилептический припадок. Он уже лежал в своей постели, когда это произошло. Дети загорланили, и я направился проверить, что там приключилось. Скотта не было в домике, к Рикку подбежали только я и Алекс. Рик лежал в своей постели и содрогался в конвульсиях, будто через него без продыху пропускали разряды электрического тока. На губах вскипала пена. Ничего подобного я прежде не видел, Алекс тоже, несколько секунд мы стояли в оцепенении, растерянно поглядывая то на Рика, то друг на друга. Но вскоре мы пробудились. Алекс присел и стал придерживать Рика за плечо, негромко повторяя его имя, я понесся к дому Ллойда, который находился ближе к boy's camp. У входной двери я остановился и позвонил в звонок. Ллойд не заставил себя долго ждать, не прошло и минуты, как он появился на крыльце, обрюзгший и усталый. Все происходило, как в дурмане, я объяснялся возбужденно и неясно, но Ллойд быстро пробуждался, приходил в себя. Сломая голову мы неслись в темноте, приминая траву размашистыми шагами.

С Риком все обошлось, вскоре он вернулся в сознание, и Ллойд повез его в больницу. А нас с Алексом вызвал Джон, чтобы мы рассказали ему в точности, как все произошло. Когда мы вернулись к себе в домик, Грант лежал на полу и, скорчившись, имитировал приступ падучей, остальные стояли вокруг него и хохотали. Ларри сидел на своей шконке в дальнем углу и никак не противодействовал этому. Он только хлопал себя по лбу и бубнил:

— Хватит так делать! Остановитесь! Господи... это же невозможно...

— Грант! — вдруг заорал Алекс. — Завтра ты не гуляешь вечером, все остальные — если через пять минут вы не окажетесь в постелях, я начну наказывать вас!

— Хе-хе-хе, черта с два, — сказал Грант, вставая, — если так будет продолжаться, я пойду к Кларкам и скажу, что за произвол вы творите. Я заплатил деньги не для того, чтобы сидеть в домике!

— Что? — спросил Алекс, сатанея. — Можешь начинать уже сейчас. Неужели ты не понимаешь: то, что ты делаешь, отвратительно!

Грант стоял напротив Алекса, кривясь в едкой ухмылке, он еще собирался что-то сказать, но подошел Билли — его тощий, длинный дружок с болезненными, полужакавившимися глазами:

— Да ладно, — проскулил он, — подумаешь. Пошли, Грант. Этот лагерь какой-то отстой.

— Иисус Христос, куда я вляпался, — и Грант развернулся, поплелся на свое место, напевая что-то гнусавым голоском под сдвинутый смех, доносящийся с коек.

Дни идут, но ничего не меняется, эти дети неуправляемы. Они давно положили на штрафы, а на правила и просьбы тем более. Я каждый раз хватаюсь за голову, когда моя дневная смена подходит к концу. Работа в maintenance стала отдыхом по сравнению с происходящим в домике — там творится настоящий бедлам. Ларри совсем сломался. Он отстранился от всего. Он не занимается детьми, не разговаривает с нами. Едва попав в дом, он ложится на свою кровать, с головой укрывается одеялом и не вылезает из своей капсулы до самого утра. Он изолировался от происходящего вокруг. Я могу понять Ларри и не осуждаю его, но во мне нет и сочувствия — мы все в одной лодке, и если один перестает грести, другим приходится еще хуже. Его помощь нужна сейчас, как никогда, если все мы просто закроем глаза — что начнется? Вразумить этих детей невозможно.

Кикер команды

Весь день слипаются глаза, а ночью не могу уснуть. Каждый день борюсь с отвращением к этому лагерю, каждое новое утро. Санитаризация по-прежнему убивает меня. Как я устал. Все кажется бессмысленным и невыносимым. Когда вспоминаю о том, что еще шесть недель, прихожу в отчаяние и чувствую полный упадок сил, чувствую, что меня не хватит. Стараюсь не думать об этом, но не получается.

Kitchen Staff — те немногие, с кем приятно общаться, чувствуешь себя самим собой. Жаль, что они полностью заняты днем, а мы вечером. Но мы с Рикардо заходим к ним, когда есть возможность. Там всегда кипит работа: готовится еда или моется посуда. Но мы задираем девчонок, дразним, хотим, чтобы они отвлеклись. И они отвлекаются. Они недовольны, но так, для виду, мы-то знаем — они рады, когда мы приходим.

Только сегодня все получилось по-другому. Они сухо поздоровались, когда мы заглянули, не мелькнуло ни одной улыбки. Они были угрюмые, даже повара, обычно оживленные, ходили как в воду опущенные. Мы сразу поняли — что-то не так.

— Что случилось?

Все молчали и не поднимали глаз. Только Миша вышел с нами в зал и рассказал, как все было.

Во время предобеденной сервировки кто-то поставил соус для рыбы на стойку с салатами. Джон, зашедший в столовую по своей собачьей повадке всюду совать нос, заметил это и громко спросил:

— Кто это сделал?

Никто не отвечал, но Долорес подошла, чтобы исправить ошибку. Джон подошел к ней сзади и пнул. Со всей силы. Со всей своей тупой солдатской дури. Миша сказал, что он быстро одумался, осознал всю дикость своего поступка и попробовал перевести в шутку, но все, в том числе и повара, видели, что секунду назад он был в гневе, он совсем не шутил.

— Он даже не извинился, — сказал Миша, — даже не извинился.

Чудовищно, чудовищно, чудовищно. Кем же они себя возомнили?

С Джоном не здороваюсь и не разговариваю. Думаю, он догоняет, что я его ненавижу. Больше всего хочется отвесить ему хорошего пинка под задницу и спросить: ну как — нравится? Мистер Я Люблю Детей, мистер Я Делаю Это Только Ради Детей. Все ложь, все, только деньги. И жена точь-в-точь такая же, и дочь, и сыну приходится. Их детишек, как известно, и пальцем тронуть нельзя, несмотря на то, что хорошая взбучка для многих — последний шанс поставить на путь исправления этих заблудших баранов. А мы? Получается, что с нами можно делать все что угодно? Долорес сказала, что, несмотря на случившееся, она остается, она пробудет здесь до конца назло всему. Что ж, это ее выбор.

Сегодня с Мишей бродили вдоль озера. Рассуждали о никчемности этого лета. Ему тоже осточертело все.

— Мы просто сгнем здесь до конца лагеря, — сказал он.

Я согласился. Вдруг он спросил:

— Валим отсюда?

— Ага, — усмехнулся я.

— Я серьезно.

Я посмотрел на него:

— На следующей неделе, — сказал он спокойно.

— Хорошо, — так же спокойно ответил я.

Это, конечно, смахивало на фантазию, как будто мы просто выдаем желаемое за действительное. Но мы вдруг с большой увлеченностью, словно и вправду верим, стали обсуждать план. Выезжать будем из Футтауна. Я отправлюсь туда утром, когда у меня будет day-off, а Миша приедет вечером, как освободится. Многие вещи, конечно, придется оставить в лагере, чтобы не вызывать подозрений, и денег, заработанных со времени последней выплаты, мы не дождемся, но это мелочи, свобода дороже. Первое время перекантуемся в каком-нибудь хостеле. Найдем работу, нормальное жилье. Позже приедет Лина. Она, конечно, готова будет приехать хоть сразу, но я попрошу ее подождать, пока мы не устроимся.

Мы шли по берегу и примеряли на себя прелести вольной жизни, отдавшись порыву, воодушевленно нагромождая грезы. Вдруг начала резко меняться погода. Со стороны озера задул сильный ветер, и оно тотчас пошло рябью и налилось свинцом. Из-за леса надвигалась огромная туча, как будто неимоверная птица перед взлетом заволакивала все крылом. Зарядил дождь, и мы поспешили в домики, дорогой говорили по-русски, совершенно открыто и никого не боясь. Дождь разошелся не на шутку, запоздавшие дети в осевшей, налипшей на тело одежде торопливо разбегались кто куда. Вымокшие страусы растерянно глазели, будто не понимая — радоваться дождю или искать укрытия.

За свою жизнь мне не так часто приходилось навсегда покидать места, которым суждено оставить в памяти долгий след. Но мне уже было знакомо чувство, возникающее при этом, возникающее против воли, какое-то раннее предчувствие ностальгии, что-то сродни тоске, непонятной, неумной, неуловимой. Я смотрел на лагерь и не чувствовал ничего. Прощай, «Склон Кэсинка». Прощай, твою мать.

Великий Дождь

Дождь ожесточенно барабанил по крыше. Серые нити плели бесконечную паутину вокруг домов, столбов, деревьев — все они были закутаны в тугие коконы дождя.

Дети сонными мухами облепили крыльца своих домов и, подперев руками подбородки, всматривались в колышающуюся пелену. Прекрасные постные мины.

Сегодня третий день, как дождь льет не переставая. В первый день исчез Интернет, на второй в лагере пропали электричество и вода, сегодня эвакуировали жителей Футтауна (его затопило, есть жертвы), и никто не берется сказать, что будет дальше. Джон ходит с поникшим видом, воплощение отчаяния и бессилия.

— Я ничего не могу с этим сделать, — твердит он, — ничего не могу с этим сделать...

Струи стекают по лоснящимся волосам, отчетливая плешь проявляется на макушке. Еще бы, мистер Кларк, ты ведь не можешь приказать дождю остановиться?!

— Я не могу приказать дождю остановиться... — вторит он, как будто слышит наши мысли.

Но они борются, бьются еще как. Ллойд целыми днями ездит на тракторе и подсыпает к обочинам гравий, мы тянем из него валы вдоль дорог, где нет гравия — роем траншеи, делаем все, чтобы обуздать воду, загнать ее в русло. Но траншеи быстро обваливаются, насыпи размываются, вода прорывает дороги. И мы все начинаем по новой, мокрые с ног до головы. Работа на кухне по-прежнему кипит, и день и ночь возле столовой тарахтят генераторы, обеспечивая электричеством холодильники и электроплиты. Новых продуктов давно не подвозят, но и старые запасы не истощились до сих пор. Пюре теперь такое же растворимое, как сок. А сок разбавлен до безвкусной жидкости, практически лишенной цвета. Кожа на яблоках по-прежнему блестит, но мякоть под ней стала рыхлой и ржавой, персики покрываются плесенью, так и не созрев. Но главное, еда есть, и голодать никому не приходится.

В кранах нет воды, но у каждого умывальника мы расставили гель для санации, которым можно помыть руки. В туалетные бачки мы в высоких ведрах завозим воду с озера, которое так поднялось, что там, где раньше был обрывистый берег, теперь пологий, медленно утопающий склон.

Лагерь держится, но насколько его хватит?

Мы с Рикардо стояли на берегу. Джон смотрел в ту сторону, откуда пришло ненастье.

— Боюсь, — сказал он, — что если это не закончится, мне придется закрыть лагерь... Закрыть лагерь? Закрыть лагерь. Закрыть лагерь!

Мы с Рикардо бегали по залитой траве. Мы набирали полные ведра воды и окатывали друг друга. Просто ради шутки, ведь все равно промокли до нитки, никакие капюшоны, штормовки, сапоги нас не спасали... Мы смеялись, мы были почти счастливы, у нас появилась надежда, что лагерь закроют. Кто-то там наверху услышал нас и все устроил. Теперь не нужно усложнять себе жизнь, скоро все наладится само собой. «Склон Кэсинка», капитулирую!

Мы спускаемся по дороге, мы идем в столовую, еще чуть-чуть, и мы нырнем в это серое, прожорливое лагерное брюхо. Сегодня с самого утра светит солнце, и с неба не упало ни капли. Солнце отражается на лице Джона. Такой он и стоит у дверей — торжественный, ясный:

— Доброе, доброе утро! Дай пять! Эй, рад вас всех видеть! — и расплывается в улыбку. На этот раз вполне искренней.

Лагерь не закроют, увы. И теперь я знаю, как все будет дальше. Никакого океана, Нью-Йорка, даже Футтауна в evening off. Он закрыт на месяц — не выехать, не въехать. И нам никак не выбраться отсюда. Мы застряли в этой трясине.

Получил от Лины письмо. Интернета нет, электричество на ладан дышит, Футтаун закрыт, но американская почта работает как часы. Надо же.

И все-таки

Я краем глаза косился на незнакомца. Он крепко держал руль, лоскуты клетчатой рубашки, порванной в манжетах, болтались от ветра дефлекторов. Вентилятор работал в полную силу, но мое лицо горело.

— Так откуда вы? — спросил незнакомец, не отрывая взгляда от дороги.

— Мы-ы, — начал я и почувствовал, что дыхание все еще не восстановилось, — мы из Нью-Йорка...

— Ха-ха, — мужчина рассмеялся во весь рот, обнажив свой неполный комплект зубов, — хорошенький у вас акцент для ньюйоркцев!

— Нет, — сказал я и сам усмехнулся своим словам, — мы, конечно, не из самого Нью-Йорка, мы... мы из России, — я затылком чувствовал, с каким напряжением слушает нас Миша на заднем сиденье. — Просто у нас каникулы. Мы студенты и прилетели в США попутешествовать. Но так как испытываем некоторые стеснения в средствах, отъезжаем от Нью-Йорка не слишком далеко, ездим по городам штата: Монитселло, Итака, Сиракузы, вы знаете...

— Так вы из России? — спросил он, будто не услышав все остальное. — Как же вы оказались в Футтауне?

— Ну, мы слышали, что там случилось настоящее наводнение, все эти фотографии в Интернете, вы знаете, вот мы и решили — почему нет? Такое точно увидишь нечасто.

— Да, — сказал незнакомец, — случился небывалый потоп. Вас, молодежь, вечно тянет туда, откуда бы лучше делать ноги.

— Кх, — сухо поперхнулся Миша.

— Я сам не из Футтауна, я живу за шоссе, — продолжил мужчина, — но я видел, что там было в пик наводнения: первые этажи домов затоплены, а машины... — он ладонью разрезал воздух над головой, — видны только крыши. Такого не было на моей памяти. Теперь город закрыт, приходится ездить в Биргемтон, если нужно что-то купить.

— Но мы не знали, что автобусы до Футтауна не ходят. Мы добрались до Биргемтона, мы проделали большой путь и решили продолжить его на попутках. Мы стали ловить машины, но почти никто не останавливался, а из тех, кто согласился нас подвезти, никто не ехал до самого Футтауна, они вставали на трассе и говорили: вот и все, дальше нам не по пути. А последний раз мы так и не смогли поймать машину, наверное, в течение целого часа — на нас только удивленно таращились, но никто не тормозил. В конце концов мы поняли, что рискуем встретить ночь на дороге, и затопились назад. На наше счастье, вы остановились, если б не вы... даже не знаю, пришлось бы проситься к кому-нибудь на ночлег.

— Да-а, это большой риск, то, что вы затеяли. Автостоп запрещен в этом штате — это преступление. Думаю, именно поэтому было не так много желающих вас подбросить. Если, скажем, сейчас я отвезу вас в полицейский участок, там вам будут очень рады. Ха-ха-ха!

— Ха-ха, — сдавленно подхватили мы.

— Да, — продолжал незнакомец, — если б вы были опасными преступниками или беглецами, за которых обещано вознаграждение, я бы, пожалуй, так и сделал. Но... вы уверены, что вас никто не ищет? Ха-ха.

— Думаю, нет, — сказал я.

— Тогда все отлично.

Я посмотрел на часы, встроенные в приборную панель, они показывали половину одиннадцатого, это сбilo меня с толку, я сверился по наручным часам: все в по-

рядке — семнадцать сорок пять. Если все сложится удачно, успеем в Биргемтон до семи, сядем на автобус и уже ночью будем в Нью-Йорке. Не могу поверить, что мы все-таки удрали из лагеря, сон какой-то!

...Мы с Мишей гуляли по берегу озера и ничем не привлекали внимания остальных. Достигнув леса, мы так же спокойно в него свернули, там отыскивали тайник с нашими вещами, который устроили kitchen staff и Рикардо, схватили рюкзаки и тут уж бросились наутек, перепрыгивая папоротники и сваленные деревья. Под ногами хрустели ветки, в воздухе шумело тяжелое дыхание. Мы неслись со всех ног, как от погоны: нужно было убежать как можно дальше, насколько хватит сил. Мы останавливались, чтобы отдышаться, и смеялись, чтобы рассеять волнение и страх. При каждой остановке мне казалось, что кто-нибудь из нас пойдет на попятный, скажет: «Ну все, повеселились, и хватит, давай возвращаться».

Но мы оба молчали. Мы преодолели столько километров, сколько смогли, вышли на шоссе и, изобразив улыбки, стали ловить машину. Вскоре остановили этот пикап, который ехал в Биргемтон.

Интересно, когда нас хватят? Меня потеряют в одиннадцать, когда после evening off я не вернусь в домик. Сначала подумают, что я задерживаюсь, и дадут мне еще час. И если к двенадцати в домике все уснут, тогда наши поиски отложат до утра, но это вряд ли. В реальности они пойдут к Кларкам, те разбудят Рикардо, выяснится, что Миши тоже нет. Они начнут беспокоиться, они спросят Рикардо, не знает ли он, что могло стрястись.

«Не знаю», — ответит тот.

Но на этом его миссия не закончится, ему предстоит опередить момент, когда появятся первые предложения звонить по девять-один-один. Рикардо скажет:

«Посмотрите, что я нашел вместо их документов — тут записка!»

Записка

Дорогие друзья, коллеги, директора лагеря. Это мы — Миша и Андрей. Если наши расчеты верны, теперь, когда вы читаете это письмо, мы находимся на борту самолета, следующего прямоком в Вашингтон. Обстоятельства вынудили нас покинуть лагерь, мы просим не винить нас за это и не беспокоиться за нас. Чтобы развеять ваши сомнения, мы в скором времени напишем Бекке e-mail. Просим извинения за свой поступок. Главное, что мы хотели бы сказать — мы стали жертвами обстоятельств, «Склон Кэсинка» тут совершенно ни при чем. До свидания!

Что будет дальше? Не знаю. Они начнут шерстить Биргемтон, они все-таки поднимут на ноги полицейских и нас попытаются найти. Скорее всего, начнут с вокзалов. К этому моменту надо во что бы то ни стало успеть смотаться в Нью-Йорк, там нас почти наверняка не сцапают. Позорное возвращение в объятия семейства Кларков — хуже этого ничего нельзя представить. Нет, надо прорываться в Нью-Йорк любыми силами.

Наш проводник, хоть ему было не по пути, доставил нас до самого вокзала и еще долго напутствовал никогда не ловить автомобили и пожелал удачи. Следом посоветовал искать чудес не в городках штата, а в местах его дивной природы: парки, горы, озера.

На вокзальной стене под стекло был вложен белый лист бумаги, где, отпечатанные мелким шрифтом, терялись названия городов, время отправления и номера рейсов. Я вглядывался в серую сетку, но никак не мог разобрать ее закон. К счастью, Миша сориентировался. Он приложил палец к помутневшему стеклу, провел осторожную кривую.

— Вот это наш рейс. Ближайший.

Через несколько минут мы сидели в автобусе и увлеченно просматривали киноленту, крутившуюся в окнах. Дурман свободы, сдерживаемый нами до сих пор, теперь ударил в голову — мы без умолку тараторили, горланили и смеялись, вспоминали лагерь, и все, что происходило там, теперь казалось таким далеким, как будто было уже с кем-то другим, но не с нами.

— Нет уж, — в голос повторяли мы, — пусть мистер Кларк ищет себе других дураков, новых дураков!

Усталость наступила резко, я привалился к стеклу и уснул.

Заваливаясь в хостел, чтобы в восемь утра уйти, казалось расточительным и глупым. В конце концов, вокруг нас город, который никогда не спит. Заманчиво добратся до Тайм-сквер, слиться с толпой полуночников и провести эту ночь среди шума и вспышек. Мы были уверены, что свежее, необычное вокруг нас поможет превозмочь усталость и сон. Торопиться теперь было незачем, и мы пошли пешком. Купили по хот-догу в лавке дородного араба и на ходу перекусили. У нас была карта, и выбрать правильное направление не представляло труда. Только благодаря карте мы поняли, что сама площадь — мизерная, а муравейник толпы и густая иллюминация открываются на далеких подступах. Туристы, навьюченные сумками и рюкзаками, казалось, исходили из тех же соображений, что и мы: зачем платить тридцать баксов за ночлег, если можно провести ночь, гуляя по Нью-Йорку, любуясь световым шоу?

Мириады негаснущих огней разноцветно пылали. Электрические кресала высекли из небоскребов снопы искр. И что-то тлело. Воздух клубился вдоль улиц влажный и дымный. Наш расчет на то, что мы, изголодавшиеся по новизне, проведем ночь в Нью-Йорке почти не моргая, не оправдался. Круговерть светомузыки была созвучна карусели событий, в воронке которых тонул этот день. Картинка вокруг мутнела, голову занимали вопросы неустроенности, проблемы. Воздух душил, ноги слабели. Миша то и дело протирает руками глаза.

— Давай уйдем отсюда? — предложил он.

Я кивнул. Мы пошли в сторону Центрального парка по Седьмой авеню. Трудно сказать, добрались мы до него или нет, но достигнув первых насаждений, не сверяясь с картой, углубились внутрь, чтобы затеряться в кустах деревьев. Нашли скамейки и, убедившись, что поблизости нет ни потенциальных грабителей, ни полицейских и хотя бы на ближайшее время нам ничего не грозит, расселись на них. Я обхватил руками рюкзак, положил на него голову и без мыслей уснул.

Брайтон

Потом настало утро. Провело по щеке неприветливой холодной ладонью. Я открыл глаза. За ветвями деревьев светило раздавленное солнце. Рядом слышались голоса: жаворонки-ньюйоркцы выпорхнули на пробежку. Я вспотел и замерз. Озноб пробирал до зубной дробы. Я встал и потянул руки.

— Миша.

Молчание.

— Миша.

— У, — отозвался он утробным звуком.

— Вставай, — я шатнул его.

Он бурчал, отнекивался. Но в конце концов расшевелился. Сначала ослепевшим, потом безумным взглядом окинул парк, потом неразборчиво забормотал, словно заново обретая дар речи:

- Что, как... сколько, сколько, который час?
- Семь тридцать.
- Сейчас? — Миша посмотрел на часы. — Точно... зачем так рано?
- Пойдем, — сказал я, — надо успеть позавтракать.

Опаздывать было нельзя. И мы сонно зашаркали по дороге. Проезжая часть оставалась влажной от уборки ночных машин. Сновали расторопные кэбы. Редкие прохожие держали в руках картонные стаканы и, несмотря на неблагозвучную надпись — *coffeemocha*, с наркотическим наслаждением прихлебывали утренний напиток. Из-за поднимающихся степен тянуло то сладким запахом пончиков, то жареных котлет и разогретых сосисок. В желудке подсасывало, голод становился сильнее. Предательски накрапывала мысль о завтраке в «Склоне Кэсинка», сытном, бесплатном. Лагерь действительно стал нам тюрьмой, раз мы оба сбежали оттуда. С моей историей все было ясно. Но сбежал и Миша, хотя он изначально лучше меня представлял, куда едет. Не разлучался с любимой, не искал денег, потому что в России работал барменом и в удачный месяц срывал куш, превосходящий кэсинковскую зарплату. Но лагерь стал нестерпимым местом и для него.

Высокий араб в длиннополой рубашке вышел из ларька и поставил на дощечку, идущую вдоль окна, высокую чашу, с верхом заполненную связками бананов. Рядом закрепил надпись — бесплатные бананы при покупке кофе.

— Извините, — обратились мы, — можно брать сколько угодно бананов при покупке единственного кофе?

Он оглядел нас, губы сочувственно шевельнулись:

— Yes.

Мы сгребли мелочь, на один стаканчик хватило. Забрали его и вытянули связку фруктов:

— Спасибо.

Позавтракали, заторопились. Так ободряюще подействовал не кофе. Бодрости придали стрелки часов, которые далеко убежали. Мы в спешке отыскивали станцию метро, нью-йоркского метро, где сам черт ногу сломит. Мы тревожно вглядывались в карту метрополитена, затерянную среди обоев рекламы, и сличали ее с названиями станций, мелькающих за стеклом. На «Howard Beach» пересели в аэроэкспресс. Состав был полупустой и после вагонов метро выглядел празднично, современно. Миша снова заснул, а у меня никак не получалось. Вагон гудел и мчался, но мы, кажется, не успевали. Я погрузился в странное состояние. Как будто плыл, плыл под водой, в груди было тесно, но вынырнуть я не мог. И время куталось вокруг меня, медленное, тугое. Когда мне удавалось выбраться, наступал страх от мысли, что она, может быть, уже там, уже ждет, а меня все еще нет рядом... Я ослабил браслет и закрутил часы по запястью.

Из ворот постоянно выходили люди. Кто-то неуверенно переминался, кто-то решительной походкой устремлялся ловить кэб, кого-то встречали знакомые. Она стояла в стороне от всего этого. В розовой футболке с вырезом от плеч, узких прямых джинсах, кроссовках. Она крепко сжимала ручку чемодана и строгим взглядом разрезала веретено юлящих вокруг людей. Волновались длинные черные волосы... Она совсем не изменилась.

Она заметила меня, и ничего не стало, только я и она, она и я. Она тихо улыbnулась, часто заморгала, закрыла ладонями глаза. Вся ее неприступность, строгость вдруг улетучились. Она была мягкой и беззащитной. Я бежал к ней, тикали обжигающие холодом секунды. Чемодан рухнул, я не успел поймать его. Я неловко, торопливо обхватил Лину, притянул к себе, поцеловал в теплые губы. Потом она прижалась к моей груди, уткнув лицо, я крепко обнял ее и чувствовал, как громко она дышит. Она вздрог-

нула, еще, еще... Я обнял сильнее, чтобы она поняла: теперь все кончено, теперь все кончено и все началось сначала, теперь мы вместе навсегда, теперь мы — одно и все остальное неважно. Она выплакивала невысказанное, я гладил ее по спине, узнавая изгибы, заново сверяя удары сердца. Плечи поднялись. Замерли. Медленно опустились.

— Привет, — она выдохнула и подняла глаза.

Я улыбнулся.

Миша стоял в нескольких шагах от нас.

— Это Миша, — кивнул я в его сторону.

— Привет.

— Извини, — Лина провела пальцами по уголкам глаз.

— Да ничего, — сказал Миша, засовывая руки в карманы.

— Ты голодна? — спросил я.

— Нет. Нас кормили в самолете.

— Хорошо. Нам нужно торопиться.

Я поднял чемодан. Он весил тонну. Как же ты с ним справлялась? Я сильная. Я знаю.

Свободной рукой я взял ее руку. Мы шли быстро. Лина сказала, что не устала. Брайтон был на самой окраине. Можно передохнуть в дороге. Пока придется так — отдыхать, спать урывками, когда подвернется возможность.

В вагоне было свободно и тихо, прогуливался зыбкий ветерок, набирал силу у новых станций, но потом снова успокаивался, оседал. Миша устроился на сиденье сзади и быстро задремал.

— ...Так что у нас нет не только работы, но и жилья, — рисовал я.

— Это ничего. Это ведь ненадолго.

— Конечно. Просто, может быть, тебе стоило чуть-чуть подождать?

— Я больше не могла там...

— Да, — ответил я, — да... но как тебе удалось уехать вместе с чемоданом? Неужели никто не поинтересовался, куда ты собралась и зачем тебе столько вещей?

— Нет, никто. Никому не было до нас дела.

— Возможно, это и неплохо.

— Возможно. Мне все равно.

Она положила голову на мое плечо. Я поцеловал ее волосы. Вскоре она уснула. Я чувствовал ее тепло, успокаивающее мою душу. Она рядом, и больше ничего мне не нужно.

На подъезде к очередной станции около нас остановился парень. Пригнулся, негромко спросил:

— Вы из России?

— Да.

— Work'n'travel?

— Почти. Мы первый день в Нью-Йорке. Едем на Брайтон.

— Зачем?

— Хотим найти работу.

— В середине лета? — он удивился. — В этом году с работой туго. Вторую вообще не найти, а на первой даже по восемь часов в день не выходит. Нас пятеро живет, и у всех так. То ли работы мало, то ли нас слишком много.

— А ты кем работаешь?

— Мувер.

— Кто?

— Грузчик.

Поезд затормозил. Парень оглянулся.

— О, мне пора, — сказал он, отпуская поручень.

— И много выходит?

— Восемь долларов в час плюс чаевые. Удачи!

— Счастливо.

— На проезде, кстати, экономить не советую, штрафы — капец! В церквах иногда бесплатно кормят, — крикнул он уже из дверей и вышел.

Я оглянулся, чтобы понять, слышал ли разговор Миша. Он полулежал в кресле. Я подумал, он спит, но, не открывая глаз, Миша пробурчал:

— Нужно было спросить, сколько они за жилье платят.

— Да, — ответил я, — надо было.

Вскоре мы прибыли на Брайтон, зеркальный осколок родины на чужом побережье. На тамошней станции не было ни эскалатора, ни пандуса, платформа располагалась на эстакаде, я спускал чемодан в руках по довольно крутым лестницам. Уличные тротуары обрамлял бордюр, и даже в месте пересечения с проезжей частью не было съездов — удобства, к которому я успел привыкнуть.

Я долго искал шанс, чтобы будто невзначай удивить Лину своим английским. Но в магазине, куда мы зашли, случая не представилось. Мы говорили с продавцом по-русски, даже в купленной газете не было ни единого английского слова. Пока все действительно напоминало Россию. Разве что расплатились долларами, а не рублями.

Едва мы вышли и сделали несколько шагов, прицеливаясь к мелкому шрифту, с нами поравнялся незнакомец:

— Добрый день.

Мы отвлеклись. Невысокий, пожилой, небритый, взмокший, хотя жары не было, в расстегнутой клетчатой рубаше поверх белой майки, в белой, накинута на голову тряпочке с узелками по четырем сторонам, он вез на двухколесной тележке набитую продуктами авоську, ручки которой были накинута на тонкую металлическую рукоять.

— Ищите жилье? — поинтересовался он, лукаво закругляя буквы, в чем угадывался патентованный одесский говор.

— Да.

Он цепко, но быстро осмотрел нас.

— Вас только трое или есть еще?

— Трое.

— И всем негде жить?

— Негде.

Он понимающе покачал головой:

— Могу разместить к себе. Стоить будет тридцать долларов за ночь.

— Это с человека? — удивился Миша.

— Конечно.

— И много ли у вас постояльцев? — усмехнулся я.

Он, будто не угадав иронии, дал отчет:

— Сейчас живут два англичанина. Так они всем довольны! Я вообще не хотел никого больше брать, но раз вам так надо...

Миша принял деловую стойку и взялся за торг. Однако никакого торга не вышло. Старик от цены не отступал. Он сдавал всего лишь два койко-места в комнате. Лине предложил раскладушку в коридоре. Лина крепко потянула мою руку (я не хочу). Я ответно сжал ее ладонь (ты не будешь).

— За эти деньги можно снять жилье в центре! — негодовал Миша.

— Если не жалеете обувь, так ищите дешевле. Я себя грабить не собираюсь, — он повел носом и демонстративно тронулся вперед.

Миша сделал за ним шаг:

— Но подождите... Нам нужно подумать, если что — куда подходить?

Миша достал из рюкзака блокнот, мужчина продиктовал адрес.

Этот человек был неприятен. Я хотел поскорее с ним разминуться и немного раздражался тому, что Миша продолжает разговор. Мне было ясно — у нас не получится договориться. Впрочем, Миша тянул в другую сторону. Он пробовал больше разузнать про Брайтон: куда нам можно податься и, вообще, есть ли здесь перспективы. Но старик не был настроен давать справки, он сказал:

— Думайте, дешевле все равно не найдете, — и зашагал дальше.

— Живет на отшибе, а дерет как за Манхэттен, — глядя вслед, сказал Миша.

— Видит, что мы с чемоданом и деваться некуда, вот и взвинтил цену.

— Да, — кивнул Миша, — но плюс в другом: не успели приехать, а предложения уже посыпались!

— Ну да, — согласился я, — да.

В двух шагах от магазина с газетами находился салон крупной американской компании сотовой связи, где мы в складчину купили самый дешевый телефон. Мы торопились найти место, где можно было бы устроиться и заняться наконец делами — удобное, тихое место. Вдруг за одним из углов квартал кончился, и все до горизонта застилал океан. Беспредельный, завораживающий, волнующийся, спокойный. Мы пошли на его звуки. В небе спорили чайки, шумел прибой, покачивал влажный воздух. Широкий песчаный язык берега отгораживался от воды дощатым настилом с частыми скамьями.

— Думаю, — сказал Миша, вглядываясь, — лучшего места мы не отыщем.

— Точно.

Скамейки пустовали, кроме одной. На ней сидел дед в трикотажных шортах и белой панаме. Загорал голым и дряблым торсом. На коленях кассетный магнитофон. Звучала «Катюша». «Катюша» сквозь крики чаек. Чуть поодаль лежал, свернувшись, большой пес. Он поднял косматую голову, обнюхал ветер, секунду задержал на нас взгляд и безразлично опустился обратно. Справа оставались многоэтажные кирпичные дома, в изножье одного из них ресторан с летней верандой, лишенной любого движения. Над карнизом — название, большие серебристые буквы советского шрифта.

Мы разместились на одной из скамеек. Очередной порыв ветра едва не вырвал газету из моих рук. Лина ахнула, я поймал листы, расправил, разгладил. Мы побежали. Глазами — по строчкам, пальцами — по кнопкам телефона. Побежали, чтобы быстро понять: Нью-Йорк нас не ждет. Всю работу, на которую могли бы согнуться мы, кто-то давно разобрал. Кроме ого, никого не интересовали люди с рабочей визой, открытой на столь короткий период. Ни втроем, ни вдвоем, ни поодиночке.

Из ресторана слышались голоса, туда стекались первые посетители.

— Ладно, — Миша вздохнул, — пойду до магазина. Куплю поесть.

Он встал и тихо побрел, сбивая песок с деревянных настилов. Мы остались вдвоем. Мы смотрели на океан и молчали. Чайки зависали в воздухе, долго выслеживали рыбу в неровной воде, падали вниз, но у поднывших волн терялись, приходили в смятение, ветер подхватывал их и бросал из стороны в сторону. Они с криком вырывались и устремлялись обратно в высоту.

— С работой пока ничего не выходит, — сказал я.

— Может быть, для начала подыскать жилье?

— Я тоже об этом думал.

— Здравствуйте, — позади нас раздался голос.

Мы обернулись и увидели рослую женщину. Она стояла, уткнув руки в налитые бока, в униформе с белым воротничком, в белом фартуке с рюшем.

— Здравствуйте, — поздоровались мы.

— А я работаю-работаю, гляжу: ребята сидят... Вы откуда тут сидите?

Скрывать нам было нечего, под аккомпанемент ее вздохов мы выложили все: кто знает — может быть, эта встреча станет для нас судьбоносной?

— И вам совсем негде жить? — женщина с умиленным сочувствием посмотрела на Лину.

— Да, — сказал я, — пока негде.

— Ох, мне это знакомо... Я ведь и сама так... Я сама с Дону, как Союз распался, житья не стало, приехала сюда с ребятенком на руках — ни денег, ни жилья, ни знакомых... Работы — никакой, дни идут, по-английски не понимаю, думала, сгинем. Но устроились, слава богу. Сейчас уж дочка большая, получила образование, ищут с друзьями студию — делать бизнес. Так что не переживайте — устроитесь, тут все устраиваются. Поначалу тяжело. Как-то первый месяц перетерпеть, а там полегче пойдет...

Мы с Линой в горькой ухмылке переглянулись — нет у нас этого месяца. Нету.

— Ну вот что, — резко сказала женщина, — пишите-ка адрес. С работой не могу, но жилье. Есть тут мужчина, он раньше сдавал, вы к нему ходите, спросите. Есть у вас ручка?

Лина достала из сумки карманный блокнот, ручку, и продиктованные буквы плавно улеглись на бумаге.

— Ну все, я побежала, а то потеряют, — озираясь, хлопотливо произнесла женщина. И заспешила назад в ресторан легкой, пытающейся порхать через песок походкой.

Вскоре вернулся Миша. Принес большую газировку, батончики, пакет чипсов. Вид у него был измученный. Мы поспешили поделиться с ним новой надеждой. Он взглянул на трепетный листок.

— Знакомый адрес, — сказал он без всякого оживления.

Мы все поняли. Но уныние овладело нами позже, когда мы обзвонили все номера из газеты. С жильем нас тоже ждало разочарование. Газету наводняли объявления, неактуальные уже давно, или предложения людей, заинтересованных лишь в долгосрочной аренде, кто-то требовал полную предоплату — очень подозрительные люди. И все было дорого, даже вдвоем мы бы не потянули. Минуты на телефоне таяли, а мы не сдвинулись с места. Было наивно думать, что за один день нам удастся решить все вопросы.

Ветер усиливался, унося от нас последнее приглушенное тепло солнца. На досках появилась тень. Покачиваясь из стороны в сторону, она медленно выползала из-за наших спин. Вдруг от нее отделилась и поднялась тонкая полоса — тень занесла руку.

Мы синхронно оглянулись — смуглый мужчина провел ладонью по вороним волосам.

— А я смотрю, вид из окна изменился, — сказал он и блеснул глазами. Весь в черном, как близнец своей тени, в сатиновой рубаше, навощенных туфлях, какой-то лоснящийся, смазанный со всех сторон, скользкий. — Добрый вечер!

— Здравствуйте.

— Вы откуда?

Мы представились, избегая лишних деталей.

Душевная улыбка посетила его лицо:

— Ну что ж, добро пожаловать в наше маленькое русское комьюнити! Я — Игорь. Так вы чего такие кислые, а?

После некоторых сомнений мы признались в своей растерянности и опасениях, что следующее ее имя — безысходность.

— Чего? — почти рассмеялся он. — Вы серьезно? Оглянитесь по сторонам! Видите ресторан? Хозяин ресторана — русский. Там дальше — русские магазины. Вон

даже менты — и те русские. Все — русские. И со всеми можно договориться. Вы были в ресторане?

— Нет.

— Пф-ф-ф, — разочарованно выдул он. — Под лежащий камень вода не течет!

— Им работники не нужны... нам сказали.

— Надо поговорить с ментами! — он шагнул, мы настороженно подтянулись. — Впрочем, — он остановился, — лучше я позвоню кое-кому.

Мы смотрели на него. Кучерявые, какие-то чужие волосы, сам смуглый, будто не славянин, но назвался просто — Игорь, хотя к имени своему не клеился совершенно. Но опять же, говорит без акцента...

Он разложил в руке телефон, пальцы пересчитали кнопки, отошел в сторонку. Возвратившись, сообщил, что ничего не вышло, но отчаиваться не стоит. Надо звонить и звонить. Терпение и труд, сами знаете... И так несколько раз. Мы сидели, смотрели, ждали. Он возвращался, но мучил нас безызвестностью. Сейчас, сейчас, подождите. И набирал новый номер. В перерывах между звонками убедительно, энергично рассказывал, что нужно пробиваться по жизни. Обхаживал нас полукругами, иногда назидательно вскидывал палец. Между делом сетуя, что тратит время, хотя в последние дни увяз в делах — бизнес прет в гору! Меня не покидало ощущение, что он прокручивает в голове свои переговоры — шла потаенная мыслительная работа, что-то наклеивалось, но он держал это в тайне. Миновал час. Звонил он, перезванивали ему. Наконец он заявил:

— Ну все, вас двоих я, считайте, пристроил, девочке тоже что-нибудь подыщем.

— Куда? — поразились мы.

— Пойдете на стройку, от Нью-Йорка недалеко, транспорт каждый день туда-обратно бесплатный — все в ажуре. Так что до завтра расход, ждите звонка. Кстати, номер говорите.

Миша продиктовал Игорю наш номер, тот сделал звонок.

— Есть?

— Ага.

— Ну, значит, все, — сказал Игорь, — а за жилье не переживайте, сегодня где-нибудь перекантуетесь, а потом и этот трабл порешаем. Ну так как — согласны? — И он обвел нас ожидающим взглядом.

— Да, — проронил Миша, — конечно.

— Ну, тогда все — до завтра! — Он еще раз нас осмотрел, улыбнулся и ушел, легкий, счастливый.

Только его тень, казалось, все еще мельтешила, крутилась, не сбавляя обороты.

— Ну что, — на тяжелом выдохе произнес Миша, — вроде бы налаживается?

— Угу, — согласились мы.

— Будем искать хостел?

Мы смотрели на океан и молчали.

— Идем? — повторил Миша.

— Идем, — ответили мы.

Мы направились к метро. Странно, для нас свершилось главное, что мы планировали на день: нам предложили работу, но ни один из нас, казалось, не испытывал удовлетворения. Я подбирал в голове слово: навязчивый, назойливый, подозрительный. Что-то было не так, что-то подсказывало: мы сильно рискуем.

— Стойте, — сказал я. Мы остановились. — Какой-то мутный тип. Тебе не кажется, что нас кинут? — спросил я Мишу. Он молчал. — Слишком уж рьяно он взялся налаживать нашу судьбу для занятого человека. При этом сам сказал, что никому на

Брайтоне верить нельзя. То есть он это имел в виду. Сказал, что под лежащий камень вода не бежит и все такое, а тут на тебе — все на блюдечке.

Я не был уверен, что мной руководит здравый смысл, а не нежелание расставаться с Линой даже на время работы. Я хотел сопоставить свои сомнения с тем, как все видится Мише. Если бы он что-то сказал в противовес, я бы не стал упорствовать, мы бы на все согласились. Но я видел, что мои слова выуживают из него схожие подозрения. Его неуверенность почти окончательно убедила меня в своей правоте. Вспомнились и набатом зазвучали предостережения Хаттимил: ни при каких обстоятельствах не связывайтесь с русскими!

— Разве вам этого не говорили?

— Говорили, но тогда зачем мы вообще сюда ездили? Получается, мы просто потеряли время.

— Не знаю, — сказал я, — я же говорю, если б все было чисто, мы бы остались, но этот тип — он действительно какой-то мутный. Даже если мы и вправду на него поработаем, где гарантия, что он нас не кинет потом? Надо постараться найти работу у американцев.

— И почему он каждый раз отходил, когда говорил по телефону? — спросила Лина.

— Уф, — Миша вздохнул, — и что делать? — усталый и злой, вконец истерзанный тем, что забрезжившая надежда опять рассеивается, как призрак.

— Я предлагаю ехать в Уэймут. К Вере.

— Ты же сам говорил, что там нет работы.

— Там близко Бостон, если не срастется в Уэймуте, попытаем удачи там. Телефон Игоря у нас, в конце концов, есть. Мы всегда можем попроситься обратно.

— Если он не пошлет нас куда подальше... А ты что думаешь, Лина?

— Давайте попробуем.

Bus Authority Terminal — вот куда мы отправились. Дорогой мы почти не говорили. Миша был раздражен, и мы не приставали к нему с лишними расспросами. Автобусы Нью-Йорк—Бостон ходили часто. Самые дешевые билеты были у компании Greyhound. Ими торговал китаец за одинокой конторкой посреди зала. Я спросил о скидке, раз покупаю сразу три билета. Он улыбнулся редкими зубами и заматал головой: н-е-е-т, у нас и так очень дешевые билеты. Я протянул деньги. Билеты больше напоминали рекламную брошюру. На одном из разворотов рассказывалось о преимуществах службы в вооруженных силах США, туда призывали вступить всех, у кого есть возможность. Мне вдруг явственно показалось, что Нью-Йорк — это не город предприимчивых и успешных. Это город больных и голодных, они из последних сил ползут сюда со всего света, чтобы урвать кусок, но в этой бесконечной возне готовы в конце концов удовлетвориться чем угодно. Этот город кишит такими, как мы, и, вместо того чтобы пополнять армию отчаявшихся, куда благоразумнее бежать отсюда как можно скорее.

Я позвонил Вере и, не дав ей опомниться, сказал, что мы выезжаем. В пути проведем большую часть ночи, а у них окажемся ранним утром.

— Понятно, — вздохнула она.

Уставшие пассажиры с оплывшими черными фигурами заняли места. Автобус тронулся, и вскоре мы оставили Нью-Йорк как еще одно воспоминание. Как же хотелось верить, что там, впереди, все будет хорошо, что самое плохое мы уже преодолели. Мы вместе, мы снова вместе. Все будет хорошо. Я посмотрел на Лину. Она кивнула несколько раз и уснула.

Вера

За ночь автобус один раз остановился, чтобы пассажиры размялись и сходили в туалет. На вокзале Бостона Миша не стал ничего придумывать, он просто поймал кэб и сказал: надо в Уэймут, сколько? Водителем был черный парень, верткий и нервический, он обозначил две цены: первая, которую, очевидно, накрутит счетчик, и вторая — за которую он довезет, если таксометр будет отключен. Разница была не критической, особенно если поделить на троих, но Миша, потворствуя явному желанию водителя, согласился на второй вариант. Старый кэб, с кузова которого давно сошел весь глянec, сначала вывез нас из Бостона, потом отделался от хвоста окраин и долго тащился по однообразному ночному шоссе.

— Видите? — поглядывал водитель на Мишу. — Видите? Тут довольно далеко, да?

Миша безразлично кивал.

В Уэймуте мы остановились у двухэтажного белого здания с горящей вывеской: Five High Motel. Водитель выбежал из машины и, пока мы выбирались из салона, торопливо достал из багажника чемодан. Миша расплатился.

— Спасибо, сэр, спасибо! — сказал водитель и, оглядываясь на нас, поспешил на свое место.

— Кажется, — сказал Миша, — переборщил с чаевыми.

Я набрал номер Веры, она быстро взяла трубку:

— Приехали?

— Да.

— Сейчас выйду.

Мы стояли у входа. Начиналось утро. На крыльце, под белой лампой, тускло разбавляющей сумрак, появилась Вера. Она вышла в халате, от прохлады обхватив локти руками. Лицо ее было напряженно-серьезным. Обычно пышные волосы стянуты назад. Веру я знал, кажется, с самого детства. Мы жили в одном доме, вместе пошли в школу, учились в параллели, но по-настоящему сблизились уже в старших классах — сошлись в общей компании, которая часто собиралась во дворе вечерами. Компания была веселой и большой. Настолько, что с наступлением холодов не нашлось квартир, способных вместить наш кагал. Все распалось, но мы с Верой продолжали общаться. И даже после школы, когда Вера с родителями переехали в другой район, созванивались, поздравляя друг друга с днем рождения или новым годом, встречались иногда, чаще случайно, чем по договоренности. Однако сколько бы ни прошло времени: месяц, полгода, год — при встрече всегда было ощущение, что мы виделись только вчера. Непринужденная легкость общения близких по духу людей создала между нами связь, благодаря которой мы незаметно и негласно перешли друг для друга в статус проверенных жизнью друзей — этот тесный круг, способный сформироваться лишь в юности, в период слепой открытости всему. Мы всегда были рады друг другу. Но рада ли она мне здесь и сейчас — я не был в этом уверен.

Вера улыбнулась и полупшепотом произнесла:

— Хозяева спят, поэтому тихо, заезд в двенадцать, не надо, чтобы вас видели раньше. Пока у нас переждете, чтобы не пришлось платить за сегодня.

Мы осторожно шагнули внутрь. Так же осторожно Вера заперла дверь.

— На ночь мы закрываемся, но если кто-то приезжает — есть звонок.

Не щелкая выключателями, крадучись, почти на ощупь мы преодолели шуршащую тишину холла, подъем лестницы, облегченно ступили на ровную поверхность этажа. Одинаковые двери номеров были плотно закрыты, не давая возможности определить

наличие или отсутствие постояльцев. И лишь одна в конце коридора, едва приотворенная, роняла на ковер робкий луч света. Мы просочились в комнату. Я осмотрелся. Номер был маленький, аккуратный.

— Это Ника,— сказала Вера.

На кровати лежала девушка. Прячась от света, она высоко подняла одеяло и отвернулась к стене. На полу был расстелен матрас, две подушки, одеяло.

— Ложитесь сюда, — сказала Вера и посмотрела на Мишу, — извини, но тебе могу предложить только кресло.

— Да ничего, — пробурчал Миша, сел на кресло и укрылся курткой.

— Скоро мы уйдем, — сказала Вера, тогда можешь лечь в кровать.

— И так нормально, — отозвался он.

— Если проснетесь раньше, чем придем на обед, можете телик посмотреть или возьмите ноутбук, чтоб нескучно было. Главное — из номера не показывайтесь, а то и у нас проблемы будут.

— Хорошо, — сказал я.

Вскоре мы все улеглись. Только очень быстро снова зажегся свет, осторожные шаги прокрались мимо. Вера и Ника засобирались на работу. Включенная вода в ванной, горячее гудение фена, приглушенные голоса, щелчки, звук захлопнутой входной двери.

Я прижал к себе Лину.

— Тише, — сказала она, — тише.

Свой угол

Было примерно десять, когда я встал и подошел к окну. Пейзаж снаружи был многословен: пустая дорога, гряда приземистых магазинов на небольшой возвышенности вдалеке, рекламный шест бензоколонки, скрытой за ней. Было солнечно. Солнце расплескалось по комнате. Я посмотрел на Лину. Веки ее слегка вздрагивали, предвещающая скорое пробуждение. На небольшом деревянном столике у простенка лежали три шоколадных батончика, несколько пакетиков чая и кофе, рядом караульным высился длинноносый чайник. Я старался не шуметь, но бурлящая вода, аромат кофе сделали свое дело. Лина сладко потянулась.

— Привет, — сказала она, еще шурясь, будто до конца не решив, действительно ли стоит просыпаться в эту минуту.

— Доброе утро, — ответил я.

— Кофе? — спросила она, приподнявшись.

Она была соблазнительна в своей нечаянной хрупкости, такая маняще беззащитная, затерявшаяся в легких складках одеяла. Я смотрел на нее счастливыми глазами и все же не мог не испытывать тоску, разлитую по телу уколами вины за то, что так бессмысленно, глупо, почти добровольно лишился ее на долгое время. Неужели и наши чувства должны были пройти проверку избитым мериллом: ничто нельзя ценить настоящему, ни разу не потеряв?

Миша зашевелился в кресле, как-то с трудом, словно по частям, извлекая себя из неудобной позы.

— Кофе еще есть?

— Есть, — ответил я.

— Отлично. Нога затекла...

Мы придвинули к кровати столик и расселись, заправляясь для нового дня кислотным, стягивающим пустоту желудка напитком.

— Что будем делать? — спросил Миша.

— Выходить нельзя, — напомнил я.

— Может быть, посмотрим фотки? — предложила Лина. — У меня есть с собой, а у вас?

— Да, на флешке, можно посмотреть.

Мы включили ноутбук Веры и смотрели фотографии из лагеря. На снимках дни, проведенные в «Склоне Кэсинка», не казались такими убогими и тусклыми, как в жизни. Я и Миша, сбежавшие оттуда, теперь с интересом просматривали хронику тех дней. Я так и не решился спросить у него, не жалеет ли, что бросил лагерь. Взамен он не обрел ничего, но потерял какую-никакую уверенность в завтрашнем дне, отдал свой легальный статус, раз и навсегда отрезав возможность вернуться в США в будущем. Но Лина проматывала снимки не спеша, внимательно рассматривала фотографии вожатых, детей, ее умиляли кэсинковские страусы. Потом Лина открыла свой чемодан, извлекла флешку.

— Вот.

Она встала позади меня и обхватила руками.

Кадры ее лета: она с девочками на улицах города, в магазинах, на природе... Магазины были огромными, сетевые супермаркеты, которых не видел Футтаун. Водопады и вообще виды природы были невероятно красивы, как будто их специально отснял и обработал профессиональный фотограф, трудно было поверить, что это все бесхитростно нащелкано на мыльницу. В насыщенной зелени распускаются красные бутоны, пики гор, уходящие вдаль, сначала темно-зеленые, потом сизые и в самом конце размытые, голубые. Серия водопадов.

— Там очень красиво, — сказал я ей.

— Только не в лагере, — ответила Лина, — да и Эшвилл — та еще дыра.

— Ты просто не бывала в Футтауне.

Постройки, которые я видел на фотографиях, находились в таком же запущенном состоянии, что и хибары «Кэсинка», разве что больше в несколько раз — настоящие бараки, сбитые из тонких досок разной длины, и пузырящиеся белыми шторами окна.

— Хорошо, что я уехала оттуда.

— Хорошо, что мы уехали.

Ровно в двенадцать вернулись Вера и Ника.

— Поздравляю, — сказала Вера с досадой, — утром нас заметили!

Девчонки были одеты в бордовую униформу. На нагрудных карманах выделялись вышивки из голубых нитей с названием мотеля и словом housekeeping (горничная).

— И что теперь? — спросил я.

— Ничего, я сказала, что сегодня вы снимите номер. Абдус не возражал, на ваше счастье, у нас не так много постояльцев.

— Абдус?

— Да, хозяин мотеля.

— И сколько стоит номер? — спросил Миша.

— Одиночный — двадцать долларов, двухместный — тридцать. Сейчас пустует половина мотеля, так что Абдус все-таки будет вам рад. Вы, вообще, надолго? Какие у вас планы?

— Не знаю, — ответил я.

— Смотря что тут с работой, — сказал Миша.

Вера пожала плечами:

— Абдусу работники точно не нужны. Он уже шутит, что если клиентов не прибьет в ближайшее время, ему придется снимать плату с нас. Я думаю, в других мотелях

ситуация такая же. Уэймут — маленький город, тут практически нет сезонного наплыва туристов. Мы с Никой вторую работу не нашли, но вы же будете искать на весь день — это ваш шанс. Прогуляйтесь по центру, иногда там висят объявления, может быть, вас возьмут в какой-нибудь ресторанчик, но не всех троих, конечно... Вы, наверное, голодны? Но у нас нет ничего. Нас кормят на кухне, а в номере ничего не приготавлишь. Принесем что-нибудь с обеда.

— Да ладно... сами где-нибудь перекусим, — сказал Миша.

В мотеле наступал час заселения, не стоило испытывать терпение Абдуса. Мы с Мишей вышли из номера. Лестница спускалась вниз вдоль белой стены, на которой висели фотографии в застекленных деревянных рамках. На первом этаже, на месте администратора, уткнувшись грудью в стойку, стоял Абдус. Это был невысокий мужчина с короткой шеей и большой, круглой головой с приплюснутым носом. Он что-то писал на листке бумаги и время от времени поглядывал по сторонам. Лоб, высокий и плоский, был укреплен частоколом черных волос. Заметив нас, Абдус накрыл ладонью лист бумаги, нахмурился и распрямился. Мы подошли к стойке. Абдус молчал. Мы пытались изобразить виноватые лица.

— Мы хотели бы снять номер, — начал я.

— Да, один двухместный и один одноместный, — подхватил Миша.

— I need your documents, — сказал Абдус с сильным акцентом.

Мы с Мишей выложили паспорта. Абдус стал внимательно изучать их, по-прежнему держа левую руку прижатой.

— О'кей, — сказал он, — фифта доллас.

И повернулся, чтобы достать ключи.

— Двадцать баксов, — сказал Миша, — немало.

— Зато не хостел, — напомнил я.

— И не Нью-Йорк, — возразил Миша.

— Вот, — Абдус звякнул ключами.

Я первый достал деньги и протянул Абдусу. Его левая машинально оторвалась от листа бумаги, и я увидел, что там написано: обросшее вензелями единственное слово — Индия. Абдус быстро скомкал листок и бросил в мусорную корзину.

Мы рассчитались, забрали ключи и отправились перетаскивать вещи. В П-образном узком коридоре нам с Мишей достались комнаты наискосок друг от друга, но в противоположном крыле от Веры и Ники. Едва мы с Линой успели осмотреться — овальный столик, постель, заправленная без единой складки, кресло, холодильник с астрономическими ценами мини-бара, — в дверь постучали. Я открыл. Миша.

— Может, в магазин? — со скупающим видом предложил он. — Надо бы поесть.

Я посмотрел на Лину.

— Сходите, — одобрила она, — я разберу вещи.

В магазине мы купили хлеб и колбасную нарезку на бутерброды, запаслись на вечер двумя упаковками пива. Дела заполнили время, и день быстро прошел. Вера и Ника вернулись с работы. Мы собрались у нас. Пили пиво, и каждый рассказывал о себе. Миша и я вспоминали ужасы из жизни в лагере семейки Кларков, девочки удивлялись:

— Ну и ну, как же так?!

Когда всплывали смешные моменты, они дружно смеялись:

— Вот это да!

Гости ушли, мы остались вдвоем. Черные волосы расплескались в закате подушки. И эта ночь снова не была временем сна.

Карта Уэймута

Когда мы спустились в фойе на завтрак, никого из постояльцев уже не было. Мы проснулись непростительно поздно для своего положения. Весь завтрак был бублик со сливочным маслом и кофе в неограниченном количестве. Но нужно отдать должное американскому бублику: он был увесистый и сытный, сначала его следовало разрезать пополам и обвести срез сливочным маслом, так что получался целый бутерброд. Завтрак подавался в небольшом закутке со столиком и диваном, устроенном по типу буфета, недалеко от администраторской стойки. Солнце, набравшись сил, бесцеремонно ввалилось в окна и шарило по всем углам. Абдус, как всегда, хмурился на рабочем месте. Я смотрел на нас его глазами и пытался озвучить мысли:

«Опять эти русские, которые полдня жили бесплатно. И куда в них лезет столько кофе?»

Лина смеялась. Было хорошо.

В фойе мы спустили ноутбук, потому как выяснилось, что бесплатный Интернет ловил только в небольшой зоне у входа. Миша прощупывал обстановку, вбив в поисковике что-то вроде «вакансии Уэймута». Заодно он рассылал e-mail всем знакомым, кто был в Америке, с просьбой помочь нам с работой и жильем. В помещении громко гудел кондиционер. На улице, судя по всему, установилась погода, благоприятная для долгой прогулки. Когда Миша сказал, что с объявлениями в Интернете тухляк, мы, закончив последнюю чашку кофе, вышли на улицу и направились в сторону центра. Заведения быстрого питания, пиццерии, кафе, кондитерские с пончиками, мафинами, бубликами, политыми шоколадом, медом, розовой глазурью... Мы входили в каждую дверь. Персонал всегда встречал нас: «Hi! Hello! How do you do?» Но и узнав истинные мотивы, которые мы излагали сбивчиво и слегка смущенно, не терял приветливого настроения. Ребята входили в наше положение и призадумывались, чем могут помочь. Молодые девушки и парни за кассами вежливо и с сожалением объясняли, что не наделены полномочиями нанимать людей, а старших сотрудников на местах никогда не было. Булочные и кафе с уютной теснотой залов не претендовали на внушительный штат. Зато в заведениях фастфуда, этих ресторанов-столовых, рассчитанных на неослабевающий поток, заветные листовки «hiring now» (требуются сотрудники) всегда встречали гостей, приклеенные к стеклам у входа. Для соискателей повсеместно были заготовлены application forms — унифицированные анкеты для резюме.

Мы прилежно исписывали бланки и отдавали ребятам.

— Thank you, — всегда говорили они, как будто это мы делали им одолжение.

На углах улиц мы сворачивали и по соседним возвращались обратно, чтобы ничего не пропустить. Application forms вселили в нас надежду и оптимизм. Их было так много, что волнение первых листков быстро развеялось, мы расписывали строчки спокойно, механически, веря — это наш шанс. Когда центр закончился, мы, потеряв счет заполненным анкетам, почувствовали резкую усталость, смешанную с приятной удовлетворенностью от проделанных трудов. Уже не было никаких сомнений, что именно среди этих ресторанчиков нам достанется долгожданное место. В конце концов, мы сделали все от нас зависящее, и дальше оставалось только ждать.

Давно прошло время обеда. Мы пошли назад. Город кончался. Застройка по бокам сужалась, дома редели, на выезде вдоль шоссе выстроились в два ряда однообразные невысокие здания — город цеплялся за пущенную стрелу дороги последними зубами мотелей. Среди которых и наш. Неприметный, белостенный, со скошенной синей крышей.

Мы прошли мимо. Преодолели подъем в гору, потом спустились, и весь Уэймут скрылся за спинами. Впереди виднелась одинокая заправка. Старый заправщик в из-

мятой, засаленной униформе и бейсболке с несколькими изломами козырька трясущейся рукой принял нашу записку и пообещал, что передаст ее боссу (сложил лист по ровным линиям и всунул в нагрудный карман). Мы двинулись дальше. На окраине города могут попасться ремонтные мастерские, продовольственные базы, какие-нибудь заводы. Но горизонт не обещал ничего. По обе стороны разверзалась пустыня, где посреди невысокой желтеющей травы торчали лишь сухие голые стебли. В небе светило бледное солнце. Дорога впереди таяла и извивалась. Пространства удваивались вширь и в длину, и каждый наш шаг становился короче. Обочина превратилась в песок. Ноги автоматически сворачивали на асфальт, но вылетавшие сзади автомобили сигналили в спину и делали резкую дугу. Хотелось развернуться и возвратиться в мотель, но нашим компасом было время, его стрелка гнала вперед. Этому должен был прийти конец, и вскоре он замаячил.

Перемахнув новую сопку, мы увидели затевающуюся стройку вдалеке. На обнесенную высокой рабицей территорию были завезены кучи песка, щебня, сложены стройматериалы. На бетонном фундаменте возвышались первые ряды стен, серьезная техника хищной осиною расцветки стояла наготове. Сустились рабочие в касках. Один из них, единственный, кого нам удалось застать за пределами забора, ростом дающий фору фонарному столбу, выслушал нас, редко моргая покрытыми строительной пылью ресницами (в известке спецовка, вспотевшее лицо), и залил округу гудронным басом:

— Том! То-о-м!

В ответ раздался недовольный, невидимый голос:

— Что?

— Здесь ребята хотят с тобой поговорить, — прокричал рабочий сквозь сложенные в рупор ладони.

— Иду.

Из-за сваленной кучи обломков выкарабкался невысокий человек, толстый и нахмуренный. Его живот, сильно выдающийся, казалось, никак не препятствовал низкой и быстрой походке, а напротив, обладая, видимо, напористым свойством, он как бы проталкивал хозяина вперед.

— Ну что тут? — спросил бригадир, приподняв каску и пробежавшись по нам щуплыми глазками.

— Мы из России, — сказал Миша, — у нас J-1 виза, с документами все в порядке, мы ищем работу...

Мужчина раздул щеки:

— Боюсь, ребята, я уже набрал команду...

— Но стройка такое дело, — вмешался я, — лишние руки никогда не помешают. Я работал на стройке вроде вашей, могу замешивать раствор, класть кирпичи, я имею в виду — могу делать все то же, что и эти ребята, нисколько не хуже...

Толстяк усмехнулся, коснулся взглядом рабочего, отыскивая поддержки своей усмешке, но тот оставался серьезен и молчалив.

— Мы могли бы работать, скажем, за восемь долларов в час, по десять или двенадцать часов в сутки, — продолжал я.

Он слушал с непроницаемым лицом, плотно сжав пересохшие губы, но в голове его явно гудело раздумье.

— Ладно, — сказал начальник, — вижу, вы действительно соскучились по делу. Оставьте мне визитку, и я, может быть, позвоню.

Миша торопливо выудил блокнот, расписался в нем и вырвал страницу.

— Ми-ша, — медленно перечитал толстяк.

— Да, это мое имя.

— О'кей, я понял.

— Как думаете, он позвонит? — спросила Лина, когда мы ушли со стройки.

— Конечно! — воскликнул Миша. — Видели, как у него глаза загорелись, когда Андрей сказал про восемь долларов в час? В Штатах за такую работу платят пятнадцать-двадцать!

— Пусть он вас возьмет, — сказала Лина.

— Было бы круто.

Мы поднялись с грунтового съезда обратно на шоссе. Мы были приободрены и легки — наконец-то назревало что-то позитивное. На обратном пути мы снова свернули на бензоколонку, поинтересоваться у заправщика, не навещался ли кто-нибудь из хозяев. Он нас не узнал.

— Что-о? — спросил старик, кисло причмокнув распухшими губами, и потянул все той же дрожащей рукой белый листок, торчащий из кармана. — Чудеса... Как он тут оказался?

Каким-то расстройством страдал весь Уэймут...

Миша бросает все

Льет дождь. Я стою на обочине дороги в своей водонепроницаемой синей штормовке. Мимо неспешно проезжают дорогие машины. Я ловлю недоумевающие взгляды женщин, сидящих за рулем. Впереди, через дорогу, за широким зеленым газоном ждет другой мир: продуктовые магазины с их манящим изобилием и квартал малоэтажных домов, где, как конфеты в коробке, живут обычные американцы своей размеренной американской жизнью. Мне нужно зайти в один из супермаркетов, купить чай и что-нибудь к чаю. Потом вернуться в мотель, где постепенно растворяются все наши деньги. Где мы будем смотреть в окно и кабельное телевидение. Еще я буду звонить домой.

Я долго стоял на обочине и не переходил дорогу. Я думал о том, как буду звонить родителям, как когда-нибудь мы с Линой сядем в самолет и полетим домой. Там, в окне иллюминатора, закончится океан, под крылом проплывет паркетная Европа, ровные, расчерченные прямыми линиями поля сменятся безграничной и бесформенной зеленью, пересекаемой беспорядочными лесами, дымом костров, и мы вернемся туда, где привычная неустроенность и наш дом, наши друзья.

Уже несколько дней мы жили в Уэймуте. Наше счастье с Линой было по-прежнему незыблемым. Но временами мы впадали в какое-то уныние, принимающее подчас острые формы. Лина падала на кровать и закрывала лицо руками, я обнимал ее, мы молчали. Мы долго лежали в постели, медленно приходила ночь, примиряющая, превосходящая все. Только тогда мы снова обретали друг друга и забывались сном до следующего утра. Мы объездили все окраины, раздали контакты, нам все это время казалось — что-то действительно наклеивается, но никто из работодателей так и не перезвонил. Каждое утро мы подходили к стойке Абдуса и выкладывали пятидесятидолларовую дань: еще одну ночь. Он опускал свой приплюснутый нос, сгребал купюры и говорил:

— О'кей...

Деньги таяли, дни тянулись. Мы думали, убегая из лагеря: отыщем свободу, жизнь превратится в музыку и движение. Действительность оказалась другой. Мы боялись сделать лишний шаг, потому что каждый шаг стоил денег. Мы просыпались с тревогой: еще один день, еще тридцать долларов за мотель, еще двадцать долларов на еду, еще пятнадцать на развозы и неизвестность, неизвестность, которая впереди... Жизнь под постоянным прицелом мысли о том, что вот-вот закончатся деньги.

Я вернулся в номер. Лина встала с кресла, чтобы встретить меня. Мы поцеловались. Потом она поставила чайник и достала кружки, я выложил на стол коробку заварочных пакетиков и печенья.

- Погода совсем испортилась, — сказал я.
- Да, я так тяжело поднялась. Все еще сонная.
- В такой дождь и не пойти никуда, только дома сидеть.
- Может быть, еще распогодится.

Я посмотрел в окно. Дождь и не думал стихать. Иногда налетал ветер, и холодные струи громче хлестали по стеклу. Лина подошла ко мне и прислонила к лицу ладони:

- Только не раскисай, — сказала она, улыбнувшись.
- Я не раскисаю, — ответил я, — ты ведь рядом.

Я открыл коробку с чаем, положил пакетики в кружки. Лина села на кровать и замерла, задумчиво глядя в окно, покусывала губы и теребила пальцами прядки волос.

К нам зашел Миша. По нему было видно, что никаких новостей у него нет. Слова о том, что вакансий не появилось, а друзья из тех, кто ответил, не ответили ничего утешительного, стали уже дежурными. Он прошел до середины комнаты и сел на стул. В это дождливое утро от него исходило что-то особенно тягостное. Его намокшая куртка, набрав воды, как бы сникла, уныло обвисла, потемнела. Он тоже выходил под дождь, странно, что ничего не сказал, и мы не пошли в магазин вместе.

Миша взял пульт, но не включил телевизор:

- Новости такие, ребят, — сказал он, не поднимая глаз, — я уезжаю домой.

Застыла стеклянная тишина.

- Ты серьезно? — спросил я.

— Серьезно, — ответил он отрешенно, — я звонил в авиакомпанию, мне поменяли билет. Завтра я улетаю...

Он встал и подошел к двери.

- Только жаль, что Америки, можно сказать, я так и не видел...

Вскипел чайник. Я посмотрел на высокое зеркало на стене. Мне захотелось запустить в него чем-то тяжелым, разбить вдребезги все, что происходит вокруг, не осознавать, не чувствовать, не видеть. Лина кинулась ко мне и уткнулась лицом в мою грудь.

- Почему ты ничего не сказал ему? Что нам теперь делать?

Я взял ее за плечи:

- Мы тоже должны подумать об этом.

Ее глаза наполнились отчаянием.

- Как мы вернемся?

- Просто нужно узнать. Я позвоню.

Я отпустил ее. Вскинул на стул рюкзак и начал искать билеты, что-то со звоном упало за спиной. Я подошел к телефону.

— Компания «Бритиш Эйруэйс», чем можем помочь? — деловито поинтересовался голос.

— Здравствуйте, — сказал я, — я хотел бы узнать, как поменять дату вылета. Мне придется улетать раньше.

- Назовите, пожалуйста, номер рейса.

Я продиктовал номер.

- Скажите, пожалуйста, ваше имя.

Я представился.

- Когда бы вы хотели вылететь?

- Через два дня. У нас билеты на двадцатое сентября, но обстоятельства изменились.

— Секундочку, — сказал мужчина, послышался стук клавиш. — Сэр! — раздалось в трубке.

- Да?

- На запланированную дату все билеты экономкласса уже забронированы.
- Что это значит?
- Мы не можем поменять ваш рейс на эту дату.
- Тогда на какую? Ближайшую. Мне нужно два билета.
- Два?
- Да.
- Секунду... — стук клавиш. — Сэр!
- Да?
- Сожалею, но до двадцатого сентября свободных мест не осталось.
- До двадцатого сентября не осталось свободных мест?
- Да.
- У вас все распродано до самого двадцатого сентября? — повторяю я, как умалишенный.
- Да.
- Что же мне делать?
- На рейс через два дня есть билеты в бизнес-классе.
- Сколько они стоят?
- Секунду.
- Снова стук клавиш, колкий и быстрый, хитиновые ножи.
- Сэр!
- Да? — говорю я и слышу, как это «да» отражается в моей голове стократным эхо.
- Одну тысячу двадцать долларов, сэр, — говорит он издевательски просто.
- Тысячу двадцать?
- Да. С каждого человека.
- С каждого?
- Да.
- Спасибо, я понял.
- Всего хорошего, сэр, спасибо за ваш звонок, приятно...
- Я кладу трубку. Тысяча долларов, которой у нас нет и в помине... Я посмотрел на Лину, подошел и сел рядом.
- Мы никуда не полетим, — твердо заявила она.
- Верно, не полетим, — подтвердил я.
- Мы не можем улететь, — сказала Лина мягче, — мы должны вернуть родителям деньги.
- Точно, должны.
- Так мы никуда не полетим? — спросила она.
- Никуда.
- Но что мы будем делать без Миши?
- Ничего.
- То есть?
- Мы отберем его паспорт.
- Она промолчала.
- Мы поедем в Бостон, — сказал я, — попробуем еще раз.

Бостон

Размышления о Бостоне витали в наших головах, они и притягивали, и пугали. Поездка стоила бы уйму денег, и Бостон был последней надеждой, последним рубежом, за которым мы могли лишиться всего. Возможно, поэтому мы до последнего не решались поехать туда. Мы просто боялись.

— И что, они опять согласились поменять билет? — удивлялся я.

— Да, абсолютно бесплатно, — подтвердил Миша.

— Что у тебя за авиакомпания? Ни за что больше не свяжусь с «British Airways»!

Миша улыбнулся.

— Хорошо, что я не улечу сегодня. Не увидел бы этого всего, — мечтательно произнес он.

И посмотрел в открытое небо, где мог бы сейчас парить его самолет, потом оглянулся по сторонам, оценивая виды, которых бы он лишился.

По лазурным плоскостям небоскребов разбегались, то замедляясь, то раскручиваясь, солнечные огни. Они взбирались на самый верх, докуда хватало взгляда, и соскальзывали вниз, исписывая небоскребы зигзагами, которые рассыпались в бусы внизу, скакали по дороге и запрыгивали на глазированные бока автомобилей, умиротворенно текущих по улицам, оставляющих за собой легкий бриз. Хотелось запрыгнуть в один из щеголеватых авто с открытым верхом и ехать вперед по обнесенным пышной зеленью улицам, дышать санаторным воздухом и тихо водить рулем, пряча за черными очками полные ленивого спокойствия глаза. Но дела наши складывались уныло. Хоть каждый угол был законопачен заведением, где подавали съестное, всюду мы натывались на повторение того, с чем уже столкнулись в Уэймуте. Те же пустые application forms повсеместно. Вера и Ника сказали, что месяц ожидания ответа по ним — обычное дело. Однако мы договорились, что не будем огорчаться, если в очередной раз ничего не выйдет с работой, а деньги, потраченные на проезд, стоили того, чтобы увидеть Бостон.

Мы бродили по светлым улицам. Согласно туристической карте, мы прошли не так много от центра, но уже сбились бы со счета, спроси нас, сколько мы видели необычных зданий, памятников на внушительных постаментах или скульптур. Поначалу мы с Линой ритмически сжимали ладони, сигнализируя друг другу — смотри-смотри! Но в конце концов наши руки застыли в неослабевающей хватке — глаза разбегались, не зная, на какой примечательности остановиться. Среди устремленного ввысь величия встречались крохотные церквушки, часовни, постройки вековой старины, но они не терялись на фоне бесконечности небоскребов и не думали им противостоять, филигранные в каждой детали, они сверкали драгоценной инкрустацией, дополняющей общий узор.

Мы сели на скамейку в небольшом сквере, разбитом на перекрестке улиц, чтобы передохнуть. Неподалеку играла музыка — быстрый перебор на гитаре, песня флейты, шелест металлических тарелок. Музыканты в ярких одеждах плавно раскачивались, полужакрыв глаза. Как топленое масло, музыка скользила по улице, сливаясь с журчанием воды и ярким солнечным светом. Я поднял руки на спинку скамьи:

— Красиво...

— Отличный город, круто, что приехали, — подтвердил Миша. Его кислое лицо впервые за несколько дней прояснилось.

— Если все срастется — будем здесь жить! — сказал я мечтательно, но задним умом пожалел: не стоит, не стоит загадывать.

— Я подумал, позвоню в авиакомпанию, отсрочу вылет еще на несколько дней, — проронил Миша.

— Ну и правильно! — ухватился я. — Тебе вообще нет смысла сейчас уезжать. Погуляешь, город помотришь.

— Черт знает этих Кларков, может быть, я уже нелегал... — не обращая внимания, сказал Миша, — уедешь, а потом не вернешься. Ну что, двигаем в Quincy Market?

Quincy Market был архитектурно простой и монументальной постройкой. Огромный вытянутый параллелепипед с двускатной крышей, выступающей над входом в виде козырька, подпертого колоннами дорического вида. Люди галдели, толкались и дер-

гали локтями, лучу света было сложно пробиться сквозь эту толпу. Тьма, тьма народа... Нависая над прилавками, подавались вперед то плечистые с широкими насупленными лицами мексиканцы, в витринах которых пылали бурритос и фахитас, заправленные самым огнем, то напомаженные, лощеные и обходительные итальянцы с их на ура идущими пиццей и пастой, то чуть растерянные, проигрывающие соседям в английском, а оттого слегка комичные в своем неловком, но неотступном желании угодить тонкие, как спички, китайцы с их овощами и мясом, политыми чем-то клейким, карамельным, янтарным. Мы с большим трудом протискивались в первые ряды и только здесь отвоевывали себе разряженное пространство, основанное на страхе окружающих устроить серпантинный взрыв из картошки фри и липких напитков, если мы внезапно развернемся с подносом.

— Мы ищем работу, — говорили мы, — вам нужна помощь?

Отказывали без грубости, деликатно. Возможно, еще помнили себя в нашей школе. И пустых надежд никто не давал — никто не спрашивал наш номер телефона, никто не предлагал application. Длинный тоннель, которым был Quincy Market, мог и закончиться, а свет в его конце по-прежнему не забрезжить. Привычное разочарование овладевало нами, мы ничего не обсуждали, мы шли вперед и спрашивали, спрашивали себе место. В конце концов, не питая уже никаких иллюзий, чтобы скорее отделаться от этой выматывающей толчеи, мы разделились.

Я подошел к ресторанчику, где заправляли парень и девушка в желтых футболках с бразильскими флагами. Она шустро орудовала ножом и что-то кричала парню, который, с опаской поглядывая на нее, то наливал содовую, то хлопал дверцами шкафов, подтаскивая недостающие ингредиенты.

— Извините, — обратился я к девушке, удивляясь, как быстро все спорится в ее руках, — я ищу работу...

Ее пальцы пролетали над едой, под стремительными движениями разрозненные куски овощей и мяса соединялись и скатывались в плотные рулеты. Не поднимая головы, девушка гаркнула:

— Оливейра!

Я подумал, она сообщила своему ассистенту название следующего блюда, но тут из кухни появилась особа средних лет, под метр восемьдесят ростом, у нее была смуглая кожа, но светлые волосы и голубые глаза.

— Да? — спросила она.

Девушка с ножом что-то ей сказала. Оливейра взглянула в мою сторону и улыбнулась, из-за спелых губ выглянули два ряда белых и ровных зубов. Она пошла на меня плавной походкой, поочередно выставляя вперед тугие, обтянутые черной тканью леггинсов бедра.

— Ищешь работу? — спросила она.

— Да, — сказал я.

— Ты уже работал, darling?

— Да, конечно. Я все умею. Готовить, мыть посуду, убираться. У вас тут бразильская кухня, да?

— Нет, — сказала Оливейра (я различил паутинки морщин на ее смеющихся веках), — нет, — повторила она и опять назвала меня *darling*.

— Но ведь у вас везде бразильские флаги?

— Это потому, что мы очень любим Бразилию, мы все оттуда.

— Мне нравится Бразилия — карнавалы, пляжи, футбол! — поспешил вставить я и выдал все, чему меня учил Рикардо. — *Hola! Cómo estás? Mi nombre es Andrey. Me gustas! (Привет! Как дела? Меня зовут Андрей. Вы мне нравитесь!)*

Блондинка положила мне руку на плечо, заглянула в самую глубину глаз и сказала:

— Мой друг, в Бразилии мы говорим на португальском.

— Оу, — сказал я, — португальский такой красивый...

Девушка рассмеялась.

— Знаешь, я бы взяла тебя работать по выходным, вот когда мы кипим по-настоящему! Платим восемь долларов в час, если тебя устроит — приходи в субботу, открываемся в десять.

— Правда? — обрадовался я. — Конечно, я приду!

— О'кей, тогда до встречи.

— Спасибо.

Я подошел к Лине.

— Тебя взяли? — спросила она.

— Да, но только на выходные.

Она схватила мои руки:

— Молодец!

— Будем считать, что начало положено.

Мы выбрались из Quincy Market. Я пытался думать, что делать дальше, но разрозненные мысли не подчинялись. Бразильский ресторанчик был соломинкой, за которую хотелось ухватиться и плыть. Но она слишком тонка даже для одного. Мы стояли у одной из колонн и вглядывались в лавинообразную толпу. Лина первая заметила Мишу. Мы окрикнули его, и он обернулся.

— Андрея взяли на выходные в бразильский ресторанчик, — поделилась Лина.

— Здорово, — сказал Миша, — а у меня ничего нет, но я встретил девушку в одном месте. Она тоже из Тольятти. Она дала номер какого-то парня, Юры. Говорит, он тут многим русским помогает с работой и жильем.

— Опять русский? — спросил я.

— Но проверенный русский, — возразил Миша, — да и вариантов все равно больше нет.

— Давайте позвоним ему, — предложила Лина.

— Только найдем другое место, здесь слишком шумно.

Мы вышли во дворик, посреди которого была развернута палатка, небольшой шатер. В нем мы купили хот-доги (нет, работники не нужны, спасибо), сидячих мест не было, и ели мы стоя чуть в стороне. Перекусив, Миша позвонил. Юра быстро понял, где мы, и пообещал, что скоро будет. Он подъехал минут через двадцать. Молодой, поджарый, одетый без выпендрежа: бежевая футболка с нагрудным карманом, заправленная в высокие джинсы, на ногах — кроссовки, но сам при этом весь какой-то холерный, расчесанный и бритый, с сабельной ухмылкой на лице. Мы пожали руки и представились. Он расспросил обо всем: как мы оказались в Бостоне, какие планы, есть ли виза, social security number, как надолго мы намерены задержаться в Штатах. Потом он сказал, что с работой, пожалуй, есть единственный шанс. Некто Джо владеет точками по приготовлению хот-догов, наподобие той, где мы пообедали только что. Дела Джо в последнее время не то чтобы идут в гору, скорее наоборот — буксуют и даже немного сдают. Но Джо хваткий и упорный, он не сбрасывает обороты, напротив, хочет расшириться, открыть новые точки. Несколько русских студентов уже работают у него. Правда, вместо положенных восьми баксов в час Джо платит семь.

— Вас это устроит?

— Вполне.

Когда на дороге не валяется ни цента, семь баксов или восемь — разница кажется неуловимой. Юра несколько раз набрал Джо, но тот не отвечал.

— Ладно, перезвонит потом...

Он пригласил нас в автомобиль. Черный «крайслер» с высоким, развитым передком. По дорогам Соединенных Штатов таких ездит немало. Понятно, что не ахти какую

обтекаемость с лихвой компенсирует табун жеребцов под капотом. Мы протиснулись на заднее сиденье. Когда двери захлопнулись, салон наполнился ощущением космической изолированности от внешнего мира. Юра завел двигатель, он заурчал нетерпеливо и тяжело.

Наш дом

Случилось что-то важное после того, как вороной «крайслер» Юры вырвался из музейных коридоров центра и помчался во всю прыть по вьющимся веревкам свободных улиц. Какое-то спокойствие наполнило нас. Подхвативший нас вихрь событий закручивался стремительно, но противодействовать ему не хотелось.

Затрезвонил телефон Юры.

— Hello Joe... — он снял трубку.

Мы яростно вслушивались в разговор.

— Ну все, — сказал Юра, закончив беседу, — завтра вы выходите на работу. С девяти. Поздравляю.

Мы стиснули зубы, сжали кулаки — держи, держи удачу за хвост, не дай ей ускользнуть, раз уж попала нам в руки! Где-то высоко в небе невидимые нам звезды сошлись сегодня как надо.

Юра сказал:

— В середине лета найти жилье проблематично — у тех, кто сдает на сезон, все уже занято.

«Ну, — подумал я, — сейчас начнет набивать цену».

— Но вам повезло. Недавно освободилась комната. Только больше чем вдвоем там не разместиться. Тебе, — он быстро взглянул на Мишу, — придется что-то придумывать.

Мы напряглись, Миша беспокойно заерзал.

— Что? — спросил он, подавшись вперед между кресел.

— Я еще одну квартиру сдаю, таким же, как вы. Заедем туда, попробуешь договориться — денег предложи, тогда возьмут, наверное.

— А если нет?

— Будем искать дальше.

— Поживешь у нас первое время, — предложила Лина. — Можно?

— Конечно, — Юра кивнул, — на улице не оставим. Но там, мне кажется, все срастется.

Мы посмотрели на Мишу.

— Хорошо, — согласился он.

Юра рассказал о доме, в котором будем жить мы с Линой. Недалеко от станции «Wonderland» — последней на голубой ветке. Мы достали карту бостонского метро. Контур, очерченный изломами линий, смахивал на кроличью голову, пронзенную разноцветными стрелами. Станция «Wonderland» находилась на макушке футуристического уха. Мы заглянули в карту для туристов, чтобы рассмотреть район, но нашего района там не оказалось. Мы перевернули на расширенную туристическую карту, но и на нее окрестности станции «Wonderland» не вошли.

— Да нормальное там место, — успокоил Юра.

На дверях двухэтажного дома, выкрашенного в красно-коричневый цвет, висел замок. Сдавались комнаты на втором этаже, а первый был закрыт — хозяева там не жили, но и не собирались сдавать. Мы поднялись наверх по железной лестнице. Внутри находились три комнаты: самая большая — зал, совмещенный с общей кухней, его снимали три девушки, среднюю комнату заняли два парня из Казани, самая кро-

хотная комнатуха была свободна — наша. Размером она была три на три метра, абсолютно пустая, голые беленые стены, единственный предмет мебели — полка, и та подоконник. Никого из жильцов второго этажа мы не застали, они все еще находились на работе. Мы продолжали осмотр. Внутри имелось все необходимое для комфортной жизни: на кухне плита, холодильник, в темноте чулана стиральная машина и даже сушилка — по российским меркам примета избытка.

Мы сошлись с Юрой на четырехстах долларах в месяц, впрочем, сошлись — это громко сказано, он озвучил цену, мы согласились. На первое время Юра оставил свои ключи, с условием, что мы сделаем дубликат в китайском квартале. Он объяснил, как до него добраться, а дальше схематично обрисовал, где находятся ближайшие магазины, станция метро, телефонная будка. Потом мы рассчитались, и Юра заторопился устраивать Мишу.

Нам ужасно хотелось остаться в доме, но мы вышли на улицу. Уже вечерело, а дел предстояло так много. И прежде чем искать таксофон, метро, магазины, звонить Вере, потом Мише, ехать в Уэймут за вещами, нужно было сделать еще одно. Мы уже знали, что там, за дорогой, за шумными проспектами, живет, волнуется, ждет, безграничный, как небо и время, океан. Он манил, и, окрыленные, подчиняясь его зову, мы порхали по улицам, огибали чьи-то жилища — такие же красные и белые домики в два-три этажа, перелетали дороги, и за одной из них, за ограждением шоссе, через длинную полосу пустого пляжа открывался он — океан. Невозможный, несбыточный, нереальный. Его величие будоражило и умиротворяло одновременно. Он был могуществен и спокоен. Тихие волны бросали пену на вязкий песок. Мы шагали по берегу. Соленый воздух стягивал кожу, и уголки губ сами собой поднимались вверх. В темно-зеленых водорослях деловито копошились чайки. Неподалеку взлетал самолет. Мы шли босиком по кромке. Океан обрушивал поцелуи к ее ногам. Укутывал нас в свой шепот. Ветер раздувал ее волосы, поднимал песок, обветривал губы. Помню точно, в тот момент я был счастлив, счастлив безоговорочно, абсолютно...

Миша рассказал, что в квартире, куда его привез Юра, в трех комнатах жили, а правильнее сказать — ютились, человек десять. Последняя цифра была неточной: постоянно кто-то приходил, кто-то, наоборот, отлучался. Никто не возразил, когда он задал вопрос: можно я здесь останусь? Мы вызвали такси, заехали за ним и вместе добрались до Уэймута. Вера и Ника, несмотря на давно закончившийся трудовой день, еще были в хлопотах по работе, поэтому прощание получилось недолгим. Вера поздравила нас с тем, что все так удачно сложилось, и сказала, что с вещами мы могли бы повременить — никуда они бы ни делись. Но мы очень спешили утвердиться своим нехитрым имуществом на новых местах. Забрали сумки и чемодан, которые были с утра приготовлены и перенесены к Вере в комнату, чтобы не вносить оплату за номера, если жилье в Бостоне нам все-таки подвернется, и заторопились на выход.

— Вуе, — попрощались с Абдусом, проходя мимо.

— Вуе, — надутو просипел он.

Мы пригласили Веру и Нику в гости, они сказали, что обязательно приедут, как только у них будет выходной.

— Будет круто! — пообещали мы.

И погрузились в кэб. Сначала подкинули Мишу — так было короче, и узнали, в каком он районе живет, — а потом добрались к себе. Когда мы поднимались на второй этаж по довольно крутой лестнице, навстречу нам попался небольшой ураган — наши соседки спешили на вторую работу. Мы попробовали что-нибудь разузнать: как вас зовут? на чем спал парень, живший до нас? можем мы воспользоваться вашей кастрюлей? Девчонки спросили:

- Сколько с вас взял Юра?
- Четыреста баксов, — кинули мы им вслед.

Они прокричали, что парню, который снимал комнату до нас, она обходилась в два раза дешевле...

Вернувшись в дом, мы начали разбирать вещи и обставлять свой угол. Гулкое пространство быстро наполнялось уютом, из сиротливого становилось обжитым. Чемодан стал шкафчиком с откидной дверцей, где, аккуратно сложенные и свернутые, лежали футболки и брюки, на подоконнике выставилось зеркальце, ручка с блокнотом и косметичка, в ванной комнате появился складной стакан, в котором прижались друг к другу наши зубные щетки, верхнюю одежду мы повесили в гардероб, который, по нашим соображениям, считался общим. Остро встала необходимость покупок: продукты, чтобы придумать ужин, посуда, чтобы воплотить его в жизнь, надувной матрас и разная бытовая мелочь.

Закрывая за собой входную дверь, мы новой волной ощутили радость, переходящую в восторг, — настоящий американский дом в нескольких минутах ходьбы от океана, и он наш на все оставшееся время до возвращения в Россию!

Мы шли по улице, простой и открытой, по одной стороне чередовались домики, по другой — размежеванные тонкими перелесками автомобильные парковки. Ближе к станции метро зелень редела, парковки ширились, но пустели, занимали обе стороны, и все как будто оседало. Асфальт глотал свет, вечерело. По дорогам ездили машины, в некоторых пульсировала музыка, но, в общем-то, было тихо. Впереди открылась площадь магазинов — одно большое пространство под монолитной, тяжелой, черной, как битум, крышей, плоское и прочное, как фундамент.

Уже царил час затишья, покупателей было немного. Я складывал в телегу сок (за полупрозрачным пластиком канистры густо колыхнулась бледная оранжевая жидкость), канистру молока, хлопья, хлеб, картошку и мясо, набор посуды из прочного, толстого пластика (упаковка таких стоит дешевле, чем штучные экземпляры из нержавеющей или фарфора), надувной матрас, насос. На стойке с надписью «Not the best but still good buy» я снял лоток с персиками по хорошей скидке, но Лина заметила, что это гнилушки, аккуратно уткнутые в пластик подпорченной стороной.

Покупок набралось два полных тяжелых пакета, которые оттягивали руки и больно врезались в ладони. От неприспособленности улиц к пешеходам приходилось делать много лишних шагов. Вечер медленно улетал с шелестом и прохладой. Когда мы подходили к дому, окна верхнего этажа по-прежнему оставались темны, зато в нижних ожил яркий свет. У тротуара был припаркован фургон с раскрытыми дверями. Двое мужчин составляли в него нагруженные картонные коробки. Мы навалились на хозяев дома.

- Добрый вечер, — поздоровались мы.
- Здравствуйте, — ответил тот, что был старше.

Они встали, нахмурились, и у обоих проявилась одинаковая складка на лбу, одинаково срослись в тонкие стяжки напряженные губы, и я подумал — жуть как они похожи, но следующей догадкой осознал, что ничего жуткого нет, просто это отец с сыном.

- Вы от Юры? — спросил отец.
- Да, — сказал я, опуская пакеты на тротуар, — снимаем комнату на втором этаже. Вы владельцы дома?
- Верно, — голос у старика был хриплый, будто хворост трещал. — Вы заехали недавно? Мы вас раньше не видели.
- Да, только сегодня.
- И сколько же вас там живет теперь? — досадливо хмыкнул молодой.

— Э-э-э, — я считал постояльцев, — семь. Да, семь, кажется.

— Семь человек? Ха! — рассмеялись хозяева. — Когда мы сдавали второй этаж Юре, он говорил, там будет жить одна русская семья — такой был уговор.

— Правда? — я немного растерялся, с Юрой мы все решили, но про условия хозяев он ничего не объяснял, — нет, мы не знали об этом... Но нас там не то чтобы семь — все остальные работают по ночам, и мы почти не пересекаемся, мы еще и не видели всех соседей...

Кажется, мои слова не послужили хозяевам утешением. Сын спросил:

— Хотелось бы знать: как долго вы собираетесь здесь жить?

— До конца сентября, — ответил я.

— Хорошо, — сказал сын, — потому что в октябре будем продавать дом, и Юра в курсе, и нам бы не хотелось, чтобы кто-то находился там в это время.

— Нет, — сказал я, — можете быть спокойны, насколько мне известно, после сентября никого не останется. Так вы продаете дом?

— Да.

— Жаль. Дом у вас великолепный.

— Да, — подтвердила Лина, — нам очень нравится.

— И океан, он всего-то в нескольких минутах. Мы до сих пор не можем поверить, что нам так повезло, и мы живем в нем! Всего за четыреста баксов в месяц!

Тут мужчины обреченно посмотрели друг на друга и сдавленно хохотнули. Седовласый опустил голову и по-лошадиному мотнул ею. Я понял, что сболтнул лишнего — Юра, возможно, платил им меньше за весь этаж.

— А вы тоже студенты? — спросил старший из мужчин.

— Да.

— И как? Нравится... Америка?

— Да.

— И вы приедете следующим летом?

— Не уверен, — ответил я, — мы будем на пятом курсе, последнем, а визы студентам последних курсов не дают, слишком велика вероятность, что мы не вернемся домой.

— То есть наше правительство боится, как бы вы не остались здесь навсегда?

— Именно так.

— Ха, — рассмеялись они, — хитро, ничего не скажешь!

«Кажется, — подумал я, — минут пять назад они и сами опасались точно того же».

Во время нашей беседы на улице окончательно стемнело, стало резко холодать. Лина слушала разговор отстраненно, явно скучая. Она сказала, что замерзла, извинилась и ушла в дом. А мы стояли у фургона. Эти двое, несмотря на свою занятость, казалось, если их не остановить, могли бы проговорить до утра. Я слушал их, а сам думал: ведь когда мы разойдемся, они приедут домой, будут разгружать свой пикап и не остановятся до глубокой ночи, пока не закончат, а утром проснутся и как ни в чем не бывало пойдут на работу. Интересно, за это лето они сами хоть раз побывали на побережье?

Аквариум

Торговать хот-догами не вышло. Все изменилось в первый же вечер после того, как мы распрощались с хозяевами дома. Мы как раз заканчивали свой запоздалый ужин, когда вернулись наши соседки, и мы затеяли недолгий ночной разговор.

Девушки работали в бостонском аквариуме, а парни из Казани — мойщиками посуды в крупном ресторане. Это они первые узнали про пригородное казино и устроились

туда на ночную подработку парковщиками автомобилей, оставив себе на сон четыре недолгих утренних часа. А потом они позвали девчонок, попробоваться на официанток. В казино им назначили испытательным сроком неделю, сегодня она закончилась, всех троих взяли на должность крупье — неслыханная удача. Только на чаевых они поднимали столько, что быстро поняли: работа в аквариуме балласт, не имеет никакого смысла за нее держаться. Они предложили свои места нам — дело не пыльное, восемь долларов в час, платят раз в неделю, и все уж лучше, чем продавать хот-доги.

Следующим утром мы наведались в бостонский аквариум — угловатую конструкцию, похожую на нагромождение рухнувших плит. Разыскав в этих обломках вход, мы повстречали Кенана — хозяина фотостудии, невысокого, рано поседевшего турка с добродушным лицом, в очках, в поло с расстегнутой пуговицей воротника, в легких лимонных брюках. Он не впал в раздумья на наш счет, как будто совсем не придавая значения замене, быстро одобрил: приступайте.

Работа фотостудии была тем самым, что я уже видел в Empire State Building. Всем посетителям в холле предлагали сделать фото, пока они знакомились с выставкой, курьер брал заполненную флешку и мчался с ней в студию через дорогу. Там происходило магическое наложение портретов на красочный фон — богатая зарослями синеватая вода с узором разноцветных экзотических рыбок, из глубины выплывает белая акула. Коллажи распечатывали, курьер бежал назад с увесистой наплечной сумкой. У выхода из аквариума двое раскидывали принесенные снимки на фанерный стенд, попутно всматриваясь в лица выходящих. Этими двумя были Лина и я. Курьером снова туда-сюда Миша. Люди у входа роились, как пчелы у летка, за секунду выхватить чье-то лицо и раскопать его снимок на стенде было не так-то просто. Ну а убедить посетителей приобрести портрет за заоблачные двадцать долларов — еще сложнее. Не было какого-то рецепта. Присматривал за нами парень по имени Ник.

— Ничего, — приободрял он, — скоро вы научитесь сразу распознавать тех, кто может купить, и тех, на кого не стоит тратить время.

Индусы всегда ходили небольшими группами. Принимая просьбу пройти к стене как меру безопасности, необходимость, они получались на карточках настороженные и немного испуганные. Зато после вручения снимка на выходе их лица преобразались: растекались широкие улыбки, в глазах зажигался огонек — они становились небольшим кругом, начинали восклицать и смеяться, стеснительно прикрывать рты руками. Вздурораженное шествие медленно удалялось, то и дело потряхивая над головами добытым снимком. Приходилось догонять, объяснять, что фото не бесплатное, стоит всего двадцатку. Они сразу же огорчались, затыгивали жалобное «у-у-у» и отказывались от покупки. Редкие русские тоже не спешили расстаться с деньгами. Они спрашивали:

— Сколько? Ой, мы тут совсем не вышли...

Философия белых американцев подходила нам больше всего:

— O'key, let's spend our money on the worst things! — говорили они и развертали кошельки.

Мы открывали кассу и клали под пластиковую лапку новую банкноту. К счастью, американцев среди посетителей было большинство. И стопка денег росла на удивление быстро.

Но ближе к полудню поток людей иссяк, и даже коренные туристы, имея, видимо, в уме предстоящие траты на поход в ресторан, все чаще отделялись от нас кислыми «I'm all set, thank you». К нам подошел Кенан и сказал, что мы с Линой можем пойти на обед. Туда всех отпускали по очереди, чтобы работа фотостудии не прекращалась. Кенан предложил нам самим выбрать, как долго будет длиться наш перерыв: трид-

цать минут, и он оплачивает это время, либо час, но в счет рабочего дня он не идет. Разумеется, мы остановились на первом.

Мы наведались в ближайший «Seven-Eleven», где было некое подобие кулинарии. Девушка-продавец посоветовала воспользоваться спецпредложением и купить два хот-дога по цене одного. Так мы и поступили. Мы боялись опоздать, поэтому управились с хот-догами минут за десять. Зато у нас появилась возможность заглянуть наконец внутрь аквариума. Ведь до сих пор мы были лишь в холле и снаружи и видели только стеклянные вольеры, стоявшие по бокам, где резвились тюлени — симпатяги, то плавающие, то выползающие из воды, чтобы погреться.

В главном зале первого этажа располагалось обиталище несметного числа пингвинов. Неуклюже, с детским агуканьем, покоряющие возвышения искусственных скал, они становились неожиданно быстрыми и маневренными в воде. Часто-часто, как заводные, перебирали короткими крылышками и смешно гонялись за тенью рук, которые выставляли вперед переваливающиеся через поручни туристы. На самых вершинах скал, в лоснящихся шубах, чванливо перетапывались императорские пингвины, наблюдая за всем из-под хмурых султанчиков-бровей.

Дальние стены здания были сплошь заставлены аквариумами и террариумами. Распахивающиеся-схлопывающиеся медузы плыли в воде, подсвеченные разноцветной иллюминацией, похожие на живые бутоны. Собравшиеся в ленивую спираль светлогreenые анаконды, вараны, выстреливающие длинными языками, неказистые морские коньки, похожие скорее на растения, которые пустились в свободное плавание, с корнями оторвавшись от грунта. Множество маленьких, ярких, как искорки, рыбок, которых бисером разметало по водяной толще. Дружные косяки саблеподобных, блестящих, как сардины в масле, телец. В самом центре зала уходила ввысь главная часть аквариумной ассамблеи — наполненный водой стеклянный столб, окольцованный смотровой спиралью, по которой бродили туристы, тыкая пальцами в стекло. Внутри колбы кишела настоящая океанская жизнь. У дна, змеясь, то выползая, то прячась наполовину длины в своей норе, хищно зыркала по сторонам злая мурена. Стелясь по дну, грациозно полоскались крыльями-плавниками инопланетные скаты, лениво кружили толстоголовые, но с тонкими усами китайских старцев сомы. Выше загребали лапами хранящие вековую мудрость огромные, в пол человеческого роста, черепахи. Разные обитатели — мелкие, как монпансье, или большие, с широкой пеликановой пастью. Но несравнимо крупнее других — настоящая акула. Она вспарывала острым носом прозрачную ткань — все расходилось и исчезало. Она тихо плыла рядом, вперяя в нас агрессивные глазенки, нервно подергивая складками жаберных щелей, процеживая воду частыми гарпунами зубов. Мы остановились, она лениво проскользила вперед. Я посмотрел на часы — обед закончился.

После нас отпустили Мишу и одну американку, до сих пор зазывавшую посетителей встать перед фотоаппаратом. Лина заменила ее, а я остался на улице в паре с турком-студентом. Необычно бледным для турка и чересчур упитанным для студента. Днем он работал, вечером учился, ночью выполнял задания. Короче, он недосыпал. Его даже звали как-то уныло — Умут. Сидя на высоком деревянном табурете и тихонько раскачиваясь, он смотрел на проходящих людей глазами отлученного от матери теленка, время от времени размазывая ладонями темные круги вокруг глаз, и постоянно нудил.

Время летело. Продажи опять пошли, Кенан улыбался, мы корчили счастливые физиономии в ответ. По первому разу работа нам подходила совершенно — суть обязанностей мы схватили быстро и справлялись с ними не хуже других. Кенан остался доволен. В конце дня он напомнил, чтобы завтра мы появились в то же время. Мы кивнули и попрощались.

Поев в ближайшей забегаловке, поехали в центр прогуляться по магазинам. Покупки и последующая прогулка по городу отняли у нас весь вечер, домой мы возвращались ближе к ночи, сидя в темном вагоне метро, держа на коленях пакеты с покупками, строя планы на следующий день. Мы ехали домой после работы, чтобы проснуться завтра и начать все снова. Мы потихоньку втягивались в обычную американскую жизнь.

В гостях

Первый день в Quincy Market был черт знает что такое. Миловидная хозяйка куда-то подевалась с самого утра, и все остальное время я находился в компании трех ее соотечественников во главе с воинственной особой, взявшей на себя функции шефа, ее звали Лаура. Она и двое парней — все плохо говорили по-английски.

Туристы осаждали нас с самого утра. И вместо ожидаемого инструктажа, времени на изучение ассортимента и овладение приемами приготовления блюд я был сразу брошен на передовую. Я вертелся, как француз у казаков: бистро-бистро-бистро. Меня поставили на wгaps — рулеты, вроде шаурмы, с вариациями начинки. Всего было пять видов, для каждого только свой соус и набор ингредиентов. Естественно, я все время их путал. Лаура недовольно косилась на меня, выхватывала из рук работу и все переделывала. Рулет у нее выходил за какие-то секунды, был твердый, крепкий, как дубинка, которой в случае чего можно и ударить. Все, что получалось у меня, выглядело так, будто это с пола подняли. И я молил всех бразильских богов, чтобы мои рулеты не развалились до того, как я передам их в руки покупателей. А они все на двигались. Я выглядел, как мне казалось, весьма беспомощно, но они, как назло, большей частью шли целенаправленно ко мне. Лаура все время была начеку.

— Используй старый салат! — подбравшись сзади, цедила она сквозь сдвинутые зубы, когда я брал в холодильнике зелень. — Иначе его придется выбросить!

И я клал свежую зелень обратно на полку, забирая вместо нее пожухшие листки с темнеющими краями.

— Убери лишнее мясо! — шипела она враждебно, подглядывая, как щедро я использую самый дорогой ингредиент.

А люди все подходили.

— Послушайте, — обратилась ко мне девушка, которая получила свой рулет совсем недавно, — вам не кажется, что это отвратительно?

Я думал, она имеет в виду мою стряпню, и уже готов был виновато понурить голову, но она протянула стакан с содовой. Я заглянул под крышку. Там плавал натуральный таракан.

«Черт, как он туда забрался?» — подумал я, улыбнулся и отдал стакан Лауре.

«Fuck!» — сказала она тихо.

Девушка не стала миллионером в этот день: новая порция газировки — это все, чего она удостоилась, Лаура не удосужилась даже извиниться.

К концу смены я чувствовал себя опустошенным. Я вышел из Quincy Market, стянул ненавистную бейсболку, в которой провел весь день, протер ладонью лоб, покрытый копотью и кухонным жиром. Хотел сказать себе, что ни за что не вернусь завтра в это место, но пятьдесят баксов в кармане были слишком веским аргументом. Я отправился на набережную, к причалу, где мы условились встретиться с Мишей и Линой. Там был только Миша, он сидел на самом краю плитки, у воды, и болтал ногами в воздухе, и смотрел вниз. Я приземлился рядом.

— Привет, — сказал я.

— Здраву, — ответил он.

— Лины еще нет?

— Не видел. Зацени, какие я кроссы купил!

Он вытянул ноги, красуясь огромными черными кроссовками.

— Ага, — сказал я, — большие.

— Привет, — раздался звонкий голос.

Подбежала Лина. Сияющая, невесомая. Я встал, мы поцеловались.

— Опоздала, — сказала она, — долго не могла выбрать туфли.

— Туфли? — переспросил я.

— Да. Зато платье сразу подошло!

— Платье?

— Ну да. — Она передала мне пакеты. — А у тебя что? Как работа?

— Нормально. Бесплатно пообедал.

— Ну что, пойдем? — предложил Миша. — А то время.

И мы пошли. Мимо бостонской бухты. Мы двигались мимо рестораников на воде, где лысеющие толстосумы в обществе своих зреющих или перезревших дам потели над лобстерами, карикатурно дергая руками, заламывали им клешни. Подходила к концу наша первая бостонская неделя. Мы исправно трудились в аквариуме, навязывая фотокарточки расточительным туристам, обедая хот-догами в «Seven-Eleven», считая дни и заработанные деньги. Вечерами гуляли по городу, делали покупки в магазинах или наслаждались океанским побережьем и тем, что бесплатно доставалось работникам студии: ходили в аквариум, в кинотеатр, где смотрели трехмерное кино, катались на теплоходе, карауля выпрыгивающих из воды китов, в ожидании которых от борта к борту перебегали всей гурьбой суетливые, охающие индусы.

Сегодня в гости нас позвал Миша. Его квартира находилась на той же голубой ветке, всего через станцию от нас, но это был уже город. Вместо частных домишек обычные многоэтажки, хмурые, не имевшие вида на океан даже в перспективе. Квартал считался латиноамериканским. В глубине квартала, на улочках, во двориках, из домов, — везде слышалась испанская речь. Знакомые интонации наполняли вечер умиротворяющей музыкой телесериалов. Она виляла за нами, не истончаясь, пока мы добирались до места. И только в квартире оборвалась. И с другого конца потянулись разрозненные, рубленые русские голоса. Внутри было немало народа, достаточно, чтобы никто не обратил внимания на наш приход. Миша указал на кладовку справа от прихожей, чтобы мы оставили вещи. Перебирая плечики, я заметил, что на многих футболках, кофтах не хватает лоскутов ткани.

— Что это? — спросил я.

— А, — сказал Миша буднично, — срезали магниты.

На кухне вдоль боковых стен наваливались друг на друга высокие черные полиэтиленовые мешки. В их складках поблескивали лужицы теплого света. Электрическая плита, установленная в углу, находилась в таком запущенном состоянии, что даже при большом желании на ней невозможно было что-нибудь приготовить. Это было пепелище многих костров, покрытое надежным, в палец толщиной, слоем сажи. По кухне бродила девушка, высоко перешагивая завалы, она снимала репортаж на камеру свой мыльницы.

— А это кухня, — журналистским тоном непричастности говорила она, глядя в видеоискатель, — вот так ее уделывают русские студенты.

— И сколько ты платишь за это жилье? — спросил я Мишу.

— Нисколько. До сих пор не нашел человека, который занимается деньгами.

Мы сидели за столом и болтали. Потом взяли стол, стулья и вышли на балкон. Вид с него был так себе — торец противоположного дома с пожарной лестницей. Лина сидела, полузакрыв глаза. Я принес наши кофты.

— Блин! — громко сказал Миша и прильнул к перилам, возбужденно оглянувшись по сторонам. — Хорошо бы, конечно, тут остаться! Прикиньте, будем здесь жить! Разбогатеем, будем плавать на их яхтах, есть омаров, кататься на офигенных тачках.

— Никогда мы тут, Миш, жить не будем, — сказал ему я.

Он погрузился, как ребенок, у которого отобрали игрушку:

— Ну что нас ждет в России? Образование? Работа? Вам попадались люди, которые, допустим, после Франции говорили, что теперь не могут пить российское вино, или после Германии то же самое про пиво? — он отошел от края балкона и сел на стул. — Мне всегда казалось, что это понты: побывали за бугром, теперь выпендриваются. Типа — я видел, побывал, не зря съездил. А сейчас я сам думаю: смогу я жить в России, зная, что здесь так? Получить диплом, чтобы работать за четыреста рублей в день, зная, что тут мог бы получать восемь баксов в час, просто фотографируя туристов? И ладно бы только деньги. Тут ведь во всем так...

Мы молчали. Развивать не хотелось...

Когда мы с Линой вернулись домой, как всегда, никого не было. Я достал из холодильника почти законченную бутылку вина, пару картонных стаканов, и мы выбрались на крышу крыльца — наше волшебное место. Она была застлана чем-то мягким, с блестящими крапинками, лоскутком ночи. В небе висела большая, горящая холодом луна. Я взял руку Лины, разглядывал ее смуглую, даже в больничном свете луны, бархатную кожу... Но такие холодные пальцы, их нужно сжимать и гладить, сжимать и гладить.

— Раньше я и море слышал только в ракушке, а тут сразу океан, — сказал я.

Океан был спокоен. Высокие гребни падали на пустой берег, и отдаленный рокот наполнял волнением нашу ночь.

— Ну и что ты думаешь? — спросила Лина.

— Я думаю, что люблю тебя, и жизнь, и это место...

— Так, может, нам действительно остаться здесь?

— Будем встречать тут утро?

— В Америке. Хотя бы на год, а там посмотрим. — Она напрягла пальцы и взглянула на меня.

— А учеба?

— Возьмем академку. Родители оформят.

Я не смог сдержать улыбку:

— Ты серьезно?

— Когда мы вернемся в Россию, нас отчислят, мы просто потеряем год. А здесь...

— Нас не отчислят.

— У нас столько долгов...

— Мы все сдадим.

— Мне кажется... мы не должны отпускать это место, — с грустью сказала она, — мы наконец вместе, нашли дом, работу, все начинает налаживаться... мне так хорошо. За год мы сможем заработать денег, помочь родителям, купить что-то...

— Все как-то неожиданно, — сказал я, — давай вернемся домой и, если решим, следующим летом поедem уже на год. У нас будет время, чтобы все обдумать.

— Если мы уедем, то уже не вернемся сюда. Никогда.

— Почему?

— Ты и сам это знаешь. Просто подумай, хорошо?

— Хорошо, — сказал я.

Лина допила вино и отпустила руку.

— Ладно, ерунда это все. Главное, что мы с тобой вместе, да?

- Конечно.
- Я спать, а ты?
- Посижу еще.
- Тебе завтра на работу.
- Я помню. Я недолго.
- Все нормально?
- Да.
- Тогда — спокойной ночи?
- Спокойной ночи.

Она поцеловала меня и ушла.

Я смотрел на светлячки машин, скользящих по ночному шоссе, и слушал шум машин, ветра и океана. Что-то пронзительное висело в воздухе. Осень в Бостоне, зима в Бостоне, весна и еще одно лето. Все это казалось заманчивым, но неосуществимым. Почему? Я думал о словах Лины, искал им противовес, тасовал неубедительные доводы. Она была права, права безоговорочно, но меня тянуло домой. Необъяснимо, бескомпромиссно, генетически.

Я взболтал вино и вплеснул в себя остатки. Закрыв глаза, запрокинул голову и глубоко вдохнул воздух. Ясный, свежий, голубовато-зеленый. Посмотрел на небо. Такие близкие, почти осязаемые звезды. Вспыхивают блуждающие огни — прилетают и улетают самолеты. Как ненадежные маяки, бросающие путников посреди дороги.